

Александр Волков

**Жизнь
Амадеева
или
Чистая Аэродинамика**

Художник

Владимир Колесников

Все лица и события,
описанные в данной книге,
являются вымышленными,
кроме лиц и событий настоящих.

1988–2022

417

Оглавление

1. Жизнь во тьме.....	7
2. Чистая аэродинамика.....	29
3. На шкафу.....	41
4. Цирк в подвале.....	55
5. Интеллигенция.....	69
6. Письмо и чтение.....	81
7. Голоса с того света.....	95
8. О вреде мозгов.....	107
9. В гостях у друга.....	125
10. В Молдавию!.....	137
11. Героизм трудных будней.....	151
12. Перо и карандаш.....	165
13. Пишущая машинка.....	179
14. Научное открытие.....	191
15. ДОССиКиВПиПДиФИ.....	221
16. Вынужденный балдеж.....	239
17. Разное образие.....	263
18. Орден Магистров Ненужных Дел.....	279
19. Яд и противоядия.....	299
20. Поле зрения.....	313
21. Дневник.....	323
22. Парахина и Чернухин.....	349
23. Ирис кис-кис.....	361
24. Механический петух.....	375
25. В юр. консультации.....	385
26. На Некрасова.....	391
27. Основной вопрос.....	401
28. Вылет из залёта.....	411

Благодарность соавторам

Соавторов много, на самом деле.

Жизнь, например: ничего придумывать и не надо, пиши, как есть, уже смешно.

Однако, и прежде всего, особая благодарность — Владимиру Колесникову, перу (и карандашу) которого принадлежат не только замечательные иллюстрации, но также трактат «О вреде мозгов», сказ(ка) о Ламясенькой Курюньке, драма о взаимоотношениях Пера и Карандаша, а также многое другое, написанное в соавторстве или благодаря долгой дружбе, например, главы «Цирк в подвале», «В Молдавию!», «ДОССиКИвПиПДиФИ» и др. Без Владимира Ивановича не было бы и самой книжки, идея которой родилась в 1983-м году в долгих и увлекательных ночных беседах в курилке первой роты.

Стихотворение «Смейся до слез. . .» принадлежит перу (или карандашу) Андрея Степанова.

Глава «Поле зрения» принадлежит шариковой ручке Ростислава Сафронова.

Дневник ученика 3-го класса принадлежит перьевой ручке Зенкиной.

Письмо «Риммь» является реальным письмом, подобранным на помойке, с измененными именами. Такое сам не придумаешь.

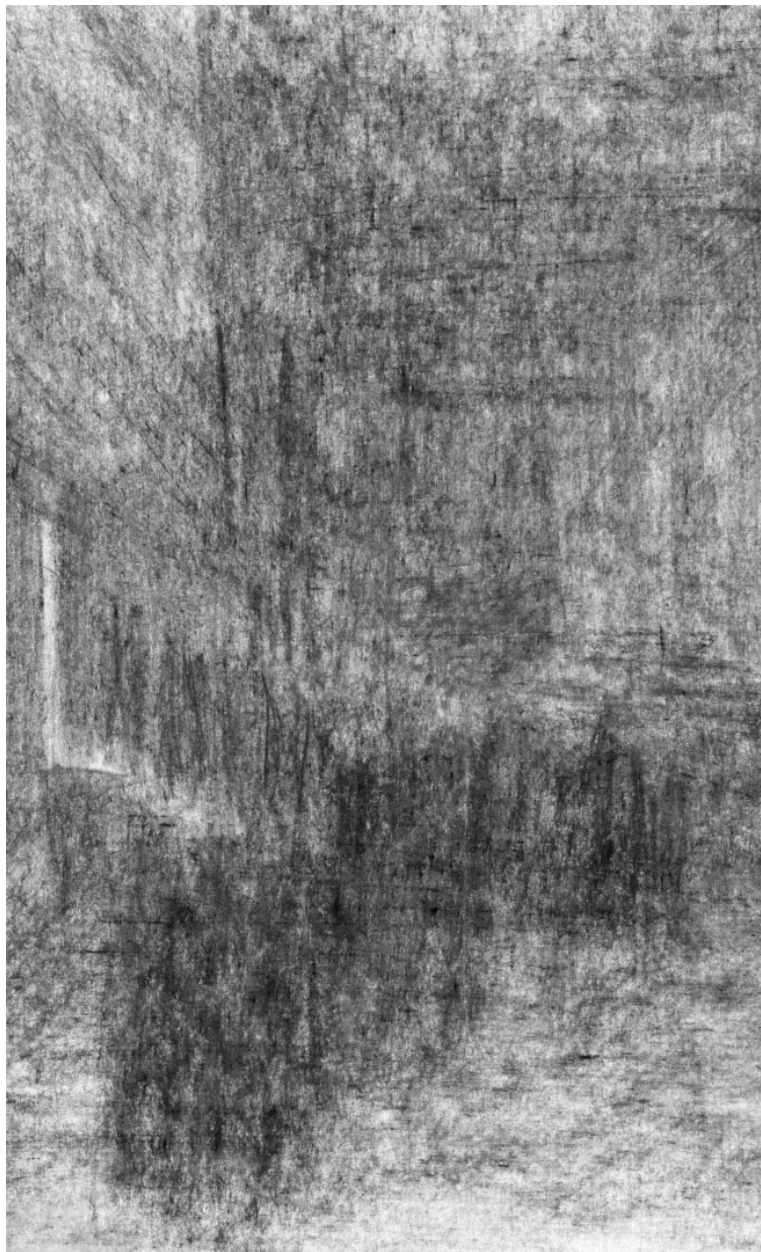
Отрывок из Ювенала принадлежит Ювеналу.

Всем спасибо.

Татьяна Александровна сказала про меня,
что она не может понять, что во мне от Бога,
а что от дурака.

— *Даниил Хармс*

1. Жизнь во тьме

Амадеев старел по ночам. Днем Амадеев не старел, днем было некогда. Но по ночам. . . Тут, правда, надо сделать оговорку. Амадеев старел не всю ночь подряд. Он старел только в те (иногда моменты, а иногда и часы) перед засыпанием, которые счастливицам с пониженной острой восприятия представляются чуть ли не сладкими и желанными. Непробиваемость психики или слабость конституций этих людей заставляет их вожделенно устремляться к койке — как если бы это убогое сооружение представляло собой обнаженную гурию или изысканно сервированный стол.

Амадеев представлял себе, как ближе к ночи (по местному времени) весь народ одним махом валится на более или менее похожие подставки для обессиленных тел. А если взять земной шар, то народ валится эдак волной — со скоростью «шагающего по планете» нового года. Причем, думает-то народ, что просто валится, а на самом деле он — проваливается. «И во время успокоения на ложе ночной сон расстраивает ум его».

— Кстати, спать совсем не обязательно, — утешал себя Амадеев по ночам, часами ворочаясь в саркофаге своей зашторенной комнаты.

— Как это? — вопрошал Амадеев же.

— А так: достаточно смирно лежать с закрытыми глазами и молчать.

— И что будет? — спрашивал Амадеев.

— Отдохнешь!

После нескольких часов подобной риторики Амадееву начинало казаться, что он седеет, а наступающее через определенные промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором почти полностью прекращается работа сознания и снижается реакция на внешние раздражения, так и не наступало.

О, у кого «полностью прекращается», а у кого — полностью наоборот! Какие сны видел Амадеев! Куда там Клавдии Ивановне, видевшей каких-то дворников, играющих на арфах, архангелов в сторожевых тулупах, и вязальные спицы, прыгающие по комнате, и производящие огорчительный звон.

Но увы, точно также, как и Клавдия Ивановна, Амадеев видел сны всегда. Всегда, всю свою жизнь, каждую ночь без исключения Амадеев просматривал какую-то незаказывавшуюся им для просмотра дрянь — иногда сюрреалистическую (спасибо!), а чаще тупую реалистическую, не всегда страшную, всегда неинтересную, и всегда исключительно гадкую и непрошеную. И прокручивали ее Амадееву в цвете, с поразительной отчетливостью и со строгой, только внутри дряни понятной логикой. О, Карл Густав Юнг бы объяснил! Если бы был доступен. И согласен.

Амадеев пытался бороться. Он выработал даже специальный прием, эдакий резкий выверт правой ногой, который позволял проснуться и выйти из навалившегося на тебя кинозала.

Но увы, прием срабатывал не всегда. Для успеха необходимо было знать, что ты смотришь бездарное кино, а, скажем, не являешься хромым волком, убегающим от своры бешеных псов.

Телевизор. . . Да телевизор был за счастье! Если сравнить. И выключить можно, и уйти от него. Да хоть бы и смотреть — Амадеев мог запросто смотреть, можно даже сказать, «любил» — и «Наш сад», и «Здоровье», и даже «Человек и закон». Вести с полей его только радовали. Но сны. . . Амадеев не любил своего подсознания. Оно жило отдельной от него жизнью, управлению не поддавалось и ничего, кроме какой-то гадости, в себе не содержало. «Ну что, подсознание, — обращался к нему Амадеев, ложась в кровать, — какую дешевую кинушку будем сейчас смотреть, а?» Ответа не следовало. «Презираю», — негромко говорил Амадеев и отворачивался от экрана.

Его друг Растик относился к снам иначе. Он спать любил, сны просматривал с удовольствием и даже иногда, засыпая, специально ложился на спину, чтобы нагреть о подушку затылок. Так, по его подсчетам, можно было «словить ужастик». Один свой сон Растик даже записал, поскольку тот оказался никак не менее, чем выдающимся произведением — про Несмеяну, Шывочку, Третий Глаз и Поле Зрения.

Амадеев прочитал сон с восхищением, но самому ему ничего доброго так и не снилось, а ночной фильм ужасов он мог словить, заснув в любом положении.

Поэтому, с наступлением темноты для Амадеева наступало не время ночного отдыха, а время ночного оттягивания «отдыха». О, если бы ночное бодрствование было хоть чем-то похоже на дневное!

То, что днем просто не могло существовать, ночью становилось во главу угла, загоня главу Амадеева в угол неразрешимых противоречий и антиномий. Совесть Амадеева, и без того не в меру наглая, по ночам совершенно распоясывалась, и, грозя Амадееву демонстративно снятым ремнем, читала Амадееву нотации голосом диктора центрального телевидения. Страхи Амадеева, которые днем, честно сказать, и сами побивались хозяина, по ночам вылезали — Совести на подмогу — и периодически выкрикивали из-за ее спины что-то бранное. Любимые предметы — пишущая машинка, словари, горшок с едким перцем — притворялись неодушевленными и отказывались оборонять Амадеева на поле брани с Совестью и страхами. Прочие предметы (с которыми Амадеев не состоял в близких отношениях) превращались в активных врагов: подушка становилась камнем, одеяло окатывало потом, простыни либо сворачивались в канаты и мяли бока, либо щекотали какими-то крошками от сухарей. . .

В такие часы Амадееву думалось, что он должен сесть. А это уже предлог: Амадеев вставал, зажигал свет и подходил к зеркалу. На манер не слишком деликатной парикмахерши он сворачивал себе голову набок и косился туда,

где подозревал седину, добросовестно помогая глазам челюстью. Седина наверняка уже есть, просто сейчас освещение падает на зеркало, — думал Амадеев, — а разглядывать что-либо при таком освещении категорически запрещается, поскольку это является грубейшим нарушением Правил Пользования Зеркалами.

Здесь Амадеев с восхищением и облегчением осознавал, что Правила Пользования Зеркалами (с приложениями, схемами и дополнением) до сих пор еще никем и нигде не были с достаточной тщательностью разработаны и упорядочены. Именно: «с приложениями, схемами и дополнением», — говорил себе Амадеев (сам несколько озадаченный тем, что приложений будет несколько, а дополнение — всего лишь одно), выводя печатными буквами **ОБЩИЕ ПРАВИЛА ПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕРКАЛАМИ** (с приложениями, схемами и дополнением) на обратной стороне ранее настенного, с прошлой недели напольного, а теперь настольного табеля-календаря за позапрошлый год.

(Разумеется «Общие», какие же еще, Общие правила заложат основу для дальнейшей детализации и разработки правил специфичных, напр. Правил Пользования Зеркалами в Воздушных и Надводных Судах и т.п.)

Двусмысленная позиция между кнопкой, препятствующей разрешению противоборства календаря с силами тяготения, и стеной, хотя и позволившей сделать себе кнопочное пирке, но лишь лицемерно оказать календарю поддержку,

не могла не закончиться коллапсом. А как бы себя повел я, — Амадеев живо представил себя в различных бытовых и производственных ситуациях, — если бы мне воткнули в живот пиркейный ножичек (кровожадные медсестры наверняка в обеденный перерыв чистят ими свои ногти) и прописали бы не вынимать его, скажем, год, а то и два?

Но — за дело!

«1. Общие положения.

1.1. Зеркало. Определение.

1.1.1. Зеркало представляет собой предмет, имеющий в своей конструкции не менее одной гладкой отполированной блестящей поверхности, изготовленной, как правило, из стекла (реже из металла), служащий даче отражения находящихся перед ним других предметов или существ».

Особенно, как показалось Амадееву, ему удалось выражение «служащий даче». В черепной коробке Амадеева строевым шагом прошли колонны самоотверженных дачников, готовых в любой момент не пощадить живота ради служения своей даче и своему животу (где-то на заднем фоне служащий даче, вытянувшись по стойке смирно и прижимая к животу наискось, на манер АК-47, лопату, дает присягу «положить живот за живот»). . .

«1.2. Зеркало. Принцип функционирования.

1.2.1. Основным принципом функционирования зеркала является падение и отражение углов».

Амадеев поглядел в угол и увидел там скрючившийся по форме угла носок. Носок побудил Амадеева зачеркнуть написанное предложение. С зеркалами шутить не следует. Ну, во-первых, могут упасть (вместе с углом) и разбиться — вот уже и неприятности. Во-вторых, зеркала могут так тебя отразить, что потом (из любви к самому ближнему) не захочешь глядеть им в глаза. Амадеев подошел к зеркалу и, размахивая правой рукой как если бы он бил кого-то по щекам, продекламировал стихотворение известного (хотя и не всем) поэта Андрея Степанова:

*Смейся до слез иль сочти подлецом —
Вижу я в зеркале чье-то лицо.
Уши — осла. Бегемота живот.
Стало быть в зеркале кто-то живет!*

*Лик негодяя глядит на меня.
Кто вам сказал, что он — это я?
Брызги осколков, хрустящий паркет.
Вот он я есть, а его уже нет.*

. . .

*Смейся до слез иль сочти подлецом —
В каждой осколке я вижу лицо. . .*

Влепив себе на последнем слоге особенно смачную пощечину, Амадеев устыдился своей экзальтированной инсценировкой умного стихотворения и сел обратно за стол. «1.2.2. *Надо быть скромным*», — написал Амадеев в Общих положениях Общих Правил Пользования Зеркалами. Знака препинания на конце только что выведенного правила не оказалось, и Амадеев, отражая специфику описываемого явления, добавил: «, *скромность украшает отражение человека в зеркале*». Амадеев поглядел на увековеченную в календах фразу и вздохнул. Было ясно, что он взялся не за свое дело. Он не должен писать Общих Правил Пользования Зеркалами (с приложениями, схемами и может быть даже одним дополнением) — хотя бы из-за их относительно низкой утилитарности. Он должен писать книгу всей своей жизни. Да, именно: Книгу о жизни. Или даже: Книгу Жизни. Нет: Книгу Всей Жизни.

Вся его жизнь (не просто жизнь, а именно вся) казалась Амадееву совершенно невероятной, и об этом, конечно же, стоило написать. Загвоздкой на пути осуществления замысла был сам предмет описания. Описать *всю* свою невероятную жизнь — даже относительно недолгую — было нельзя. Амадеев это понимал. Отдельные же части всей жизни его совершенно не устраивали. Собственная жизнь, представлявшаяся Амадееву величайшим эпосом, была, к сожалению, похожа на волшебную елочную гирлянду, цепь лампочек, соединенных вопреки

законам Ома, Бойля и Мариотта — непоследовательно и не параллельно, но так, что каждое звено гирлянды изящно высвечивало красоту грязного снега бесконечного Нового Года, в котором жил Амадеев. (И ни один поляк мне не возразит! — воскликнул в душе Амадеев, вспомнив, что «красота» по-польски — «урода».)

Нет, в Книге Всей Жизни не могло быть отдельных частей или купюр. Было важно все, решительно все.

— Я вашу книгу вам на стол положила, — сказала вчера Роза Марковна, лишь завидя Амадеева в коридоре, — спасибо, конечно, но такого бреда я еще не читала. А уж эти необязательные главы. . . Вам не кажется, что и вся эта книга, как бы это поделикатней выразиться, необязательная. . .

«О, если бы это была *моя* книга! . . .», — с тоской подумал Амадеев. Роза Марковна держала «Игру в классики» не менее полугода, в связи с чем Амадеев, уже потерявший надежду на возвращение блудной книги (увы, не его) жизни, сказал Розе Марковне извиняющейся (почему-то) скороговоркой:

— Спасибо-пожалуйста.

Уже отплывшие было бедра Розы Марковны на мгновение застыли, а потом снова нервно затряслись прочь. «Юродивый», — подумала Роза Марковна бедрами. «Сама дура», — подумал Амадеев головой.

Наполовину (вся) жизнь Амадеева слагалась из подобных эпи(!)зодов. Именно так, каждый

эпизод был целым эпосом. Не было только пафоса. Точнее, его никто почти не замечал (лишь единицы, о, не многие!). Одним из замечательных всевидцев был его армейский друг Жибин, и письма от Жибина (увы, проживавшего свою жизнь в другом городе) составляли важную часть уже написанной (!), но пока еще не собранной воедино и не изданной «Книги Всей Жизни (Вообще)».

Одна сторона (всей) жизни была восхитительна. Другую (несколько менее восхитительную) сторону (всей) жизни Амадеева составляли попытки (по преимуществу ночные) распутать гордиев узел собственных извилин и нервов.

Извилины вели себя прилично лишь до тех пор, пока Амадеев не повелевал им разобраться во *всей* своей (и их) жизни. Тут они свивались с нервами в змеиный клубок и становились отдельным от Амадеева злонамеренным и управляемым организмом. В алкогольной продукции (любой крепости) эти мерзкие черви не тонули (более того, к утру после попойки их активность крайне обострялась), доводов разума не признавали (ибо обладали не меньшим), физического воздействия не боялись, злорадно хихикая всякий раз, когда Амадеев в сердцах вlepлял себе пощечину.

Чтобы порубить мерзких тварей нужна была волшебная сабля, но сабля была только у Хармса (никому он ей так и не дал помахать, Беккет и Ионеско играли своими собственными, деревянными), и Амадеев упорно пытался развязать

извилистый узел перьевой ручкой, цепляя стальным пером наиболее наглых и извивающихся червяков. Получалось плохо.

Мысли об авторучке и о не туда завившихся извилинах напомнили Амадееву о вреде мозгов, столь убедительно доказанном Жибиным в одном из его писем. Разумеется, жибинское письмо (до сих пор Амадеевым неотредактированное и неотпечатанное, срам и позор нерадивым неотредакторам и неотпечатникам!) нельзя опубликовать ни в какой редакции, хотя в нем — ничего «такого» нет. Ах да, — Амадеев вспомнил, как его вводили в литературоведение, — как же: «Необходимо различать в явлениях жизни их родовые, существенные особенности и степень типичности каждого отдельного явления для всего рода. Для искусства изображение типического всегда является главной и самодовлеющей задачей».

Реминисценция вызывала почти физические ощущения блеска: как в витрине ювелирного магазина на черном бархате раскинулись «необходимо», «главной задачей», «степень типичности», «существенные особенности». . . Но блеск этих мелких побрякушек затмевался сиянием крупнейшего бриллианта, покоящегося среди рассыпанной по пыльному бархату бижутерии: «ВСЕГДА».

Всегда является! Разумеется, если речь идет от настоящим искусстве. . .

Счастливые обладатели точного знания всегда доподлинно ведают, что всегда является все-

гда для искусства всегда главной задачей. Слово «всегда» надо всегда писать с восклицательным знаком, — подумал Амадеев, — а лучше (как в испанском языке) с двумя — спереди и сзади — чтобы приготовиться восклицать заранее и как следует восклицнуть, когда будет приказано: ¡всегда! (И не забывать, что первый восклицательный должен быть повернут вверх головой и вниз ногой.) Или даже с ¡¡четырьмя!! или ¡¡шестью!!! ¡Ввысь! ¡¡Всегда!! ¡¡В веках!!!

Амадеев вдруг обнаружил, что он кричит ночью в пустой квартире. Амадеев перестал кричать и осторожно оглянулся по сторонам. Все было спокойно, штукатурка не осыпалась, календарь со стола снова на пол не сполз (хотя пытался, пытался!), только из угла укоризненно смотрел носок, еще более скрючившийся от амадеевского крика.

В детстве Амадеев увлекался фотографией и из чисто технического интереса фотографировал все подряд — вид из окна в разную погоду, свою комнату, грязь на улице. . . Главное было не *что*, а *как*. В период фотообострений Амадеев записывал в блокнотик: номер снимка, что было снято, с какой выдержкой, диафрагмой, и т.п. — для последующего анализа и синтеза. Однажды зимой Амадеев в сумерках сделал (со штатива) фотографию настенного коврика-гобелена, изображавшего собор св. Марка в Венеции, точно (по книжке) рассчитав, что в начале января, в четыре часа вечера на широте Москвы, в трех метрах от окна такой-то площади и в двух мет-

рах от объекта съемки, выдержка при полностью открытой диафрагме должна составить. . . тридцать две минуты. Закрыв затвор ровно через тридцать две минуты, проявив и распечатав пленку, Амадеев был потрясен качеством снимка, на которое он вовсе не рассчитывал.

Еще больше его потрясла при рассматривании прочих только что проявленных фотографий следующая мысль: Вот же она, моя комната, — думал Амадеев, разглядывая очередной свой фото-шедевр, — и все, что изображено на фотографии — *чистейшая правда*, как она есть. Почему же тогда это абсолютно точное, фотографичное изображение не на шутку окружающей действительности не является искусством? Чего недостает? Типичности? Она-то как раз тут как тут — в комнатах знакомых Амадееву мальчиков был такой же бардак!

Как-то на выставке Амадеев видел фотографию — снят кусок хлеба, лежит разделочная доска, крошки, ножик... Почему же тогда моя фотография, думал Амадеев (технически выполненная безупречно и изображающая бытовые предметы того же порядка), не может висеть рядом с той фотографией на выставке? Вот мой письменный стол, на нем как попало (как всегда, заметьте, — типично!) навалены книжки и тетрадки, вот валяются детальки от разобранных и несобранных настенных часов-ходиков, ящик стола приоткрыт, из него торчит уголок листика, вот карандашные очистки, под столом носок (один), рядом с носком — механизм

от заводного петуха, лапами кверху, шнур от настольной лампы застрял в стакане с карандашами, стакан покосился, но падать передумал. . . Почему хлеб с крошками — искусство, а носок под столом — нет? Композиция была идеальной, а соответствие реальности — абсолютным.

Амадеев решительно не мог понять, почему он не может открыть новое направление в искусстве — «носкизм-под-столизм», и почему оно хуже, скажем, кубизма, абстракционизма, сюрреализма или еще какого-нибудь «-изма». Носкизм-под-столизм, если угодно, это и есть тот самый (всем!) недостающий метод, выражающий ту самую полуприличную правду-матку не в матку, а в глаз. Разумеется, о степени ее художественности «еще долго будут идти споры». Ну так споры будут идти и о любом другом «-изме». Спорьте на здоровье, только не деритесь, думал Амадеев. А восклицательных можно где угодно понаставить. Носкизм! Под-Столизм!! Совершенно другой вид, кстати. Поставил восклицательных — и течение сразу превращается из полуподпольно-полуподвального в Магистральное! Очень даже жизне- и еще более утверждающе.

Непокорные и непокоренные извилины Амадеева внезапно сложились в великолепный проект повышения жизнеутверждающей (или жизнеутверждающЮсти?) литературы в частности и искусства вообще.

В чем суть? Надо просто придумать доступный алфавит, основой букв которого были бы сочетания восклицательных знаков. Нет, надо два алфавита — другой, на основе вопросительных знаков, тоже нужен: негативные-то явления тоже ведь надо как-то отражать! (Ну да, это у них там за рубежом, разумеется, я это и имел в виду, ой, не надо по попе!)

Зеркала сверкнули в мозгу Амадеева и ему вдруг стало стыдно — даже не за сами несостоявшиеся Общие Правила Пользования Зеркалами, и даже не за многочисленные приложения со схемами, а за одно-единственное, может быть маленькое и незащищенное, никем не любимое и почти никому не нужное, но такое милое дополнение к приложениям, схемам и самим Общим Правилам.

Впрочем нет, алфавиты — сначала, а *уже потом*, при помощи и с использованием новых алфавитов — Правила. Общие. С приложениями. Схемами. И с маленьким, но чрезвычайно важным и гордым дополнением.

Внезапно Амадеева пронзила страшная мысль: «А как же быть с восклицательным знаком?! ??! !!! Как его-то самого-то изобразить-то при помощи восклицательных же знаков-то?! Холодный пот выступил на челе Амадеева, но, правда, не надолго (высшее образование, все-таки):

1. Восклицательный знак можно передавать восклицательным знаком. Же. А все остальные

графемы должны состоять из двух или большего количества восклицательных знаков.

2. От нового алфавита можно отказаться («Вот это размах, — похвалил себя Амадеев, — вот это человечище: эдакое выдумать и отказаться, — это не всякий сможет!»). Просто надо изменить орфографию (совсем слегка), сделать ее, так сказать, немного. . . жизнеутверждающей, -щней, -щней, -щней, -щней, выбрать нужное. Щей плеснуть, короче. Степка, хочешь щец? Фи!!! Но к делу!

«Для иск!ства изображ!ние тип!ческого всегд!! явл!ется гл!вной и (вот загвоздка, черт возьми, — подумал Амадеев, — как же с “и”-то быть. . .) ; (!) с!модовл!ющей зад!чей».

Убиваем целый выводок зайцев: переход на новую систему письма не потребует (а) времени, (б) нового оборудования для типографий, (в) большой разъяснительно-просветительской работы, а дааааст — помимо значительного повышения жизнеутверждающей литературы (и ее -щности заодно) еще и многие побочные выгоды, а именно: читатель сможет, наконец, стать истинным сотворцом произведения, перестав быть простым его потребителем (Ишь, иждивенцы!! Все им разжуй! Все им готовенькое подавай. . . — Амадеев несколько раз погрозил иждивенцам кулаком, сначала уверенно, а потом слабее, может быть потому что и себя почувствовал чьим-то сотворцом по последней тираде).

Извилины-нервы свивались все туже, и Амадеев чувствовал, что ослабевает. Он положил руки на стол, голову на руки и замер. Его угнетала тотальная, необратимая типичность любых совершаемых им действий. Не поднимая головы, Амадеев попытался подпрыгнуть задом на стуле, чтобы сделать ситуацию, в которой он оказался, менее типичной, но сил для этого было нужно больше, чем того стоила де-типизация. Он чувствовал, что кое-какие записи помогли бы ему разобраться во всей (без остатка) своей жизни, но для занесения на бумагу из всех типичных движений надо было выбрать типичнейшие (море), а из типичнейших — разнаитипичнейшие. На этой стадии вытипячивания типичное становилось единичным, а на обоях появлялись косяки кляксочек, вылетевших из спикировавшей на стол перьевой ручки с золотой надписью на фюзеляже: *«Учись на отлично»*.

Амадеев решил пожаловаться на свою избыточную типичность другу детства Голову. Голова — жена Голова — отдыхала на югах. Вот и причина, чтобы позвонить. А ввиду приближения рассвета Совесть Амадеева начинала дремать, переходя в свое дневное агрегатное состояние.

(В скобках надо заметить, что дремала у Амадеева только та Совесть, которая не велела звонить Голову, потому что Голова жил в том же городе, в пятнадцати минутах ходьбы. Другая же Совесть Амадеева («а что — есть еще и другая? — подумал Амадеев в промежутке между скобками, — вот ужас-то. . .»), — та, которая не

позволяла разбудить среди ночи Жибина, — не-сла службу бодро, ничем не отвлекалась, не выпускала из рук оружия нравственных пыток (такой маленький ножичек) и никому не отдавала его, включая и лиц, которым она была подчинена (а поскольку она никому не была подчинена, то и отдавать было некому), — а все потому, что Жибин жил за двести километров, и два часа междугороднего разговора — это. . . Много. (Не то, чтобы Амадеев плохо знал математику, но он любил пользоваться элегантною системой счисления древних: «один», «два» и «много».) И хотя с Жибиным хотелось говорить на много часов (веков?) больше, чем с Головым, с Головым у Амадеева было намного больше принципиальных разногласий — не уходить же от них! Это было бы малодушием!)

Помимо всех прочих принципиальных разногласий между Амадеевым и Головым, одним из наиболее принципиальных было диаметрально противоположное отношение сторон к наступающему через определенные промежутки времени физиологическому состоянию покоя и отдыха, при котором почти полностью прекращается работа сознания (и снижается реакция на внешние раздражения).

Несмотря на высокую вероятность как внешнего, так и внутреннего раздражения Голова в связи с любым ночным телефонным звонком, пятый час утра показался Амадееву достаточно подходящим временем для предметного разговора о типичности и специфичности в искусстве и

жизни (а может быть и в искусстве жизни), а также о многих других важных и интересных вещах.

Трубку на том конце невероятно длинного (и хитро извивающегося) пластмассового червяка (с металлическим позвоночником) не брали. Голов подходил к своей жизни научно. Он не разделял амадеевского сравнения сна с прогулкой в катафалке. По мнению Голова, отход ко сну более походил на посадку в дормез — дорожную карету, приспособленную для сна в пути. Головский дормез уже много раз бывал опрокинут, налетев на кочку не вовремя обострившейся обобщательности Амадеева; подобный опыт не мог не привести к выработке у Голова навыка охраны своего физиологического состояния покоя и отдыха, при котором почти полностью (а у некоторых и полностью) прекращается работа сознания.

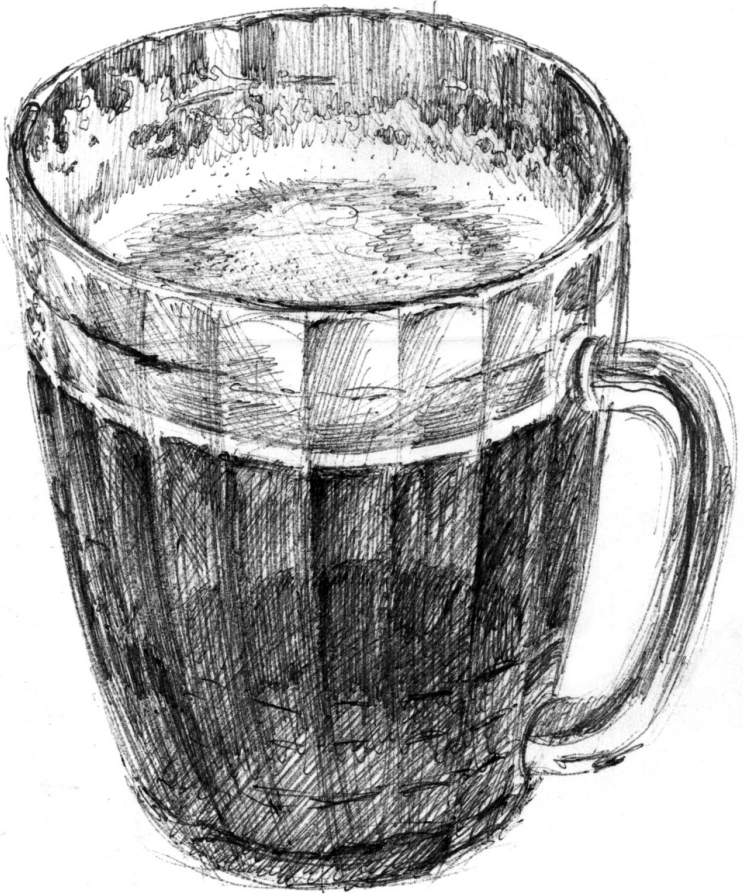
Амадеев зажал редкий гудок большим пальцем левой руки. Гудок, хотя и заметно придушенный, вылез из микрофонного конца трубки. Амадеев зажал микрофонную решеточку правой ладонью. Покой. Тишина. Полное равновесие сил в природе. Этого совсем нетрудно добиться, если немного пошевелить мозгом и проявить сметку, — заметил про себя Амадеев. Плохо только, что, однажды отстояв покой и тишину, трудно взять и начать ими наслаждаться. Смысл не в покое, а в борьбе за него.

Амадеев рискнул и отжал большой палец. Тишина не нарушалась. Амадеев страшно напу-

гался и немедленно вновь заткнул телефонное отверстие. Не разжимая мертвой хватки, Амадеев прижал левое предплечье к левой стороне груди. Сердце просилось наружу.

Шла жизнь.

(Страница оставлена пустой
преднамеренно — а не случайно)

2. Чистая аэродинамика

Летчик мог выпить стакан водки одним глотком.

Летчик умел останавливать кадык, чем наводил ужас на собутыльников, когда в полутьме подъезда в руки Летчика переходила одна на всех бутылка портвейна.

Жибин где-то вычитал, что, согласно Книге рекордов Гиннеса, некий валлиец сумел проглотить пинту пива за три с половиной секунды. Летчик, узнав о рекорде, не стал закатывать глаза, решая задачку про бассейн и трубы, а просто сказал Жибиному: «А не сгонять ли тебе за пивом?» При первой попытке на кружку ушло десять секунд. «Да, тут есть над чем поработать, — сказал Летчик серьезно. — Тем более, что кружка меньше пинты на шестьдесят восемь миллилитров. . .»

Через несколько недель тренировок был достигнут (благодаря упорству Летчика и деньгам Жибина) впечатляющий результат: первую кружку Летчик начал выпивать не более, чем за пять секунд, установив абсолютный личный рекорд в четыре с половиной секунды. До валлийца было рукой подать, и Жибин стал выводить новоявленного спиртсмена в пивзалы и устраивать пари, чтобы хотя бы частично вернуть потраченные на тренировки деньги. Причем разницы не было, желал ли гражданин состязаться с Летчиком в выпивании пива на скорость, или

гражданин просто не мог поверить, что человеческое существо способно осушить кружку не более, чем за пять секунд — Летчик неизменно был на высоте, к которой обязывала его профессия.

Летчик был авиаконструктором и работал в престижном ОКБ-156. Не смотря на это (или, наоборот, с этим в связи), он предпочитал на самолетах не летать. «Моя фамилия — Слоновой, — говорил он, — мне летать не рекомендуется». «В интересах скороподъемности и эволютивности летательного аппарата», — поучительно добавлял он после паузы.

Летчику летать было незачем, он был теоретиком. Одной из его теорий была та, что у него, Летчика, друзей нет и быть не может по его же, Летчика, определению. В километровой очереди в «Жигули» Летчик изложил Жибину и Амадееву свою теорию в деталях и поведал, что друг Летчика должен обладать следующими качествами:

1. Если ему, Летчику, не спится, и он звонит другу в четыре часа ночи, чтобы просто поболтать, то его друг отнюдь не выражает своего неудовольствия, и не бросает трубку, а дружелюбно с Летчиком разговаривает.

2. Если он, Летчик, оказался в незнакомом городе за тысячи километров и без денег, он может позвонить другу по телефону, и его друг бросит все свои дела и прилетит в этот город с необходимой (Летчику) суммой денег.

2-а. Если так случилось, что друг Летчика в этот момент серьезно болен, то он, несмотря на тяжелое заболевание, изыскивает способ переслать необходимую Летчику сумму по телеграфу.

3. Если друг Летчика видит его, Летчика, в скверном состоянии или плохом настроении, то друг Летчика выполняет все его, Летчика, пожелания беспрекословно, точно и в срок.

4. Поскольку он, Летчик, пока не обнаружил людей, которые полностью и постоянно соответствовали бы данным требованиям, то он, Летчик, подразделяет окружающих его людей на следующие категории:

- а) очень хороший знакомый;
- б) хороший знакомый;
- в) знакомый;
- г) знакомый, общение с которым возможно, но нежелательно;
- д) знакомый, общение с которым нежелательно;
- е) незнакомый, с которым возможно общение;
- ё) незнакомый, общение с которым возможно, но нежелательно;
- ж) незнакомый, общение с которым нежелательно;
- з) прохожий, на вид для Летчика приятный;
- и) прохожий, на вид для Летчика неприятный;
- й) ментяра.

Амадеев мысленно чесал в затылке, слушая изложение теории и со стыдом узнавая себя в некоторых ее положениях. Однако, если у читателя сложилось впечатление, что Летчик был эгоистичной или в иных отношениях неприятной личностью, то это впечатление совершенно ошибочное.

Летчик был личностью неординарной и исключительно притягательной. Посудите сами.

С Летчиком было интересно. Он мог часами и в подробностях рассказывать о силах тангенциального трения и силах, направленных по нормали к поверхности; слушающий сначала смутно, а потом все яснее осознавал, что сила сопротивления, являющаяся силой диссипативной, всегда направлена против вектора скорости тела в среде, и что именно это мешает жить большинству из нас; для собеседников Летчика было откровением понять, насколько важно знать свой практический потолок, свою максимальную высоту реального применения, на которой еще присутствует избыток мощности, достаточный для выполнения подъема. После разговора с Летчиком человек шел по улице в буквальном смысле окрыленный: он не шел, а летел, невзирая на лобовое сопротивление жизни, — не противясь ему, но умело им пользуясь, он шел на высоте своего реального применения, ни на дюйм не превышая своего практического потолка и уверенно выполняя свой физический, интеллектуальный и духовный подъем.

«Жизнь человека — залет. Это же чистая аэродинамика», — говорил Летчик.

Летчик был изобретатель. Он изобрел полезный при уходе в нирвану способ не брать трубку во всех случаях, кроме тех, когда звонит собутыльник. У них с Жибиным было простое правило: звякни и трубку положи. Потом сразу набери опять. Амадеева этот гениальный в своей простоте код привел в восхищение — Амадеев терпеть не мог телефон и даже вмонтировал в телефон тумблер-выключатель, чтобы телефон было легче отключать и еще легче забывать включать. Для недопущения предвзятости Амадеев подверг свою телефоно-антипатию объективному научному анализу и провел статистическое исследование, прилепив на стенку рядом с телефоном табличку:

№	+	0	—
1			
2			
3			
...			
100			

в которую он занес имена звонивших и оценил каждый из ста подряд полученных звонков как звонок полезный (+), пустой (0), или вредный (—). Результаты оказались впечатляющими: относительно (!) полезных звонков оказалось два (2), а остальные девяносто восемь примерно по-

ровну поделились на пустые или откровенно вредные: дай, сдай, приди, принеси, переведи и т.п. Узнав про секретный телефонный код для ухода от лжедействительности, Амадеев Летчика еще больше зауважал. Некоторые вещи настолько просты, что даже обидно: и почему это я сам до них не додумался?!

Научно-гениальный мозг Летчика не мог простаивать, он изобретал постоянно. Даже в пивной он не тускнел и не расслаблялся, как у большинства населения, а управлял употреблением и направлял потребителей! Летчику принадлежало научно-практическое открытие Универсальной Единицы Опьянения (названной СЛОН, в честь первооткрывателя), которая представляла собой произведение объема спиртосодержащей жидкости на градус таковой. Напр. в бутылке водки, согласно Летчику, было $0,5 \times 40 = 20$ СЛОНов. Единица опьянения была исключительно полезна, как утверждал Летчик, для подсчета подлежащего к употреблению количества спиртного, в особенности если в нем, в силу причуд отечественной алкогольной промышленности и розничной торговли, оказывался неудобоваримый процент этилового спирта. Пришел, скажем, человек, в торец, а там — ну ничего, кроме сухача: 11,5 градусов. Ну и как тут быть, спрашивается? Очень просто: если твоей обычной дозой является бутылка водки, то будь (к самому себе) добр, подели свои 20 СЛОНов на 11,5 градуса и увидишь, что тебе придется купить (и выпить!) 1,74 литра этой

кислятины. . . Просто, как все гениальное, и гениально, как то из простого, что не является глупостью.

С Летчиком было весело. Летчик, надо заметить, никогда не смеялся, но любой его анекдот всегда вызывал гомерический хохот. Рассказы-ваемые им хохмы никогда не были произвольными, но всегда отражали жизненную философию Летчика, которая, в сочетании с пивом, производила на слушающих неизгладимое впечатление и оказывала терапевтическое воздействие. Пример.

Курсантам одного английского летного училища задали на экзамене такой вопрос:

— Вы управляете двухместным самолетом, пассажиром которого является Ее Величество Королева Великобритании. Что вы будете делать, если во время полета Ее Величество вывалится из самолета?

Ответы курсантов:

— Я тут же покончу с собой. . .

— Я выпрыгну вслед за королевой, попытаюсь схватить ее в воздухе и вместе с ней спуститься на парашюте. . .

. . . и т.д. и т.п.

Здесь Летчик опрашивал слушающих, что сделали бы в подобной ситуации они, потом делал внушительную паузу и говорил:

— А теперь, внимание, правильный ответ: «Я выровняю самолет (*пауза*) для восстановления аэродинамического баланса (*пауза*), нарушенного (*пауза*) в результате внезапно изменив-

шихся (*подчеркнуто*) центровки (*пауза*) и веса летательного аппарата».

С Летчиком было необычно. Дома у Летчика было три телевизора: большой, средний и маленький. О нет, не в зале, спальне и на кухне. Все три телевизора находились в одном и том же месте и слагались в пирамиду: внизу большой, который хорошо показывал изображение, но совсем не показывал желаний звучать. На нем стоял средний, который хорошо звучал, но ничего не изображал. Маленький наверху не работал вообще, но выполнял важную функцию придерживания раскрытой на текущей неделе Программы Центрального Телевидения, элегантно свисавшей на «звуковой» телевизор. Вся конструкция из слепо-немых телевизоров была наглядным и монументальным воплощением древнекитайского принципа *у-вэй*: зачем чинить три телевизора, если можно не чинить ни одного, причем все будет прекрасно работать!

С Летчиком было легко. Было бы неверно сказать, что у Летчика была сверхъестественная способность к разгильдяйству. Правильнее было бы сформулировать это так: разгильдяйство было навыком, отточенным Летчиком до такой степени, что оно стало единственно возможным способом существования самого Летчика и поучительным примером для всех его окружающих — убогих и несчастных, постоянно и безуспешно пытающихся соответствовать и нравиться.

У Амадеева был друг по кличке Поляк, который по разгильдяйству Летчика даже превосходил, но между ними было важное различие. Поляк был крайний радикал. Он какое-то время реально жил с родителями в Польше, и, будучи, по сравнению с толпой, иностранцем, советскую действительность не воспринимал, как таковую. Не воспринимал он и советские законы, что, в сочетании с предельной смелостью, неординарным умом, сообразительностью и оригинальностью, не могло со временем не привести его в места не столь (а может и столь) отдаленные. Поэтому с Поляком легко не было, с ним было интересно, необычно, весело, — и опасно.

Летчик радикалом не был. Летчик был конформистом, причем в той степени, в которой это было ему выгодно и удобно. Тактически он был тухлей Поляка, но стратегически он был умней Поляка. Простой пример.

В стройотряд, откосить от которого было можно, лишь оторвав себе руки и ноги, Летчик не попал самым естественным для себя образом, не прибегая к вредительству каких-либо членов: он не прошел медкомиссию. Зачем он пойдет на какую-то комиссию? Ему туда не надо. Неоднократные напоминания о необходимости прохождения медкомиссии он даже не опосредовал. В день отправки в стройотряд, он, как и все сокурсники, послушно пришел и встал на плац, — правда, в обычном своем пиджачке и без каких-либо глупых рюкзаков: насмешки сокурсников волновали его не больше, чем угрозы декана.

Речи отзвучали, переключки закончились, автобусы со стройотрядчиками укатили, и на плацу остались: декан, секретарша и Летчик. Вы думаете, Летчик попытался улизнуть и скрыться? — ничего подобного! Он спокойно подошел к декану и поинтересовался, почему его фамилию не назвали. Ошеломленный декан двадцать раз, багровея, перечитал списки, но букв, которые складывались бы в сочетание «Слоновой», в них не обнаружил. Их и не могло там быть — Летчик же не прошел медкомиссию! «Пошел вон отсюда, разгильдяй!!» — заорал в бешенстве декан, и Летчик, в награду за разгильдяйство, получил не только свободное лето, но и свободные сентябрь и октябрь, в которые провкаливавшие все лето стройотрядчики не учились. . .

В «Жигулях» было душно. Амадеев с тоской подумал про родную грязанскую (г.Рязань > гРязань > ГРЯЗАНЬ > Грязань > грязанский) пивную «На Некрасова», никоим образом не конкурировавшую с главпивзалом страны на (еще один топоним-неологизм) Кал. проспекте (как его любовно называли друзья-москвичи), но предоставлявшую достаточно удобств, больше свободы и гораздо лучшее пиво. В грязанской было, натурально, грязней, но этим «недостатком» можно было пренебречь в силу того, что Амадееву не был известен ни один пьющий, кому хоть в какой-то мере могла помешать пить так наз. «грязь». Туалет «На Некрасова» был, разумеется, на улице, но и это было недостатком

чисто теоретическим. На практике гораздо приятней выйти в морозец в отхожее место, которое почти не пахнет, чем справлять нужду в помещении на Кал. проспекте, но не дыша. Да и чтобы попасть «На Некрасова», не нужно было стоять на холоде и на дожде пятьдесят минут. . .

Здесь Амадеев одернул себя: «Ври, да знай меру!» В воскресенье или в жару «На Некрасова» очередина о-го-го, и духотень еще та. Да и нельзя сравнивать несравнимые явления. Главпивзал встречает радушно, как и подобает пивной из стекла и бетона в самом центре столицы безумной части суши, залитой в небольшой ее части морем пива. Как только вас усаживают за освободившийся столик, вам сразу (!) приносят огромную тарелку креветок и по кувшину пива каждому. Это вам не «Некрасова». . .

Летчик потер ладони, и уже потянулся за кувшином, когда Жибин, с несвойственной ему прытью, поймал его руку и прошипел: «Не торопись, Асунта! Мы же пришли устанавливать рекорды, а не пьянствовать! Подожди, сейчас подсадят подопытного». Усталость и раздражение в глазах Летчика («Опять соревнования!») Жибин загасил широким жестом, пододвинув к нему огромное блюдо: «Пока разминайся креветками. О спирт, ты — спорт! Мы же не алкаши, мы должны продемонстрировать Вике, что пиво умеют пить не только в Уэльсе».

3. На шкафу

На высоте, вопреки законам физики и не смотря на обилие пыли, дышалось легче. Дяди-борины книги приятно пахивали табаком, холмы из картона, клея, цветных карандашей, стерок, ножниц и нарезанной бумаги легко шелестели на зимнем муссоне. Бортовой журнал ин-фолио (общая тетрадь в клеточку формата машинописного листа) содержал свежую запись о погодных условиях и состоянии судна. Иногда судно было плавучим, иногда летучим, а иногда превращалось в хижину на необитаемом острове, но — непременно у воды и на высоте, на сваях.

Забраться на шкаф было целой историей — Амадеев был маленький, а шкаф был большой, — посему перед этим на шкаф необходимо было забросить все, что позволило бы находиться там, не слезая, максимальное количество времени.

«Шкафом» Амадеев называл про себя родительский гардероб — высоченный и, что важно, широкий. Амадеев держал на шкафу массу полезных вещей и с полным комфортом умещался сам. Ценной особенностью крыши гардероба была деревянная рамка высотой в пару сантиметров по периметру. Она позволяла Амадееву чувствовать себя уютно, препятствуя произволу аэродинамики, и не давала ничему (и никому) случайно уйти в полет.

Не совсем понятно, что именно подвигло Амадеева искать уединения под потолком — на полу он был вполне предоставлен самому себе и мог заниматься всем, чем считал нужным. Но потолочный офис притягивал: там Амадеев был «у себя». Там был и остров, и дирижабль, и пирога, да все что угодно. А на полу что — ну соорудишь ты себе что-нибудь из стульев, и что это будет?

Многим позже, когда Амадеев уже перестал уместаться на шкафу, его поразило, что родители никогда не только не запрещали ему залезать на гардероб, но даже никогда и не остерегали его. Из-за этого необитаемый остров гардероба был де-факто штаб-квартирой Амадеева,

— куда никто не мог попасть;

— где никто не мог ничего увидеть, а потому высказать какое-либо мнение;

— который находился вне досягаемости существ, ходивших по полу, а потому пребывал в координатах, измерении и времени, не имеющих никакого отношения к так наз. «действительности».

На шкафу была полная свобода и настоящая независимость. Книги, прочитанные на шкафу, становились дверками в иные миры; елочные игрушки, склеенные на шкафу, отличались идеальным исполнением и оригинальным дизайном; игры, изобретенные на шкафу, не надоедали. Шкаф был иной, более интересной и более правильной реальностью. На шкафу был волшебный мир, которого не было больше нигде.

Черный «Словарь иностранных слов», обитавший, как правило, на шкафу (к немалому раздражению отца Амадеева), наверняка содержал понятие «индивидуальность», но Амадеев в те годы такого слова не знал. Он твердо знал, однако, что:

1. Одному быть хорошо.
2. «Скучно» не бывает.

Амадеев с немалым подозрением читал в книгах о страданиях, вызываемых «одиночеством» и «скукой». Ему проще было поверить басням про инопланетян, чем рассказам об обычных людях, которым было плохо, когда их оставляли в покое, и которые (вот где фантастика-то!), будучи предоставлены сами себе, не знали, видите ли, чем им заняться!

Одним из героев Амадеева был Робинзон Крузо, вызывавший и восхищение, и зависть, несмотря на все мытарства, разочарования и опасности, выпавшие на его долю в окрестностях Тринидада. Чему мог позавидовать маленький Амадеев? У Робинзона было главное: он все без исключения решения принимал сам. Он жил — сам: ему не надо было «уважать старших» или «любить родину» или «быть хорошим мальчиком» или «быть преданным (кому-чему-тому-сему)» или «не ковырять в носу». . . Ну вы сами что выберете — чтобы вас вот так каждый день дергали или так наз. «одиночество»? В словаре есть, между прочим, другое слово, вышедшее из употребления — «уединение». Нет, не слышали?

«Одиночество» было на вес золота! С утра до ночи — семья и школа, государство и общество. И все пытаются произвести над тобой какие-нибудь действия. Амадеев всегда испытывал что-то среднее между негодованием и неловкостью, когда ему говорили, *какой* он. А говорили буквально каждый день. Амадееву всегда хотелось ответить: Зачем вы мне это говорите — я же вас не спрашивал! Я без вас знаю, какой я, и ваше мнение на этот счет мне не только не полезно, но и вредно. Потому что если вас всех послушать, то я для всех для вас разный. И я все время «должен» быть другим, но по-разному! А я — нет, друзья мои, — я никаким другим быть не могу, а *поэтому* и не «должен»!

По этой же причине Амадеев, за редким исключением, (когда, например, ходили с отцом к дяде Боре), не любил никакие «гости», «компании», «соборания», «соревнования» и т.д. Зачем люди собираются: себя выказывать, и чтобы им говорили: «О, да, ты — хороший!» То есть сами они не знают, какие они, они не уверены. . .

Может быть именно этому и завидовал Амадеев, читая «Робинзона Крузо», — Робинзону никто не мог сказать, какой он сейчас, и каким он «должен» стать. У Робинзона забот хватало, он сам знал, *что* он должен. Разумеется, многие свои заботы он выдумал себе сам, и сам был виноват в своих глупостях — но в этом-то и весь смысл! Я сделал что-то не так, да я вижу сам (без вас!), что это — не так: ну, никак лодку на воду не спустишь. . . Ясное дело. Теперь вижу.

Зачем еще кто-то мне будет говорить, какой я дурак, что построил лодку вдали от берега, и что наперед я «должен» был умней и выдалбливать лодки так далеко от берега не должен? Не поможет! Следующий раз, как меня не «пропесочивай» за лодку, я сделаю совсем другую глупость, причем такую, какую вы даже представить себе не можете!

Амадеева реально преследовала злополучная лодка Робинзона, которую тот впустую долбил бог весть сколько времени (а сколько, кстати?), а потом еще, наверно, и натыкался на нее, как на деревянный памятник собственной дубовости. Дефо написал об этом неубедительно, как-то вкратце, деталей явно не хватало. (В любимой книжке Амадеева, кстати, была масса нелюбимых им мест, например: «Следующие пять лет прошли, насколько я могу припомнить, без всяких чрезвычайных событий». Как это, вообще, называется? Пять лет (!) без событий у него прошли. . . Тут каждый день чрезвычайные, достаточно заглянуть в дневник. . .)

Амадеева подобная манера повествования не устраивала — неотплывшая лодка была одним из центральных эпизодов жизни на острове, не менее драматичным, чем людоеды. Амадеев сам изготовил несколько таких «лодок», маленьких, конечно, в сравнении с робинзоновой, но их надо было пережить, эти неудавшиеся проекты, когда казалось, что вот-вот уже почти, вот уже скоро, — но нет. . .

Лодка была выдолблена из кедра пять футов десять дюймов «в поперечнике у корней». Амадеев перевел в метры и сантиметры. Нда. . . это же рост баскетболиста! Амадеев попытался прикинуть, сколько в такой лодке уместилось бы Амадеевых. . .

20 дней Робинзон рубил ствол +
14 дней обрубал сучья +
месяц (30 дней) обделывал колоду +
три месяца (90 дней) выдалбливал внутри +
делал отлогий спуск к воде неизвестное количество времени («Страшно вспомнить сколько», как сказано в книге).

Всего — 154 дня + «страшно вспомнить». Значит, никак не меньше полугода. Амадеев со стыдом подумал, что свои неудавшиеся проекты он бросал в лучшем случае на второй-третий день. Исключением была недонарисованная карта местности, где жил Амадеев, над которой он корпел на шкафу, пожалуй, недели две. Но когда все пошло вкривь и вкось, и стало непонятно, и когда из-за стираний и исправлений появились дырки, и когда картография вокруг соседских домов деревенского типа затруднилась из-за заборов, собак и мороза, Амадеев сломался. . . Это была не робинзонова лодка, конечно, но поражение, которое надо было пережить и переварить. Карта была нужна, — без нее нельзя было путешествовать! — а в продаже карта города Рязани отсутствовала, как артикул. На вопросы Амадеева о карте продавцы книжных магазинов в один голос и с одинако-

вым удивлением отвечали: «Карта Рязани?? — никогда не было. . .» И, недоуменно, друг другу: «А почему, Зин, ты не знаешь?»

«Скука» у них, понимаешь. . . А вы попробуйте обзавестись какой-нибудь простейшей вещью — например, картой вашего поселка городского типа — и посмотрите, что от вашей скуки останется.

Или еще проще: попробуйте сложить пасьянс из «Науки и жизни». . . Амадеев никак не мог смириться с тем, что сложить пасьянс не удавалось *ни разу* — сколько не старайся! И то, что пасьянс был реально сложный, и то, что рассказал про него не дядя Вася, а математик Мартин Гарднер, нисколько не утешало. Амадеев знал, что такое «пасьянс» по-французски, и добра этого у него было навалом, но пасьянс Мартина Гарднера, увы, сходиться отказывался, одного лишь «пасьянса» для этого было явно недостаточно.

Амадеев подступал к пасьянсу несколько раз, потом сдавался и как бы забывал про него. Потом наваливался опять, и опять, и снова безрезультатно, — до тех пор, пока ему не пришло в голову ходы в пасьянсе — записывать, как в шахматах! О, дело сразу пошло на лад, потому что теперь можно было откатить любое количество ходов и пойти другим путем! $3\spadesuit 3 \rightarrow 4$; $K\spadesuit 3 \rightarrow \square$; $D\heartsuit 3 \rightarrow \square$; $T\diamond 3 \rightarrow \triangle$; $5\heartsuit 3 \rightarrow \square$; $T\clubsuit 3 \rightarrow \triangle$; $D\diamond 3 \rightarrow \square$; $K\diamond \square \rightarrow 3$; $D\diamond \square \rightarrow 3$; $8\spadesuit 7 \rightarrow 8$; $8\diamond 5 \rightarrow 1$; $T\spadesuit 5 \rightarrow \triangle$; $V\diamond 5 \rightarrow 3$; $5\heartsuit \square \rightarrow 5$; $6\spadesuit 2 \rightarrow \square$; $T\heartsuit 2 \rightarrow \triangle$ — вот уже и все тузы вышли! Несложной нотации

оказалось вполне достаточно, чтобы пасьянсы Мартина Гарднера (после многих часов блуждания по тупиковым аллеям лабиринта решений) начали сходиться! «Оу, йес би чел!» — восклицал Амадеев, отправляя «домой» последнего короля. Это междометие из популярного кинофильма любил повторять дядя Боря, но семантика этой фразы была Амадееву не совсем ясна, потому что дядя Боря на вопрос, что она означает, всегда отвечал одно и то же: «Это по-англицки». Сомнений не вызывал, однако, ее эмоциональный смысл: так победим!

Увы, победы был редки. . . Как правило, все было сложнее, за что ни возьмись — не получается, как ни пыжься! Ну скажите, какая может быть «скука», если время — раз! и опять ускользнуло — и опять уже зимний вечер, и опять уже завтра в школу. . . Ну, думаешь, вот в субботу после школы я этим-то и займусь, а в субботу — бац! и надо, видите ли, идти в гости, а без Амадеева пойти туда никак нельзя, и сиди там. . .

Амадеев не помнит, чтобы он когда-нибудь употреблял слово «свобода», или задумывался о таком абстрактном понятии, — может потому, что «свободь» никогда не было? или не было *бы* — если б Амадеев не сопротивлялся. Что он и делал: ведь все, что происходило с тобой, на самом деле, пыталось тебя куда-то послать, где-то задержать, к чему-то привязать, что-то запретить, в чем-то обвинить, в чем-то убедить, как-то обмануть, как-то победить. . . Поэтому когда

взрослые между собой обсуждали дядю Борю, сослуживца отца, который ушел из директоров в простые учителя, и называли его «странным» или «чудаковатым», Амадееву было до боли, до гнева за дядю Борю обидно. Дядя Боря — вырвался! не дал себя! не позволил! сумел! Амадеев его прекрасно понимал! Амадеев попытался представить себе, что он — директриса его собственной 44-й школы. Нет, такое даже представить себе было невозможно!

Амадеев еще не читал Хун Цзычена и не знал, что в каждой семье есть истинный Будда. Но он знал: дядя Боря не был похож ни на одного из друзей отца. Он был не «лучше», он был другой, он был, как бы это. . . инопланетянин? Ну кто может уйти из директоров, не будучи ни выгнанным, ни по сокращению, ни за пьянку — эдак вот просто так? Да он просто «ненормальный», говорили за его спиной. Амадеев злился, когда такое слышал: после общения с дядей Борей — наоборот! — все остальные люди начинали казаться ненормальными.

Дядя Боря всегда улыбался, он был лысый, с мешками под глазами, он ездил на мотоцикле, он выпивал, он постоянно курил (и неизменно «Дымок-Дукат», за которым ездил в Москву и который хранил в диване в промышленных масштабах), у него дома были собаки, птицы, гитары, старый рояль и насквозь пропахшая табаконем невероятных размеров библиотека, большей частью состоявшая из собраний сочинений — зеленый Диккенс, синий Уэллс, розовый

Дюма, серый Жюль Верн, цветастый Фенимор Купер — да кого там только не было! Но самым удивительным качеством дядибориной библиотеки было не то, что она была большая, и не то, что в ней была литература, а не макулатура, — а то, что дядя Боря прочел в ней *все до единой книги*. Да, вы поняли правильно: все до единого 30 (тридцать) томов Диккенса, включая статьи и письма. Ну как же дядя Боря мог быть директором? Директор — «управленец» (это что-то среднее между «паяцем» и «уродцем», думал Амадеев), директор не может всеми вечерами лежать на диване, курить Дымок и читать Фенимора Купера. . .

В этом дядю Борю винить, с точки зрения Амадеева, мог только негодяй. Дядя Боря, несмотря на постоянно окружавшие его густой дым и легкий перегар, всегда и ко всем относился либо доброжелательно, либо с юмором. Тут надо пояснить союз «либо».

Представим себе ситуацию, в которой обычный человек уже не может быть к кому-то доброжелательным. Ну не может, и все. Ну бывают же причины. Был у него, скажем, полный стакан доброжелательности, а теперь осталось меньше, чем пол-стакана. Вопрос: чем заполнилось то место, где раньше была доброжелательность? Ясно чем: злобой, чем же еще.

А Дядя Боря был устроен иначе. В силу загадочных добрых причин или благодаря прочитанным им «Запискам Пиквикского клуба», «Троим в лодке, не считая собаки», «Двенадцати

стульям», «Золотому теленку», и еще дюжинам подобных шедевров, дядя Боря хорошо знал, «Как важно быть серьезным», в нем был такой запас сжатого, сконцентрированного юмора, что как только (может быть и по-справедливости) доброжелательности в дядиборином стакане уменьшалось, это место тут же заполнялось юмором. «Ладно, не дребезжи ногой. . .» было самым серьезным замечанием, которое можно было получить от дяди Бори.

Хохма была для дяди Бори инструментом защиты от глупости и оружием в борьбе с таковой. Он не воспринимал так наз. «действительность», поскольку она не была ни интересной, ни умной, ни веселой. Для него «действительность» была не более, чем грязным пятном на выцветшем полотне жизни, которое он незаметно для окружающих загроутовывал насмешками, и на котором изображал настоящую реальность — в виде анекдота, шаржа или карикатуры. Тут все начинали ржать, и грязное пятно, пять минут назад казавшееся большой и неразрешимой проблемой, незаметно таяло и переставало мешать веселому разговору за столом. Да что там — оно переставало мешать жить! Как только лица за столом начинали серьезнеть и наружу вылезали два чудовища — работа и политика, — дядя Боря вдруг (также серьезно, в тон собравшимся) вопрошал мать Амадеева, подававшую блины, испеченные на ребристой сковородке: «А что же это вы, Веро-

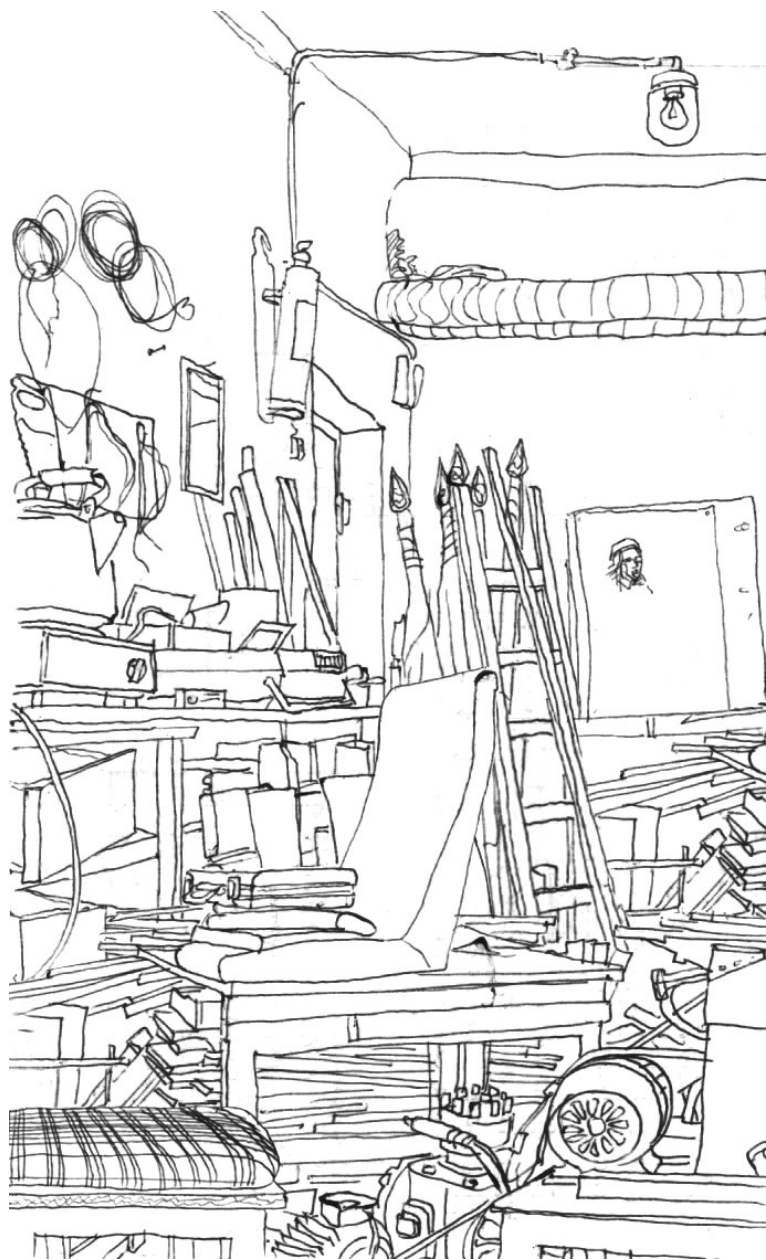
ника Владимировна, по блинам — в калошах ходили?»

Дядя Боря реально преображал мир. Каждый день, плетясь из школы с новым замечанием или двойкой в дневнике (а то и с тем и другим одновременно), Амадеев подходил к двери своей квартиры, смотрел на число «45» и начинал ржать, вспоминая, как дядя Боря тайком перевинтил номер вверх ногами, а когда все вышли на площадку покурить, стал с удивлением вопрошать отца Амадеева: «Что же вы, Пал Андреич, с высшим образованием, директор школы, можно сказать, и до сих пор цифр не выучили?»

Нет, дяде Боре подражать было невозможно. Но это было и не нужно — достаточно было про него вспомнить, и все сразу становилось с головы на ноги. Амадеев ничего и никому уже не был «должен», двойки и замечания переставали что-либо значить, а вот карту — карту-то мы сейчас и порисуем!!

(Страница оставлена пустой
преднамеренно — тут можно не читать)

4. Цирк в подвале

Мыши творили чудеса акробатики. Сменяя друг дружку под куполом, они виртуозно карабкались по толстому синему канату, передвигаясь одна вверх, а другая вниз головой, потом меняя направление и спрыгивая в опилки манежа. Мельник же в это время, часто перебирая конечностями, забирался по приставной лестнице на самую верхотуру, становился на задние лапки и держал равновесие, едва уловимо балансируя передними. Затем, слегка сгорбив спинку, наклонялся всем телом вперед и бесстрашно спрыгивал вниз, чтобы, не долетев до манежа, схватиться передними лапками за середину каната и, помогая себе задними, снова взлететь по канату наверх.

Цирковое представление предназначалось лишь для одного зрителя — директора цирка и дрессировщика в одном лице — учителя рисования и хозяина подвальной мастерской художника Жибина.

Он же был и основателем цирка. «Все, дальше так продолжаться не может! — решительно заявил он однажды, в конец изведенный возней, грызней и мелкими перебежками по еще не высохшим стендам. — Довольно мышинной мазни!» Пятилитровая банка из под венгерских огурцов была отмыта от гуаши, хранившиеся в ней засохшие кисточки, принадлежавшие прежним поколениям директоров подвала, были

решительно выкинуты, этикетка — отмочена, отклеена и. . . тоже выкинута (хотя и с меньшей решительностью — Жибин страстно коллекционировал пивные этикетки, с прохладцей прибирал к рукам этикетки и от других спиртных и спиртосодержащих напитков, и. . . ну. . . что? . . . симпатичная. . . — «Еще только от огурцов я этикеток не собирал!») — выкидывал остальные).

Какой цирк без акробатов! Но какие акробаты без канатов, лесенок и манежа? Лесенка была склеена из спичек (чудовской фабрики «Пролетарское знамя», 50 шт. в коробке — толстые, прочные, самое то; рыбинская фабрика «Маяк», увы, о безопасности гимнастов не позаботилась, напихав в коробок 75 тоненьких полусгнивших щепочек). . . Канаты. . . канат тоже нужен был толстый, хороший, по которому удобно карабкаться. . . Жибин с сомнением покрутил в руках имевшиеся в изобилии обрывки бечевки и безжалостно вытащил прекрасный витой шнур из капюшона своей ветровки. Свежие опилки от ДСП, наваленные горкой под верстаком, пошли на манеж.

Цирк был готов к приезду труппы. Дело оставалось за малым — убедить постоянных жильцов подвала перебраться в новенькое (сплошь из стекла, в духе современной столичной архитектуры) здание цирка.

Сначала Жибин попытался пригласить мышей на человеческом языке. «Дорогие мыши! — обратился он к ним зычным голосом. — Ловкие

акробаты, потешные клоуны, отменные прыгуны! Сегодня — знаменательный день, знаменательный не только для вас, но и для всех обитателей подвала! (*Бурные аплодисменты тараканов, блох и лиховёрток*). Цирк, новый цирк из стекла без бетона открывает для вас свои дв. . . свою крышу! Как первый, единственный, а потому и бессменный директор цирка, имею честь торжественно пригласить вас выступить в стен. . . стеклах нашего цирка с новой программой “Мышиная возня”! Там, там, там, тааам, там, там, там, там-та-да-та-тааам! . . .» — Жибин перевоплотился в цирковой оркестр: директор отвечает и за музыкальное сопровождение, а как же. . .

Увы, пламенная речь единственного и бессменного не возымела желаемого действия. Почеловечески мыши не понимали, музыкальное не ценили, и Жибин был вынужден перейти от слов к делу.

Как автолюбитель постоянно прислушивается в пути к щелчкам и стукам своего автолюбимого, так и Жибин, работая то красками, то тушью, включал свой орган слуха на полную. Даже дождь, хамовато-настойчиво стучась в забитые оцинкованным железом окна полуподвала, не мог заглушить частоту, на которой бесперебойно работал детектор мышиной возни.

Но вот интересно — чего постоянно ждешь, случается-таки неожиданно. Жибин, весь обрацавшийся в слух, привыкший быть постоянно начеку, озираться по углам и приглядываться

даже когда нагибался, чтобы поднять упавшую кисточку, бывал ошарашен, а порой буквально каменел, завидев-таки проворного обитателя полуподвала. Казалось, что бдительная вахта, которую нес Жибин, просто не допускала такой наглости — эдак вот бегать, где заблагорассудится, причем нередко под самым жибинским носом.

Первый период ловли мышей художником Жибиным носил все признаки примитивизма.

Покаменев немного от мышинной наглости, Жибин стряхивал с себя ступор и кидался за грызуном, невзирая на многочисленные опасности, подстерегающие даже бывалых мышелов в подвале школьного художника. Доведись случайному прохожему, привлеченному странным шумом, заглянуть в мастерскую через щель между косо прибитым листом оцинкованного железа и полусгнившим оконным переплетом («временно» укрепленным черенком от хоккейной клюшки), взгляду наблюдателя предстал бы самый настоящий цирк в подвале — ловкие кульбиты, стремительные прыжки, захватывающие зависания и перелезания, сног- и предметосшибательная акробатика еще не директора цирка, но уже циркового артиста привели бы любого зрителя в восторг.

Увы, эффективность подобного способа отлавливания мышей была обратно пропорциональна его затратности. Ловля велась отчаянно, но к поймке не приводила. А когда Жибин, в пылу мышинной возни, кандидата в артисты ненароком задавил, период примитивизма был

торжественно похоронен вместе с безвинной жертвой жажды циркового искусства.

Какое-то время ловля мышей не велась во все, и Жибин уже, можно сказать, забросил свою затею, но тут про мышей напомнило письмо Амадеева.

Отпечатанное на машинке через полтора интервала, письмо занимало одиннадцать с половиной страниц (бумаги потребительских форматов) и содержало технические описания, лирические отступления и философские обобщения. Посвящено оно было целиком и полностью мышам. Краткое содержание письма (если опустить одиннадцать страниц из одиннадцати с половиной) можно было бы изложить примерно следующим образом.

По неизвестной причине прошедшее лето оказалось в городе Рязани, откуда Амадеев все время присылал письма, исключительно урожайным на мышей. Ходить по квартире, наступая на грызунов, было для Амадеева неприемлемо как из гигиенических, так и из гуманистических соображений. Отец Амадеева вырос в деревне, а потому, несмотря на музыкальный склад души, не задумываясь ловил мышей пружинными капканами и смывал в унитаз. Амадеву такая метода не подходила. Он повывбрасывал зверские капканы и купил несколько гуманн, . . «мышанных», по его определению, мышеловок — решетчатых домиков с крючком для приманки и захлопывающейся дверкой. Подобные мышеловки были несомненно мень-

шим, но все-таки злом: сам факт поимки и звук захлопывающейся за спиной железной двери уже были, по мнению Амадеева, травмирующими обстоятельствами и могли самым негативным образом отразиться на психике и мировосприятии животного.

Однако ловля грызунов мышантными устройствами была, судя по письму Амадеева, делом не просто приемлемым, но увлекательным и поучительным. Так, например, одна умная и ловкая мышка сумела два раза аккуратно снять с крючка приманку и спокойно удалиться из западни, приятно пообедав и избежав пленения. Амадеев, восхищенный такой поистине цирковой ловкостью, пожелал лично познакомиться с выдающимся зверьком, для чего просверлил в сухарике дырку и привинтил сухарь к крючку канцелярской скрепкой. Пойманной наконец умной мыши были оказаны всяческие почести в виде сыра, хлебного мякиша и кусочка яблока, после чего Амадеев торжественно снес выдающуюся мышь с четвертого этажа на первый и отпустил на волю.

Заканчивалось письмо Амадеева тем, что по его подъезду якобы поползли слухи, будто бы он (Амадеев, не подъезд) немного «того» — а что еще могли подумать соседи, вновь и вновь видя Амадеева спускающимся с четвертого этажа с тремя мышеловками в руках?

Письмо Амадеева открыло новый период в ловле мышей — конструктивизм.

Покупка мышеловки (приобретение таковой в специально установленном месте за деньги) была для Жибина исключена. В обычных условиях покупка даже конверта с маркой была для него почти непосильной задачей, а потому ему не могло придти в голову разыскивать место, специально организованное для покупок мышеловок и где нужно было бы расстаться с деньгами, которые можно было бы потратить на пиво. Справедливости ради надо заметить, что от покупки мышеловки Жибина удерживали не только лень и бережливость. Важную роль играло также желание, присущее всем людям творческим (и всем нетворческим с прямыми руками): создать нечто интересное свое нежели попользоваться чем-то неинтересным чужим.

Из письма Амадеева явно следовало, что для поимки мышей нужна была конструкция, но вот какая. . . — Жибин оглядел подвальное хозяйство.

Все прежние хозяева школьного полуподвала были людьми творческими, и умело обращались не только с кисточками и красками, но и со столярным инструментом, хранившимся в соседнем отсеке полуподземного «наутилуса», где обитал бывший милиционер и настоящий алкоголик — школьный столяр Сизов. Благодаря многолетним усилиям предшествующих подвальных поколений по приносу с помоек, ремонту и покраске элементов обстановки и сопутствующих аксессуаров, подвальное хозяйство было исключительно сложно и многообраз-

но, но ничего напрямую пригодного для ловли (и, главное, поимки) мышей не предлагало.

Для очистки совести Жибин немного поизучал вверенный ему и хорошо известный ему полуподвальный мир, но, не обнаружив ничего годящегося для воплощения конструктивистских амбиций в жизнь, занялся обычными художественными делами и замурлыкал подходящую песенку.

В полуподвале воцарился покой.

В такие часы Жибина охватывало умиротворение, наступало лучшее время художника — когда существует только (да пусть хотя бы и) плакат ко Дню знаний, но больше — ровным счетом ни-че-го — вплоть до того момента, когда внезапно что-нибудь

БАХ! ЗВЕНЬ!

— да это не что-нибудь, а кто-нибудь! — причем не где-нибудь, а в (накопившейся за столько времени) стеклотаре. . . Агааа! Попался, голубчик!!

Здесь надо сделать отступление.

Стеклотара в своем накоплении проходит два этапа: если на первом этапе она является наказанием за выпитое содержимое, то на втором она становится наградой за терпеливость и нажитым капиталом. Бутылок из-под пива в подвале было так много, что, не уместаясь на столе, они прыгивали вниз и, толкаясь и звеня, пытались забиться в угол и спрятаться. «Ах, только бы меня не сдали!» Еще бы — кому хочется попасть в круговорот стекла в природе!

Кто-то будет разбит, может случайно, а может и со скуки; кто-то, захлебнувшись, утонет в реке; кто-то будет побит камнями или расстрелян из дробовика; кто-то разобьется о чью-то голову, или чью-то голову разобьет; кто-то полуживой пырнет своими останками кого-то еще живого в живот. . . А некоторых ждет светлая жизнь — их прокипятят, отскоблят от старой кармы, и самым праведным будут уготованы губы ребенка, а кому-то вновь предстоит наполнить свои круглые бока пивом. . . И еще не известно, чья судьба лучше — самыми удачливыми среди бутылок считаются бутылки из-под клея БФ: это почтенные старожилы — живешь себе спокойно в шкафчике в кладовке, скажем, восемнадцать с половиной человеческих лет — пока все в тебе не усохнет и не отправят тебя на покой (сдать-то уже нельзя!). . . А сколько это будет на жизни бутылочные, если бутылке жить без году неделю? — тысяча безмятежных жизней!

Жибин с гордостью оглядел зеленовато-коричневый Манхэттен в углу полуподвального наутилуса. Бутылочный остров давно уже перестал быть наказанием, превратившись в достопримечательность. Между авеню и стритов, посреди цилиндрических небоскребов из стекла (и бетона! — на некоторых бутылках красовались наросты из цемента, оставшиеся после школьного ремонта) метался несчастный цирковой артист. Он заблудился в стеклянных джунглях! Он отбился от своего цирка! Черными бусинками глаз глядел он на чудовищного Кинг-Конга рос-

том в семь небоскребов и выкарабкивался столь же старательно, сколь и безрезультатно.

«Ну ты цирковой!» — восхитился Жибин, и, вспомнив, как однажды загнанная им в угол крыска, спасая свою крысиную жизнь, прыгнула ему прямо на плечо, прикрыл мышонка, застрявшего на углу пятой авеню и сорок второй улицы, куском оргалита.

«Ну что, давай проявляй солдатскую смекалку, сержант», — сказал себе Жибин. — «Солдатскую не могу, я — сержант», — гордо ответил сержант Жибин. «Плохо, сержант, — сказал бывший рядовой Жибин, — потому что “сержантской смекалки” не бывает».

Жибин с тоской оглянулся. Он же провел уже инспекцию: подвал изобиловал предметами и устройствами, пригодными для любой цели кроме ловли и поимки грызунов. Но мышь звенела небоскребами, медлить было нельзя. Жибин пронзил полуподвал взглядом и мыслью.

«Ловли и поимки!» — вдруг торжествуя воскликнул Жибин, обнаружив в углу замаскированные красными знаменами силуэты самогонного аппарата бывшего милиционера и настоящего алкоголика Сизова. «И цвет-то какой подходящий — мышиный!» — подумал Жибин, неделикатно отделяя от самогонного агрегата трубу, которой предстояло стать фанфарой циркового оркестра.

«Ту-ту-ту-ду, ту-ду!» — протрубил Жибин в самогонную трубу. — «Добро пожаловать в Цирк “Наутилус”!» На этом краткая торжественная

церемония была окончена, и Жибин довольно бесцеремонно надел фанфару-мышепровод на обескураженного зверька. Свобода! — узрев, наконец, свет в конце туннеля, мышь взлетела по полупрозрачной трубе с предельной скоростью, допускаемой законами аэродинамики. Прыг-скок! — с мышиною ловкостью смекалистый сержант перелетел через подвальные препятствия и вытряс циркового артиста прямо на манеж стеклянного цирка. Акробат мягко приземлился, с упоением вдохнул запах опилок и стал чистить мордочку.

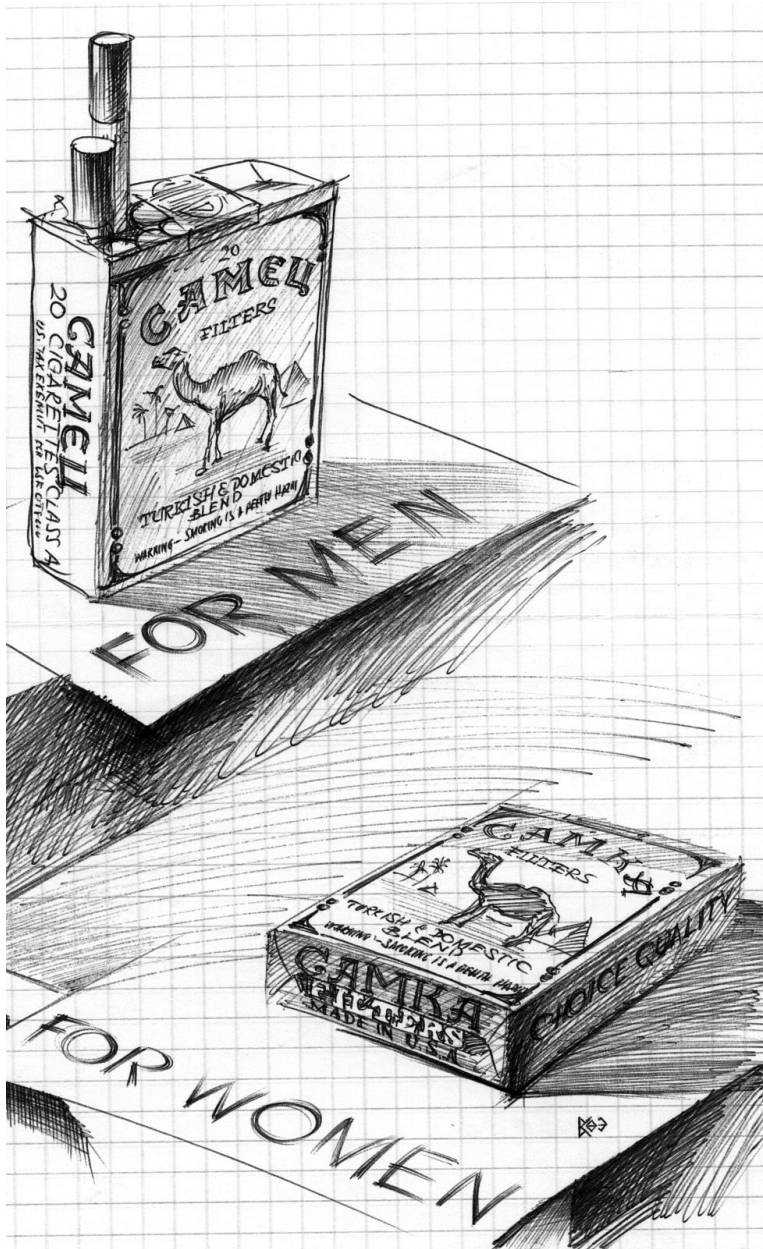
После этого пополнение цирковой труппы пошло полным ходом.

Исподволь, ловля, дрессировка, кормление мышей и, наконец, собственно цирковые представления стали вытеснять из жизни Жибина не только столярные, но и художественные работы, если, разумеется, таковые не были связаны с украшением цирковой арены, изготовлением лесенок, витьем веревочек и т.п. Гостей подвала (зашедших занять струбцину или просто в туалет) первым делом усаживали смотреть цирковое представление, сопровождаемое лекцией об уме и ловкости мышей, ласково пресекая любые поползновения перевести разговор с мышей на что-либо еще: «Нет, ну что струбцина, при чем тут струбцина, — с жаром говорил Жибин, — ты только посмотри на него. . .» Здесь Жибин, как и полагается истинному директору цирка, начинал с такими подробностями и с таким при-

страстием рассказывать о своих артистах, что необдуманно зашедшему за струбциной посетителю начинало казаться, что Жибин либо пытается вовлечь его в цирковые представления, либо продать ему цирк со всем его содержимым.

«Ничего они не понимают в цирковом искусстве!» — утешал Жибин артистов после ухода зрителей. Мыши не переживали — они любили свой цирк и своего директора.

(Страница оставлена пустой
преднамеренно — сделайте паузу)

5. Интеллигенция

— Нет, давай уж посчитааем, что у тебя есть, — сказала Валерия Вениаминовна.

— Не в чем ходить вообще! — сказала Роза Марковна.

— Синяя блузка — раз! — победоносно загнула палец Валерия Вениаминовна, — серая юбка — два! . .

— Это для тебя «два»?! — задохнулась от негодования Роза Марковна. — Хотела бы я посмотреть, как ты дефилируешь тут в одной синей блузке!

— Ну хорошо. Серый костюм — два. . .

— Серый костюм не считай, — сказала Роза Марковна.

— Это из «Березки»-то который?!

— У него подкладку надо менять.

— Красное платье — три, черное — четыре, голландская юбка — пять, — Валерия Вениаминовна сунула прочно сжатый кулак под нос Розе Марковне. — А у меня?

— А ообувь?? — звук «о» у Розы Марковны был угрожающе похож на звук падающего фугаса. — А какая у тебя ообувь — забыла?

— Что «оувь» — я не в «Березке» обуваюсь, и курю Родопи, а не Camel!

— Викентий Палч, вы один не сдали отчет о проделанной вами научно-исследовательской работе, — возник голос заведующего кафедрой.

Полное отсутствие эмоций в голосе начальника оглушало сильнее, чем перебранка малоимущих преподавательниц.

Амадеев посмотрел глазами.

— Викентий Палч, — по-недоброму спокойно сказал завкафедрой, — тайм из мани, или, в переводе на русский — цигиль-цигиль-ай-люлю! Чем больше тайма вы потратите на написание отчета о вашей (завкафедрой сделал небольшую паузу и стал более отчетливо произносить слова) на-уч-но-ис-следовательской работе, тем меньше маней (пауза: оцените, не пропустите, это шутка, я остро) перейдет в ваш карман в конце квартала из премиального фонда.

Заведующий кафедрой слыл большим шутником.

Амадеев сделал несколько быстрых морганий, потом несколько медленных, а потом заморгал вперемешку: медленно-быстро-быстро-медленно-быстро-быстро-быстро-медленно-медленно. . . Амадеев моргал отнюдь не так, как моргает любой человек — не замечая своих морганий; Амадеев не просто моргал, он осуществлял моргание. Амадеев взирал на своего начальника внимательно-серьезно, в мгновения наибольшего раскрытия век даже подобающе испуганно. Моргал Амадеев изо всех своих сил, попеременно морщия лицо то вокруг носа, то на лбу, причем для постороннего человека в его моргках не прослеживалось никакой системы.

Начальник Амадеева был, как он сам себя называл, стреляным волком. (Стреляным быть

великолепно, но воробьем — не очень. Особую пикантность всей этой волчье-пернатой метафоре придавала фамилия заведующего: Синиченко). Амадеевский начальник хоть не глядел орлом, но взгляд его обладал феноменальной способностью проникать через непроницаемые объекты, ни на одном из них не задерживаясь. Надо заметить, правда, что прозрачность различных предметов и существ была для него неодинаковой. Наибольшей прозрачностью обладали подчиненные — их иногда не было видно в упор. Начальник начальника — «Начальник» — был существом полупрозрачным, а начальник Начальника начальника — «НАЧАЛЬНИК» — был почти совершенно непроницаем для взгляда Стреляно-Воробьенко, как его за глаза иногда называли некоторые несознательные сотрудники кафедры. Существовали, конечно, и более крупные начальники (равно как и другие птичьи клички завкафедра), но степень прозрачности крупнокалиберных начальников не поддавалась измерению; ковры в их кабинетах имели настолько затейливый рисунок, что поглощали все внимание амадеевского начальника без остатка.

Сам Амадеев был для Птичкина — отступление: эта пернатая разновидность фамилии начальника была уже почти ругательством, хотя, конечно, вариаций было много: «Птаха» (нежное), «Тукан» (по ассоциации долдонистукан), «Дятел» (тонкая коннотация) и, в редких случаях, в сердцах — «Ворона недостре-

лянная» (как эмфатический вариант: «нерасстрелянная») — так вот сам Амадеев был для Птицы до такой степени прозрачен, что зачастую становился просто невидим, чем нередко лишал главу кафедры возможности проявить столь присущие ему вежливость и остроумие.

Начальник поглядел на спинку стула, занятого Амадеевым, и вдруг жалобно чихнул. (Бог наделяет людей чохом в самом начале их жизни, нимало не принимая в расчет, каких высот они могут достичь в ходе ее течения).

Транспарентность Амадеева несколько понизилась от вырвавшейся из начальника несolidности, и начальник, увидев Амадеева вновь сидящим перед собой, обратил к нему убийственную фразу. Убийственная фраза не убила Амадеева лишь потому, что амадеевский начальник, вспомнив о статье 102-й Уголовного кодекса, заблаговременно ослабил убойную силу при помощи носового платка.

— Что вы все моргаете? — протрубил начальник через несвежий респиратор. — А знаете ли вы, (подчеркнуто:) уважаемый (пауза), что отсутствие отчета о (пауза, операции с платком) научно-исследовательской работе (пауза) ставит под сомнение ВСЮ (еще пауза) заметьте, ВСЮ научно-исследовательскую работу, которую вы якобы (! — оочень зловещая пауза) проделали за отчетный период?

— Каждый человек чего-нибудь не знает, — скромно сказал Амадеев (а про себя подумал: я вот не знаю, например, почему эпитет «уважа-

емый» употребляют только по отношению к неуважаемым людям). — Вот вам, судя по всему, неизвестна азбука Моргзе.

Прозрачность Амадеева так резко упала, что у начальника задергался глаз.

— Что-ЧТО?! — встрепенулся Амадеев, подавшись вперед и вглядываясь в моргания начальника. — Вы извините, я этот язык только осваиваю, не все еще сразу понимаю. . . Вы не могли бы проморгать это еще раз?

— Перестань кривляться, — строго сказала Валерия Вениаминовна.

— Вика, вы же интеллигент, — укоризненно пробулькала Роза Марковна.

— Отрицаю! — возмущенно сказал Амадеев. — И вообще, попрошу выбирать выражения.

Валерия Вениаминовна была. . . Она была. . . Трудно сказать, какой она была. Она никакой не была. Нет, она была. . . просто женщиной? Нет, это было бы слишком. . . Она была. . . Вот же: она была. О-на бы-ла. Это сомнению не подлежало.

Роза Марковна? Роза Марковна не только была, но и еще как была. Она была не просто женщиной, она была более, чем женщиной: она была «матерым человечеством» с голосом хлопочущего гейзера и лицом цвета первомайского лозунга. Одновременно с этим и необъяснимым образом Роза Марковна считала себя ранимой и уязвимой представительницей пола еще более слабого, чем женский. Роза Марковна была всем

и сразу: на ее столе мирно уживался маленький бюст В.И.Ленина и пачка от сигарет Camel, которая, наполненная стерками, скрепками и прочей нужной мелочью, никак не мешала В.И.Ленину заниматься своими важными делами по соседству.

Роза Марковна презирала Амадеева как филолога за то, что тот однажды неправильно ударил ее отчество: Роза Маркóвна. Несмотря на всю кажущуюся незначительность этой фонетической реформы, Розе Марковне стало казаться, что сотрудники кафедры как-то особенно часто стали замечать цвет ее лица и вспоминать о моркови и предметах морковного цвета. А не так давно сам начальник (!) при составлении какой-то разрядки совершенно серьезно спросил Розу Марковну: «Роза. . . ээ. . . извините, пожалуйста, как пишется ваше отчество по паспорту? . . .» Роза М?рковна презирала Амадеева. «Вы — циник, Амадеев», — любила повторять она. «Я циник, но здоровый, — парировал обычно Амадеев, — не путать с нехорошими, больными циниками».

— Что вы отрицаете? — спросила Роза М?рковна.

— Что я интеллигент, — уныло сказал Амадеев, уставший всем объяснять одно и то же — я не интеллигент, я интеллектуал.

— Позвольте узнать разницу, — поинтересовался начальник.

Амадеев внезапно преобразился, стремительно встал из-за стола и простер перед собой руки.

— Ехали медведи // На велосипеде, — продекламировала Роза М?рковна. — Ну цирк, цирк!

— Нет, это я на самолете, — как бы извиняясь, сказал Амадеев. — Иван Иваныч, — обратился Амадеев к начальнику, — (*громко, с выражением*) позор! на кафедре нет. . . кафедры! Отказываюсь повышать уровень кафедральной работы вплоть до приобретения кафедрой как минимум настольного суррогата, который, разумеется, может использоваться лишь временно, в период заявки, закупки, доставки и установки полноценного напольного варианта. Ну подумайте, какой может быть залет мысли, если ей не от чего оттолкнуться и уйти вверх по касательной?!

Амадеев возложил руки на штурвал интеллектуального аэростата (или аэровелосипеда, позволим себе таковой изобрести) — как бы на воздухоплавающий план-конспект как бы лекции (а то и реферат как бы диссертации!), как бы покоящийся на как бы кафедре (которая непременно будет закуплена, доставлена и установлена), и как бы рвущийся ввысь, в стратосферу интеллекта, по касательной, задаваемой конструкцией кафедры же.

Лекция Амадеева была краткой, несмотря на то, что носила откровенно научный (и почти научно-исследовательский) характер.

— Обыденное сознание, — Амадеев выразительно ударил слово «обыденное», — не делает никакого различия между понятиями «интеллигент» и «интеллектуал», а между тем, они не только не тождественны, но и диаметрально противоположны. Такова гипотеза.

Для проверки данной гипотезы мы, прежде всего, должны выбрать адекватный метод исследования. Таковым на наш взгляд является метод этимологического анализа. Так вот, этимологический анализ показывает, что данные дериваты (не путать с деревьями, дровами и проч.) происходят от разных деривантов (не путать с дервишами и дерматозом). Слово «интеллигент» образуется от слова «интеллигенция», а слово «интеллектуал» — от слова «интеллект».

Данное наблюдение позволяет уточнить дефиниции исследуемых понятий. Интеллигент есть представитель некоей неопределенной и неопределимой группы лиц, называемой туманным словом «интеллигенция», не обозначающим ровным счетом ничего, кроме того, что некоторая группа лиц считает правильным себя так называть. Заметьте, что, несмотря на кажущуюся иностранность этого слова, в иностранных (для коренных представителей интеллигенции) языках нет даже такого понятия. Ни англичанину, ни немцу, ни французу невозможно объяснить что же это за диковина такая — русская «интеллигенция», в связи с чем несчастные представители названных (малоинтеллигентных) наций вынуждены заимствовать данное

экзотическое слово из русского языка. Туманность и расплывчатость данного понятия вытекает уже из того, что и среди самих представителей этой самой «интеллигенции» отнюдь нет согласия относительно ее сути.

С интеллектуалами же дело обстоит намного проще. Интеллектуал — это просто-напросто человек, занимающийся умственным трудом, добывающий хлеб насущный головой (интеллектом, если он есть), а не руками.

Можно подойти к этому вопросу и с иной, нравственной стороны. В бытовом речевом обиходе «интеллигенцией» называют людей, обладающих образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры. Ну скажите пожалуста, может ли человек, наделенный хотя бы начатками интеллекта и порядочности, самостоятельно, осознанно и самочинно отнести себя к лицам, «обладающим образованием и специальными знаниями»? Сократ, например, такого себе позволить не мог. Вот и получается, что вы либо интеллигент, либо интеллектуал. Выбирайте.

Можете, кстати, считать мое выступление устным научно-исследовательско-рабочим отчетом.

— Считать можем, Викентий Палч, но не будем, — вяло отметил Пернатый. — Даю вам два дня.

Ударили в колокола. Что ж, вполне подходящий момент для срыва аплодисментов. Апло-

дисментов не последовало (вот вам и срыв аплодисментов, — подумал Амадеев).

Амадеев поклонился и сел.

Роза М?рковна встала. Начальник достал расческу и вступил в борьбу с нежным, но непокорным пухом на голове.

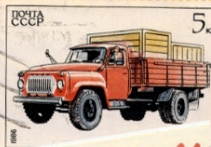
— Вы слышали звонок, Викентий Палч? — поинтересовался начальник у зеркала.

Амадеев тупо посмотрел на лежащие перед ним листочки, взвалил их на плечо и двинулся в гору.

(Страница оставлена пустой
преднамеренно —
чтобы все спрашивали:
«А зачем?»)

С НОВЫМ ГОДОМ,
ДОРОГИЕ ПОЧТАЛЫНЫ!

Куда г. Рязань

Многоуважаемый тов. Амазеев!
Уж и не знаю как оправдать свое
затаённое существование. Тригем
с моей стороны это очень и очень
нехорошо... или даже плохо, а
по просту говоря келэтигно.
Короче, свинство это. А теперь
попробую келмно оправдаться, хотя
из следующего ты увидишь, что
это наоборот, подерживает моё неува-
жительное отношение к адресату.
Итак, получил в рецензии на свои
"плакаты" 3го марта и... 3го же марта
был готов сьвет(!). Я его шикно и
благодарно носил во внутреннем кармане
не, до тех пор пока оно не приш-
ло, в негодность. Ну, создалось внага-
ление, что этот листок тщательно под-
готовили для операции под кодовым
кавказским "Дифракция". Я огел
опегамился, да и вдобавок пришло
еще одно твоё письмо. Я уж и не си-
что делать. Ты скажешь, а что тут
стыдиться — ноги свои, поймем — во-
мне запегатай в конверт, да и пош-
его... Вот здесь мы подходим к Р
инкационному моменту. 20
мого отослать письмо и Катери-
были бы дома конверты. Каждый
мымо кивсково сооткрывать. Не

6. Письмо и чтение

Пел Жибин в двух случаях — либо когда ему неожиданного улыбалась удача (его фишка первой доходила до финиша), либо когда, столь же неожиданно, удачно завершённое дело вновь превращалось в неначатое (перед самым финишем фишка попадала на клеточку «В начало!»).

«Ты, мужик, не плачь, ты — футбольный мяч», — мурлыкал Жибин, выправляя уже готовый, но ненароком испорченный стенд (какой-то нетрезвый негодяй вчера ночью устроил Жибину залет, свалив новенький стенд, да еще и наступив на него, . . . кто бы это мог быть? . . . и как он попал в подвал? . . .), и слегка поправляя слова песни («Ты — баскетбольный мяч!») — на днях Жибину немало стоило вынуть себя из каркаса «нового» (только что принесенного с помойки) «мягкого» (седок проваливался до пола), полуподвального «кресла», в котором Жибин, устав, попытался отдохнуть.

«Это наука, тут с Летчиком не поспоришь, — успокаивал себя Жибин, — Летчик как говорил: “сила сопротивления — всегда направлена — против вектора скорости тела в среде”. А если в тело предварительно влили приличное количество “слонов”? представьте, как оно от “слонов” отяжелеет и как увеличится его скорость — и какое тогда сопротивление может оказать ему кресло или стенд?! И тут уже совершенно все равно, будет это в среде или в воскресенье. . .»

Так Жибин работал, вслух рассуждая о механике залетов, и в лицах инсценируя предстоящий педсовет, где персонажи будут крайне раздражены отсутствием стенда первого сентября и будут начинать свои реплики либо с «А что же вы, Альберт Николаевич, . . .», либо с «А по какой причине вы, Альберт Николаевич, . . .», как, впрочем, они делали и на всех предыдущих педсоветах, демонстрируя вопиющее непонимание элементарных законов аэродинамики. . .

Периодически, но без видимой закономерности, Жибин, однако, откладывал кисточку, брал заляпанный гуашью карандаш, и мелко подписывал что-то на мятый листок в клеточку, лежащий на сухой стороне стенда. Лицо его при этом приобретало примерно то же выражение, с каким он глядел на продавленное сиденье «нового» и «мягкого» помоечного кресла. Жибин дописывал письмо Амадееву.

Вернув к жизни стенд и дописав заключительную (и вроде бы убийственную) фразу, Жибин вымыл кисточки, аккуратно сложил письмо по давно сложившимся сгибам, сунул его в карман пиджака и отправился домой.

Вот так вот идешь домой и думаешь о письме, которое ты пишешь (уж неизвестно сколько времени), и о том, как ты вроде бы здорово так все завернул в этот раз, и о том, какое оно потихоньку становится пухленькое, письмо, и том, какие славные картиночки получились (слабо Амадееву), идешь вот так, думаешь, размышля-

ешь, а дома, дома вдруг что, что тебя ждет??
Письмо от Амадеева!

Жибин даже расстроился.

Получая письма от Амадеева, Жибин остро чувствовал свою никчемность, хотя в промежутке между двумя последними амадеевскими письмами он сам написал ему целых два. Причем во внутреннем кармане его пиджака лежало меньшее из них, а второе, большее, с красивыми иллюстрациями, находилось в мастерской, было аккуратно сложено стопочкой на самом видном месте и, для надежности, прижато тяжеленьким (нераспечатанным еще) тюбиком стронциановой желтой, — чтобы неотправленному письму, чего доброго, не пришло в голову сбежать, как это бывало с другими его собратями.

В целом Жибин ощущал себя вполне положительным человеком и на получаемые изнутри уколы старался отвечать с достоинством, приводя веские доводы и логичные контраргументы.

— Разве я не ответил Амадееву? — вопрошал он. — Ответил. И не просто ответил, а написал ему целых два письма!

— Но ведь письмо — это то, что ты достаешь из ящика! — не унимались уколы.

— Ну уж нет, — отвечал Жибин, — из ящика ты достаешь конверт! Если тебе придет конверт, а в нем нет ничего — разве это письмо? Или вот, к примеру, у меня в кармане лежит что — не письмо?

Столкнувшись с железной логикой, укол (временно) терял свою остроту, и прекращал полемику о недостатках и достоинствах новаторского способа человеческого общения — таскания неделями в кармане исписанных но неотправленных листочков. Тем более, что «карманное» письмо Жибин таскал с собой немногим более недели и не отправлял специально — оно всю дорогу отказывалось стать законченным и согласилось на это только полчаса назад в подвале.

Жибин перевел дух после ожесточенной схватки с уколами, и стал рассматривать амадеевский конверт.

«Может тут какой намек. . .», — думал Жибин, заядлый коллекционер этикеток (а в доалкогольном детстве — конвертов), разглядывая портрет академика Мухтар-Задеева на почтовом отправлении. «Зачем он прислал Мухтар-Задеева во второй раз? Чтобы посмеяться над кривой звездой на его пиджаке, похожей на награду какого-то африканского государства? Или намекнуть, что блик от стоящей рядом реторты делает ученого похожим на вампира? . . .»

Или Амадеев опустил до того, чтобы просто брать конверты из стопки, купленной его мамой (покупавшей конверты в булочной и не подозревавшей, что на конвертах бывают картинки и что, как следствие, их можно рассматривать)? Странно. . . чаще всего Амадеев присылал письма в простых («армейских») конвертах без рисунка, или, на худой конец, в конвертах с гер-

бом, которые от простых отличались мало и, несмотря на герб, каких-либо особо государственных идей Викентия Палча не содержали.

Жибин знал: Амадеев предпочитал армейские конверты прежде всего потому, что они не искажали содержания его письма иллюстрацией, которую Амадеев не заказывал и которую, в отличие от Жибина, он не мог, скажем, дорисовать или переопределить, окружив своими собственными художествами. Даже марка (марка!) была иллюстрацией, и Жибин вполне мог ее слегка подправить (приделав ярлычки к стрелам, воткнутым в св. Себастьяна и т.п.). Поэтому очередной конверт с каким-нибудь 17-м энергоблоком какой-нибудь Бурноречской ГЭС Жибин разглядывал недолго (Вика, скорее всего, проявил слабость характера) и неожиданному повороту индифферентного филолога-космополита лицом к экономической жизни страны не удивлялся.

В животе у Жибина забурчало. «Читать письмо на голодный желудок — испортить все дело», — подумал он. Письмо было не таким толстым, как про мышей, но и не настолько тоненьким, чтобы его можно было прочитать натошак и у почтового ящика. «Размышлениям и фантазиям надо прежде всего дать пищу», — сказал себе Жибин и стал подниматься вверх.

Квартира Жибина представляла собой почти прямую противоположность мастерской. Дома было чисто, дома было уютно, и хотя дома было

много чего, все оно было как-то так расставлено, рассовано, развешено и подоткнуто, что впечатление идеального порядка было неизгладимым — может быть потому что сами вещи за долгие годы привыкли к своим местам и слились со своими соседями в единое мозаичное панно «Чистота, уют и бережливость».

Впервые оказавшись у Жибины дома, Амадеев был потрясен — даже не тем, что почти все книжки, покоящиеся на многочисленных шкафах и полочках, были обернуты одинаковой коричневой оберточной бумагой, а тем, что на корешке у каждой обернутой книжечки было каллиграфическим почерком написано ее название, автор, а если это было собрание сочинений, то и том. Более того, каллиграфические надписи отличались стилем и шрифтом, отражая характер и содержание книги.

Даже книжный червь Амадеев был поражен. Ну да, у него тоже на полке стояло несколько книг обернутых скрепленной скотчем прочной прозрачной пленкой: словарь Уэбстера, словарь Хорнби, Лярусс, — но это были трудяги, книги, постоянно испытывающие натиск, что там говорить, не всегда чистых рук, книги, которые не могли простить Амадееву главной несправедливости: вот уж, вроде, все, тебя уже перестали мять и тискать, уже поставили на полку, уж закончил он читать-переводить, убрал тетрадки в портфель, все, уже ложится отдыхать — НЕТ! надо еще затащить словарь В ПОСТЕЛЬ, чтобы еще его помять и потискать на

ночь! Вопиющая несправедливость! Все книги, как книги — почитали их, убрали, и оставили в покое, а тут ни сна, ни отдыха!

Увы, Амадеев любил книги утилитарно, превыше всего ценя собственное удобство, безжалостно выкидывая суперобложки и делая пометки исключительно ручкой — в тексте и на полях одновременно, — поскольку небольшую карандашную метку, сделанную лишь в тексте, было легко пропустить при поиске. Форзацы книг Амадеева были исписаны мелким почерком, уменьшающимся книзу; в середину книги, вполне мог быть вклеен листок для записей или газетная вырезка; из закладок Амадеев почитал только одну: «собачьи уши» — такая закладка не могла выпасть и была всегда под рукой.

К подобному довольно жесткому обращению с источниками знаний Амадеев пришел не постепенно, а внезапно и осознанно, в результате размышления и вычисления.

Размышлял как-то Амадеев о скоротечности жизни, и взгляд его упал на шкафы и полки с книгами (а куда еще он мог упасть, если в квартире Амадеева все стены были заняты книжными шкафами и полками). Интересно, подумал Амадеев, вспомнив дядю Бору, (который, как гласила легенда, прочел все книги в своей библиотеке), а сколько времени понадобится мне, чтобы прочитать все это добро? (Амадеев пожегился, поскольку у дяди Бори книжными полками была занята строго одна стена, причем не самая широкая).

Подумано — подсчитано. Амадеев сложил количество страниц в книгах на одной более-менее усредненной полке, измерил общую длину полок во всех шкафах и этажерках (некоторые сложности возникли с учетом книг втиснутых горизонтально поверх стоящих вертикально), поделил на свою скорость чтения (взяв несколько завышенное значение для компенсации погрешности), и пришел к ошеломляющему выводу, что для выполнения такой задачи ему не хватит никакой, даже самой длинной жизни, и даже если он будет читать двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю. . .

Глядя на обернутые книжки Жибина, Амадеев переживал сложную гамму чувств, сочетающую восхищение, недоумение, любопытство и жалость.

В отличие от амадеевской горы никому ненужных изданий на иностранных языках и книг по филологии, философии и тому подобной дребедени, жибинская библиотека была впечатляющей и легко могла бы конкурировать с дядибориной. Авторы — всемирно известные. География — самая обширная. Многочисленные собрания сочинений, полные или единственно изданные в стране, намекали либо на блат, либо на давность собрания, либо на стойкость в очередях, участие в записях и членство в обществах. В любом случае, одним махом обернуть и каллиграфически подписать такую библиотеку было невозможно, это было делом не месяцев, а

лет, и явно было не утилитарной деятельностью, а страстью, призванием и искусством.

Жибин, польщенный интересом книжника, поведал поучительную историю о том, как простая бережливость, привитая отцом, исподволь обернулась призванием. Оборачивание (хороших) книг (недешевых, труднодоступных, а порой и просто дефицитных), и тем более еще более труднодоступных и дорогостоящих собраний сочинений, было делом обычным (положить на парту необернутый учебник означало немедленно идти за родителями), вся разница была в масштабах и в подходе. Рядовой гражданин, он когда книжку оборачивал? — когда заставят, или когда другой рядовой гражданин попросит книжку почитать (или зачитать). . . В последнем случае обертывание книг помогало а) сохранить чистоту и б) в какой-то мере предотвратить зачитывание — обернутая книга всю дорогу сохраняла чужой вид, отказываясь плавно сливаться с соседями в шкафу и превращаться в собственную. . .

Но то — рядовой гражданин. Другое дело Жибин. Поначалу он просто помогал отцу обертывать очередное собрание сочинений, но очень скоро отличить одно собрание от другого стало трудно, и Жибин придумал подписать обернутые книжки на корешках. Сначала это был шрифт, которым пятиклассник надписывает титульный лист доклада «Шаги девятой пятилетки», потом чертежный шрифт семиклассника, но потом Жибин как-то незаметно втянулся,

стал копировать шрифты с обложки оборачиваемой книги, выискивать оригинальные шрифты в специализированных изданиях, а затем и создавать свои собственные. . . Книжка за книжкой, год за годом, и превратился Альберт Николаевич в художника-графика, шрифтовика.

Старший брат Жибины никогда книг из домашней библиотеки не оборачивал, но зато большинство из них прочитывал. Жибин же настолько был увлечен оборачиванием и надписыванием, что, обернув и надписав, считал свой долг перед книгой выполненным, и далее читал в свое удовольствие, нимало не угрызаясь, что большинство собственных книг так никогда им прочитаны и не будут — достаточно было того, что благодаря ему даже самый злой язык не смог бы сказать, что Жибины собирают книги «под цвет обоев».

Обертывание книг было наукой и искусством. Для этой священной цели использовалась крафт-бумага — высококачественная и высокопрочная коричневая оберточная бумага из длиноволокнистой целлюлозы, — поэтому бумажная заготовка, со вставленной в нее книгой, предварительно обжималась по всем шести сгибам, затем сгибы, приходящиеся вдоль волокон, догибались рукой, а сгибы, идущие поперек, сгибались по линейке. Согнуть такую бумагу поперек волокон рукой означало безнадежно испортить дело — сгиб получался неровным, острым, и был крайне неприятен на вид и на ощупь. Подвороты внутри форзацев подклеива-

лись, причем исключительно клеим ПВА, а не липкой лентой. С клеем возни было чуть больше, но поливинилацетатный клей подклеивал чисто и на века, а липкая лента со временем желтела и отваливалась, не выдерживая напора читателей и пружинящих свойств плотной оберточной бумаги. Часть подворота, приходящаяся на корешок, аккуратно обрезалась и завертывалась внутрь корешка, полностью защищая издание. Юный Альберт Николаевич как-то ужаснулся от того, что одетая им книга показалась ему более красивой и законченной, чем голая, недоделанная.

Обертывание книг также разрешало нелегкую дилемму, связанную с суперобложками. Художественная натура Жибина решительно восставала против амадеевской практики выкидывания суперобложек. «Придумали, тоже мне, грандиозное название для пыльного пиджака», — ворчал англоязычный Амадеев, но Жибин согласиться с ним не мог. Суперобложка могла быть шедевром оформительского искусства, к тому же она нередко содержала ценную информацию — биографию автора на переднем подвороте (иногда с фотографией!), и биографию переводчика на заднем; выкинуть такую суперобложку было бы святотатством. Обертывание книг элегантно решало непростую задачу одновременного сохранения и суперобложки, и удобства читателя.

И даже порезавшись острой, как бритва, но к сожалению, не такой же тонкой, как бритва,

бумагой, Жибин не забрасывал свое занятие. Лишь только запекалась кровь на ране, он не спеша и осмотрительно (не запачкать бы торцы томика!) дообертывал издание и переходил к своему любимейшему делу — алхимии шрифтов и вензелей.

«Знаешь, как вот это называется? — спрашивал Амадеев Жибина, нежно потирая шикарно расписанный крафт, скрывающий суперобложку “Истории искусств”. — Супер-дупер-обложка!»

(Страница оставлена пустой
преднамеренно, —
а надпись — чтобы не была пустой)

7. Голоса с того света

“SKOROSTЬ 19,05” — было гордо и крупно выведено на всех пленках Кочуры. Амадеев с Кочурой знаком не был. Кочура проживал в доме одного из друзей Амадеева, но был на несколько лет старше и, главное, владел записями такого качества, что Амадееву и в голову не приходило попросить своего дружка его с Кочурой познакомиться. Кочура был недосыгаемым идеалом — качества записи и пленочного богатства, — когда можно позволить себе эдак вот запросто всю, абсолютно всю музыку писать на SKOROSTИ 19,05 сантиметров в секунду. О, кочурин Криденс звенел студийным качеством, а потому смеяться над несколько нестандартным способом обозначения Кочурой скорости передвижения его пленок в лентопротяжном механизме не приходилось.

Амадеева долго бесили эти вот ноль-пять сотых (сотых!) одного сантиметра. Как, впрочем, и пятьдесят три (вот три, заметьте, не пять, к примеру, а именно три) сотых того же сантиметра и в ту же секунду, прилепляемых к скорости, на которой записывал музыку Амадеев. Мучения по поводу сотых сантиметра в секунду привели Амадеева в Центральную городскую библиотеку, где он провел все воскресенье (с перерывом на покупку в кафетерии напротив библиотеки коржика за девять копеек) с целью поиска и нахождения ответа на этот раздражающий Ама-

деева вопрос. Ответ оказался простым, но сам бы Амадеев не догадался. Оказалось, что «стандартной» (читай «студийной») скоростью записи являлась скорость, которой даже и не было на «Комете-201», ежедневно уносящей Амадеева в космические дали буржуазной популярной музыки. И единицами измерения этой скорости были буржуазные же дюймы. В дюймах все выглядело понятно и глупостью не казалось.

Результатом проведенного в библиотеке воскресенья стала небольшая, но важная табличка, которую Амадеев вывел со всей аккуратностью и прилепил на крышку магнитофона:

15 дюймов/сек	38,10 см/сек	студийная
7 1/2 дюйма/сек	19,05 см/сек	1/2 студийной
3 3/4 дюйма/сек	9,525 см/сек	1/4 студийной
1 7/8 дюйма/сек	4,76 см/сек	1/8 студийной

Побочным эффектом проведенного исследования было чувство глубокого удовлетворения, происходящее от того, что скорость, на которой Амадеев обычно записывал, была на самом деле не глупой величиной в 9,53 см/сек, а великолепной скоростью в девять целых и *пятьсот двадцать пять тысячных* сантиметра в секунду! Величина 9,525 выглядела несравненно понятней, разумней, красивей, нежели уродливая и неизвестно откуда взявшаяся на переключателе скоростей комбинация цифр «9,53»; число 9,525 можно было и на коробке написать!

Кочурины пленки, однако, несколько понизили самооценку Амадеева и вызвали небольшое чувство вины из-за записи на «девятке». Но, увы, нет — на «девятнадцатой» писать было невозможно: более дешевый тип 6 рвался при каждой перемотке, а лавсановый и прочный тип 10 был малодоступен из-за космической цены.

Да и о какой полу-студийной скорости могла идти речь, если изначально (до Кочуры) музыка записывалась с «Голоса Америки»?

«Вы слушаете Концерт популярной музыки Два на волнах Голоса Америки, у микрофона Юрий Осмоловский» — эти волшебные слова означали, что «Комета-201» готова к полету, а микрофон МД-47 воткнут под крышку и обращен к динамику радиолы «Чайка-М», не имеющей выхода для записи на магнитофон. К сожалению, такой способ записи также означал, что если Вероника Владимировна, скажем, ненароком громко закрыла на кухне кастрюлю, то кастрюля наверняка запишется поверх «Старого коричневого ботинка», тут уж ничего не поделаешь. А «ботинок», как назло, запишется хорошо, потому что короткая волна почему-то на короткое время решит успокоиться и перестать переползать в сторону арабских мелодий.

С бытовыми помехами надо было что-то делать, и Амадеев, сняв заднюю крышку радиолы, тупо припаял два проводка к контактам динамика, безжалостно просверлил в стенке радиолы дырку и так же безжалостно привинтил к поллированному корпусу обычную розетку на 220

вольт. Электрический интерфейс открыл новую эпоху записи голосов «с того света»; теперь можно было греметь стульями, скрипеть половицами, звенеть кастрюлями — и только упорного уползания слишком короткой волны от Юрия Осмоловского к арабам избежать было нельзя.

О чем в каком-нибудь 1973 году во дворе могли говорить молодые люди эдак четырнадцати лет? Посмотрите на них: что это они могут так бурно, эмоционально, тщательно и долго обсуждать? Одноклассниц? Сигареты? Пугачи? Мотоциклы? Ничего подобного. Они могут с таким жаром и интересом обсуждать только способы записи голосов «вероятностного противника» — длину и конфигурацию антенн, материал, из которого таковые должны быть изготовлены, способы настройки и подстройки коротковолновых приемников, слухи, касающиеся «глушения» или отсутствия такового для тех или иных радиостанций, их частотный диапазон, расписание передач и т.д. и т.д. и т.д. Задача стояла, собственно, одна: записать любимую буржуазную музыку так, чтобы ее можно было хоть каким-то образом слушать.

О, бурные, долгие и тщательные никогда не проходят даром. Способ был найден! Пусть не идеальный, но такой, который вполне можно было «признать удовлетворительным». Заключался он в записи одного и того же концерта популярной музыки всеми заинтересованными молодыми людьми и в последующем сравнении произведенных записей. После этого Петька

записывал у Васьки «Старый коричневый ботинок» поверх своего, петькиного и разваливающегося ботинка, а Васька, соответственно, записывал у Петьки «Сатисфэксон» поверх своей версии, от которой никак нельзя было этот самый «Сатисфэксон» получить, поскольку в середине песни громко, хотя и недолго, говорили на немецком языке.

Коротковолновые мучения привели Амадеева к унижительным попыткам прослушивать небуржуазное, польское радио, которое вело передачи на волнах средних, а потому вещало с исключительным, по сравнению с КВ, качеством. К сожалению, буржуазной музыки там было мало, по понятным причинам, но она там появлялась, и иногда можно было словить уникальные образцы.

Как-то Амадеев слушал (одновременно записывая) польское радио (которое он уже стал понимать, поскольку оно болтало во время музыкальных передач гораздо больше Голоса Америки), слушал, не на что особо не надеясь (польские концерты могли быть совершенно пустыми), и вдруг квартиру № 45 потрясли звуки душераздирающей красоты, вопли настолько проникновенные и настолько музыкальные, что слушатель буквально улетел кометой в космос! Амадеев, ничего подобного в своей жизни не слышавший, схватил пленку и побежал по друзьям прокрутить то, что он только что записал. «Польский Высоцкий!» — окрестил этот шедевр Амадеев, не разобрав даже, на каком языке

«мужик» орал. «Это “Монкберри Мун Дилайт”, дурень, — посмеялся над ним Голов, — это с нового альбома Пола МакКартни».

Удар был силен — не узнать Пола МакКартни?? Ну ты битломан, Вика, ну ты даешь. . . Может быть именно тогда, опозорившись в чужих и собственных глазах, Вика и решил овладеть языком «польского Высоцкого», кто знает. . .

Удар по самооценке Амадеева несколько смягчил Шарик.

Шарик был анти-Кочурой. У Шарика был редкий магнитофон: вильнюсская «Дайна». Поразительной особенностью этого устройства были скорости передвижения ленты: на корпусе стояли две крупные цифры, без дробных частей: «9» и. . . «2». «Два»? Такой скорости не было в табличке у Амадеева! Она не была описана в известной ему технической литературе! Ну-ка, ну-ка, что это у нас такое? Пятнадцать шестнадцатых дюйма в секунду?! Да это же меньше одного дюйма в одну секунду! — это медленней студийной скорости в шестнадцать раз! — такую величину стыдно и в табличку заносить!

С другой стороны, а ну-ка поразмыслим: а что мы пишем? Мы пишем либо музыку, либо речь, правильно? Ну и пиши себе свою музыку на «девятке», как все нормальные люди, кто мешает? А речь писать на «четверке» нет ни малейшего смысла, потому что качества на «четверке» уже никакого нет, а речь можно будет легко разобрать и на «двойке», зачем же зря тратить ленту! На «двойке» на одну пленку

можно начитать целую книгу! Внутри лагеря, где запрещены копировальные машины, это же величайшая ценность! На самом деле, если разобратся, вильнюсские дизайнеры сконструировали не такой уж и глупый магнитофон!

Это так подумали вы, но не Шарик! Потому что у Шарика была только одна пленка. Единственная, но хорошая, лавсановая, и на большой бобине 18-го номера. Что это означало? А то, что, будучи единственной, эта пленка была обречена стать музыкальной вселенной Шарика. Каким образом? Очень простым — а на что нам дана редкая скорость в два и тридцать восемь сотых сантиметра в секунду? Что? Писать музыку на «двушке»? А что вам не нравится? У вас вон на «девятке» Слейд записан так, что и слушать невозможно! Или вон, с Голоса Америки пишете — это же просто ужас! А я что вам, буду на «девятке» писать, когда у меня пленка всего одна? Вы что хотите, чтобы десять сантиметров драгоценной ленты улетали в лентопротяжке за одну секунду? Вы что, офигели??

Постойте, постойте, скажете вы, а как можно на одной пленке уместить всю музыку? А как же, скажем, записывать новые песни?

Да, такая проблема встала перед Шариком со всей неизбежностью, как только его драгоценная пленка заполнилась с обеих сторон. И тогда Шарик нашел гениальное решение.

Когда Амадеев первый раз припер свою «Комету» к Шарiku что-то у него переписать, Шарик, естественно, тоже захотел кое-что пере-

писать у Амадеева. Чтобы уж тяжести взад-вперед таскались не зря. А переписывал он так (тут важно не пропустить деталей):

- Сначала он попросил Амадеева перемотать на начало «Польского Высоцкого» и осведомился, как запустить «Комету» на воспроизведение.

- Потом он долго, очень долго и упорно что-то искал на своей уникальной ленте, перематывал, прослушивал, перематывал опять, взад и вперед и еще раз вперед и назад, и опять не находил, пока наконец-то не нашел.

- Потом он стал глядеть на часы, ровным счетом ничего больше не делая.

- Потом он рванулся и включил амадеевский магнитофон на воспроизведение, а свой на запись.

- Потом он продолжил глядеть на часы.

- Потом он молча подавил не принимающим возражений жестом вопрос, который Амадеев начал было задавать, чтобы узнать, что это такое Шарик вытворяет, и продолжил внимательно, очень внимательно смотреть на часы.

- Потом Шарик медленно и плавно стал убирать на своем магнитофоне уровень записи, пока не скрутил резистор до упора.

- Потом он остановил свой магнитофон.

- Потом он остановил магнитофон Амадеева — посередине «Польского Высоцкого»!

Амадеев глядел и не верил своим глазам: Шарик записывал песню поверх *не той же*

самой, как это делали все мальчики, а поверх *другой* (!) и останавливал запись по часам.

Наверное, лицо Амадеева выражало такое недоумение и ужас, что Шарик объяснил свое поведение сам:

— Все песни продолжаютя две с половиной минуты.

Так, благодаря голосам «с того света» и гениальному Шарикy, у Амадеева возник интерес к науке о законах и формах правильного построения мыслей. Удовлетворить его было несложно — среди родительских книг, каждую из которых Амадеев знал в лицо, была безликая книжка в серой обложке, на которой не было картинки, а было сухо выведено: «ЛОГИКА». Амадеев не обратил бы на нее особого внимания (внутри был текст, мало напоминавший «Робинзона Крузо»), если бы под крупными буквами «Логика» не было подписано буквами мелкими: «Учебник для средней школы. УЧПЕДГИЗ • 1951». Сама по себе мысль, что в школе были предметы, которых в школе не было, уже была почвой для размышлений.

— В каком классе изучали? В восьмом, — без запинки просветила Амадеева Вероника Владимировна, бывшая учительницей той самой средней школы как раз в годы Учпедгиза.

«В восьмом» было неприятной правдой. Восьмой класс начинался для Амадеева через месяц, а слова в книжке с сухим названием казались не более, чем белибердой.

«Ну что ж, — сказал себе Амадеев, — к восьмому классу надо подготовиться!» — и засел за «Логикку» Виноградова.

Неопознанный «мужик» в «Польском Высоцком» орал уж никак не менее пяти минут.

(Страница оставлена пустой
преднамеренно — так надо)

8. О вреде мозгов

— Сидите, сидите, — снисходительно позволил Амадеев, входя в класс, хотя никто вставать и не собирался. — Так, ну всё, всё. — «Шутки в сторону», показал тон Амадеева. — Журнал у нас где? Что Сизиф Абрамыч? Зачем ему нужен ваш журнал? Ах, ну так все-таки не Сизиф Абрамыч наш журналчик зажилил, а вы сами забыли его взять. . . Ну идите, идите, чего с вами делать. . . Надо же куда-то двойки ставить. . . Тряпку заодно захватите. . . И мел! Марина! Мела нет! Я говорю, мела нет. Что значит где взять? Ну укради где-нибудь! На кафедру к нам зайти — там, кажется, на подоконнике в углу за шторкой была коробка. . .

Так. . . Где у нас Баранов? А Шалиев? Что значит пошел за допуском? Я же разрешил ему присутствовать, что это за ерунда, в конце концов, я же говорил, что мне все равно, сдали вы долги или нет, я вам все равно зачет поставлю, не нужны мне никакие ваши глупые допуски. Что?! Для сопромаааата допуск?? Ну извинииите. . . Орел тоже мне. . . Передайте ему, что так и я начну допуски требовать. . . а что, может попробовать, для разнообразия жизни. Аааа, не наааадо! А вот буду! Вот так вот. . . ссстуденты. . . Кстати, «студент» — значит «учащийся»! Это латинское. . . как бы это популярно выразить. . . причастие настоящего времени — не существительное, заметьте! Не безмозглый пред-

мет, не сундук, который в классе в углу стоит, и не бочка для пива (к девочкам не относится), а именно некто, находящийся В ПРОЦЕССЕ изучения чего бы то ни было. . . Кто из вас тут в процессе. . . Все в ажуре? Никто не в процессе? Ну ладно, хватит болтать. Так, что с Ляпиным? Декретный отпуск, так и запишем. . . Любовь к пиву, понятное дело, от любви в декрет и попадают. . .

Спасибо, Марина.

Так ну всё, всё. Всё уже! Домашнее задание ваше давайте посмотрим. Так, . . у вас что? Где? Почему? Что? Дочь в больнице? А у вас? Что значит «что у нас»? В квартире керогаз. . . «Что у вас» означает буквально «где у вас домашняя работа?» Работа, связанная с языком, но не марки наклеивать. А? Что Викентий Палч? Ну что Викентий Палч? Почему? Может быть. Может быть вам лично и не нужен иностранный язык. Я допускаю даже, что и высшее образование вам лично может и ни к чему. Тем более, что высшим оно называется условно. Запомните, милейшие: образование нельзя «дать», или «получить», его можно только взять. . . Так что на сегодняшний день вы еще не студент даже. . . У вас где? У вас кто в больнице? У вас? Не до конца? Ничего страшного. Ээээ, это «не до конца» называется? Это даже не после начала! Нет, отчего же, почему нет, народ должен знать своих героев, пусть люди видят, созерцают, лицезреют. . . Вот, полюбуйте, пожалуйста — замечательный образец пионерской софистики. Это на-

зывается «не-до-кон-ца». Разумеется. . . до конца тут еще далеко. . . Сколько тут, полтора предложения. . . Где два? Где ты видишь два? Так, стоп. **МОЛОДЫЕ ЛЮДИ!** . . . . . Молодые. . . как бы это. . . ну да, люди. . . Вы же люди, хотя и молодые. . . Ну вот видите, если к вам относиться по-человечески, то вы превращаетесь вот в это. . . Послать к Птичкину-Синичкину? Ах, да, это так нехарактерно для Викентия Палча. . . так нетипично. . . Но нельзя же мне быть все время таким типичным. Неоригинально как-то. . . Может надо иногда. . .

Ладно, всё, новый материал. Тетрадочки уже открывааем. Четыре клеточки слева отступаем, детоньки. Можно, можно пять. Тетрадь в линейку? Ну, сходи домой, принеси в клеточку. . . Пишем: залог. **ЗАЛОГ** — записываем уже! Ну возьми мою ручку, в конце концов, я же говорю — дети! **ЗАЛОГ** — записали? — выражает то или иное — я уж, можно сказать, все вам разжевал, — или иное отношение данного действия, данного действия, залог выражает то или иное отношение данного действия к его, к его **ПРОИЗВОДИТЕЛЮ**, субъекту, к его производителю, субъекту, то или иное отношение данного действия к его производителю, субъекту, и **К ПРЕДМЕТУ** этого действия, **ОБЪЕКТУ**. И к предмету, предмету этого действия, к объекту. К объекту и к субъекту. Так, записали? **ПОВТОРЯЮ! ЗАЛОГ ВЫРАЖАЕТ ТО ИЛИ ИНОЕ ОТНОШЕНИЕ ДАННОГО ДЕЙСТВИЯ КЪ ЕГО ПРОИЗ**

ВОДИТЕЛЮСУБЪЕКТУИКПРЕДМЕТУЭТОГО ДЕЙСТВИЯОБЪЕКТУ.

Понятно? Чего непонятно? Субъект понятно, а объект — непонятно? *«Преподаватель объясняет новый материал»*. Где тут субъект, и где объект? *«Преподаватель»* — субъект, правильно. Что? Опасный субъект? Опасность, господа хорошие, . . . в вас самих, . . . я вам говорил, что вуз лишь выводит человека из минуса в ноль, настоящая учеба начинается после получения так называемого (!) так называемого. . . «высшего». . . образования. Или не начинается. Залог успеха. . .

Кстати, о залоге. Ну-ка объясните, как вы понимаете эту грамматическую категорию, можно своими словами. Ну что ты смотришь на меня так? Ну-ка дай-ка я погляжу, что ты там такое назаписывал. . . НУ МИЛЕЙШИЙ! Залог! ЗалогГГ! А не ЗалогККК! Категория грамматическая! А у тебя что написано? Что? Утебянаписано?! Впрочемтак. ЕЩЕ . . . РАЗ. Внимание, пожалуйста. ЗА-ЛОГГГ. Грам-ма-ти-чес-ка-я-ка-те-го-ри-я-вы-ра-жа-ю-ща-я-то-и-ли-и-но-е-от-но-ше-ни-е-дан-но-го-дей-стви-я, ОТ-НО-ШЕ-НИ-Е-ДАН-НО-ГО-ДЕЙ-СТВИ-Я! Къе-го-про-из-во-ди-те-лю-СУБЪ-ЕК-ТУ-и-кпред-ме-ту-э-то-го-дей-стви-я-ОБЪ-ЕК-ТУ!!! Как это — «действие относится к субъекту и к объекту»? Что это означает? К вам не относится? Относится, еще как, просто вы это отношение не опосредуете. В силу и по причине.

Кстати, очень интересные залого глагола существуют в монгольском языке. В русском и английском вот два — действительный и страдательный (правда в русском еще есть средне-возвратный, но мы об этом пока не будем говорить, ну да, я уже сказал, правильно, слово не птичка, тершите).

Когда два залога, можно сказать ничего интересного: действительный — это когда подлежащее (формальный субъект) и реальный субъект, совершающий действие — одно и то же лицо. Страдательный, соответственно, наоборот, когда подлежащее является лишь формальным субъектом, ну, в русском языке в именительном падеже стоит, а реальный субъект (тот, кто реально совершает действие) стоит в косвенном падеже, обычно в творительном; вот и падеж-то творительным не зря называется, ибо указывает на творца всех вещей, пардон, данного действия.

Ну ладно, это просто, а вот в монгольском. . .
В МОНГООЛЬСКОМ ЯЗЫКЕЕЕЕ. . .

В монгольском языке, между прочим, есть как минимум шесть залогов: действительный, страдательный, каузативный (типа причинный), возвратный, множественный и, как бы это поделикатней, не кооперативный, а. . . ммм. . . совместный, что ли. . .

Что? Нет, я не говорю по-монгольски. Пока. . . А что — вы зато говорите по-английски? Ну поздравляю, поздравляю. Чьими молитвами. . . С чем поздравляю? с тем, что звонок уже,

кстати. Ладно, о монгольском языке я вам поведаю после перерыва. И попробуйте только сказать, что вам неинтересен каузативный залог. . . Всё, перерыв.

— Орлайт, о'кей, успокаиваемся, дети. . . Давайте, открывайте уже, сто тридцать седьмая страница. Бонк! БОНК! Разумеется, а что у вас — какие-нибудь другие английские книги с собой имеются, типа почитать на досуге, в свободное время? . . . Кстати, тот, кто мне скажет, какого этот самый Бонк пола, получает зачет без экзамена (или экзамен без зачета, как угодно). . . Среднего пола? ну, тогда открывай страницу сто тридцать седьмую, задание четырнадцатое. Прочитать и перевести. ПИСЬМЕННО! Нет, устно нельзя. Точнее можно — если у доски, без словаря и без подготовки. Кто-нибудь отважится? Нет, ну тогда доставайте свои глиняные таблички и вперед. О да, разумеется, все переводы сдаем в конце урока. Никаких следующих разов. Лучше на листочках, плиз. Общих тетрадей ваших я еще не таскал. . . Да и портфеля у меня нет. . . Уже открываем, открываем, перевоодим. . . А пол Бонка можете в выходных данных посмотреть. . . Обещал о монгольском? Ммм, ладно, пожалею вас; о монгольском — следующий раз, а то и так уже пол-пары проболтали. . .

Амадеев исподлобья оглядел формально задействованных «деток», сел за стол и достал из правого внутреннего кармана (левый внутрен-

ний карман — ходовой, а правый — сначала копилка, а потом помойка) давнишнее и довольно замусоленное письмо Жибина. «Срам и позор, срам (*пауза*) и по-зоор, . . . — ласково сказал себе Амадеев, разглаживая письмо. — Сколько уж раз я его хотел подправить и перепечатать; так и потерять можно, не подправив и не перепечатав. (Хотя, конечно, можно потерять и подправив, и перепечатав, вместе с подправленными и перепечатанными экземплярами. . . Ну уж лучше потерять подправленное и перепечатанное. А то инопланетяне найдут через две тысячи триста восемьдесят шесть с половиной лет, а оно — неподправленное и (вот ужас-то) неперепечатанное. . .)»

Амадеев еще раз окинул строгим взглядом вальяжную аудиторию, нимало не обремененную тяготами перевода добра на родной язык, яростно и молча — очень оччень строго — погрозил аудитории высоко поднятым пальцем (вызвав ее легкий снисходительный смех), и углубился в чтение.

О ВРЕДЕ МОЗГОВ

Жил-был человек. Хороший, в принципе, человек. Может быть и не очень хороший, но, во всяком случае, неплохой. Жил он, а скорее даже и не жил, а просто он был. Ну, о том, что он был, рассказывать неинтересно. Каждый может сказать, что он, мол, тоже был, да даже и не был, а есть. Ну а тем, что жил, и вовсе никого не удивишь.

Итак, жил-был человек. Совершенно обыкновенный человек. Можно сказать, нормальный человек. Вы только не подумайте, что я хочу вас сначала успокоить, а потом ошарашить как обухом по голове. Нет, не буду я этого делать.

Ну так вот, жил-был человек. И такой он был хороший, а, вернее сказать, неплохой, что всем даже несколько странно стало — не может же таким вот неплохим, а, скорее даже, хорошим быть человек. Вы о себе хотя бы подумайте. Только не так: «А что — неплохой я, чего уж скрывать». А вот так: «А ведь прав он, чего греха таить, хоть я и хороший, но бывают промашки».

А раз так, то пригляделись к нашему человеку повнимательнее. И — ба-тю-шки! Да ведь пьет он. Да, да, пьет! Причем как все нормальные люди пьет. Вы, может, подумали коньяк или шампанское? Нет. Я же сказал: как все нормальные люди — то бормотушки хлебнет, а то и водочки пропустит. Знаем мы таких людей, и, действительно, люди они вполне нормальные, обыкновенные.

Так вот, постепенно все стали с ним говорить. И не просто говорить, а говорить на одну и ту же весьма щепетильную тему. И причем говорят-то все. Не то чтобы все сразу галдят, нет. Но кого бы этот человек ни встречал, никто эту щепетильную тему стороной не обходит.

И каким образом все с ним говорят? Не открыто, нет, а как раз наоборот. Эдакими намеками, недомолвками. Мол, как сейчас пьют? И стар пьет, и даже млад. И как можно незаметненько к этому дельцу пристраститься, и, что, мол, давай прекращай, а иначе все, хана, как говорится, поздно будет.

Ну и человек наш твердо решил. Что пьяницей он не будет, так как быть пьяницей — позор и нехорошо, а, вернее сказать, плохо. Решил не быть пьяницей — и не стал им (или ей?). Правда «по маленькой» выпивать стал чаще, но это, извините, и дураку понятно: чем меньше пьешь, тем больше хочется.

В этом месте многие могут справедливо спросить: чего ему от нас надо? Сейчас возьми через одного — пьет, да и сами, было дело, пили. Что ж, честь вам и хвала, если вы раньше так пили. То есть хвала не потому, что так пили, а потому, что так пили раньше, а сейчас, стало быть, не так пьете, меньше, значит.

Кстати, в начале упоминалось, что человек наш был вполне нормальным, обыкновенным. Но это было в начале. Теперь же одно обстоятельство дает повод в этом усомниться. Какое? Попробую пояснить.

Дело в том, что у нас у всех в мозгах, я уж извиняюсь за сравнение, две половины есть. Вы напрасно улыбаетесь, у нас в мозгах действительно есть две половины. И одна из половин, принадлежащих нашему человеку, наотрез отказывается пить. И в ответ на предложе-

ние, скажем, пойти тянуть по кружечке пивка, может сделать что-нибудь совершенно непоправимое. Другая же, напротив, не только с удовольствием примет подобное приглашение, но и сама готова пригласить кого угодно тянуть по кружечке, а потом и по бутылочке.

По идее, мозги даны человеку, чтобы знать, что́ когда делать и как поступать, но с такими мозгами, как у нашего человека, не жизнь, а одна нервотрепка. Представьте себе: хочет, допустим, наш человек поест, и уже вилку ко рту поднес, как вдруг одна его половина так захочет выпить, что он вилку на стол кладет и выпить хочет. А тут другая половина начинает ему приказывать: о выпивке и думать не моги, а вот, лучше, бери вилку и ешь. Он только вилку схватит — первая половина: «хочу выпить!», а вторая: «как бы ни так!» Или, к примеру, если человек наш выпил, поддался, так сказать, первой половине, вторая ему все равно покоя не даст: «Ты опять напился, как свинья, сколько можно пить?!» На что первая отвечает — хоть и заплетаящимся языком, но нагло и уверенно, почти с апломбом: «Кого ты слушаешь? Не слушай ее, она пьяна!!»

Так бы он и мучился, если бы однажды ему не повезло. А повезло ему так, как он сам не ожидал. Дело было так. Вышел человек наш на улицу и, значит, идет. А две его половины все так и грызутся между собой, идти мешают. Одна прямо говорит: «давай, сворачивай к магазину!», а другая: «только попробуй — я сделаю

что-нибудь непоправимое! Шел он так, шел, и из-за спора этих двух половин врезался башкой в фонарный столб. А столб возьми и окажись железобетонным, то есть лбом его не прошибешь. Встал человек после удара и спокойно пошел домой.

И началась у него новая жизнь. Почему новая? А потому, что от удара головы о столб половины ее стали работать попеременно, да так, что человек наш и сам перестал понимать, сколько времени какая половина будет работать.

Бывает так: подходят к нему на работе его дружки. Так, мол, и так: собирайся, пошли, у нас, дескать, уже все есть. А он как будто и не понимает, куда это его зовут, говорит им: куда, позвольте, вы меня тащите? Рабочее место мое тут, и никуда я с него не пойду. Дружки ему говорят недоуменно: ты что, типа, рехнулся? Пойдем, хоть по кружечке-то тяпнем, у нас и рыбка с собой, давай-ка собирайся, да поживей.

А ведь предупреждала нашего человека первая половина, что может и непоправимое отчебучить. Вот она и отчебучила. Только один из дружков потянул нашего человека за рукав, как она его хлесть по лицу! Конечно, ударила-то не сама половина, она только импульсы там разные испускала, да рецепторы раздражала, а уж рука действовала без промедления. Но с руки что возьмешь — у нее же головы-то нет. . .

На другой день дружки ему говорят: за что же ты, свинья, нас так оскорбил? Если ты бросил пить, то это не значит, что теперь можно каждому морду бить и обижать всячески. Но тут у нашего человека возьми да и включись другая половина мозгов. И говорит он: да что вы, братцы, с ума посходили? Я-то и пить бросил? Да если хотите знать, я готов всю жизнь свою пить и ни о чем больше не думать.

Обрадовались дружки его — уж больно они испугались, что он пить бросит. И надрался в тот день наш человек до такой степени, что у него обе половины соображать перестали. Все ему говорят на следующий день: как же тебе не стыдно, пьяница ты, и позор тебе! А он им вполне искренне и даже с улыбочкой отвечает: да что вы, я же вообще не пью (это у него опять первая половина мозгов работает), а то, что я вчера в таком неприглядном виде был, так это я не виноват. Вам, говорит, хорошо — у вас мозги целиком работают, а у меня — попеременно: то одна половина, то другая. Так что я теперь за себя не отвечаю. Если включится первая половина, за версту буду обходить даже бочку с квасом, не говоря уже о бочках с пивом или о магазинах с чем-нибудь покрепче. Но уж если другая половина заработает — берегитесь рюмки, стаканы и пузыри! Пока ходить, смотреть, держать, глотать в состоянии — все выпью, денег не будет — назначаю, но напьюсь вусмерть. Так что в пьян-

стве винить меня никак нельзя, потому как пить-то я и не собираюсь даже.

Ну вот и все. Человек, как видите, действительно, вполне хороший, только вот с мозгами у него что-то.

«Хоть я и хороший, но бывают промашки», — пробурчал себе под нос Амадеев, вспомнив встретившегося ему по дороге на работу мальчика. Мальчик скакал на коне (которым служила недлинная и непрямая палка), размахивая над головой мечом (которым также была палка, сопоставимой длины и формы). Внимание Амадеева привлекло не это, а странная фраза, которую мальчик во все горло выкрикивал, отсекая справа и слева от себя вражьи головы. Мальчик кричал: «Я — ХОРОШИЙ!!!»

«Марина, вырви мне листочек, пожалуйста», — шепотом попросил Амадеев. «С вас рубль, Викентий Палч», — прошипела Марина, жеманно протягивая Амадееву листочек с неровно оторванным краем. «Восемьдесят семь копеек, — Амадеев показал на оборванный край, — и с поллучки».

Амадеев достал перьевую ручку с надписью «Учись на отлично» и вывел:

О ПОЛЬЗЕ ФОНАРНЫХ СТОЛБОВ (Трактат)

Любой в целом хороший гражданин способен, к большому сожалению, совершать прома-

шки. Гражданин может, например, промахнуться и влететь в открытый водопроводный люк. Или, наоборот, НЕ промахнуться (увы, и это не всегда хорошо) и налететь на ничего не подозревающий фонарный столб.

Любые таковые залеты — явления не настолько заурядные, как это может показаться досужему наблюдателю. Они суть проявления законов, исподволь, непрестанно и неуклонно направляющих (либо искривляющих) человеческую жизнь. Поэтому (помимо получения естественного и непредосудительного удовольствия) наблюдающий за столкновениями граждан и гражданок с многочисленными фонарными столбами может извлечь для себя немалую пользу. О, не взирай на эти коллизии рассеянно, наблюдатель! Зри и внемли, ибо на основе анализа лобового сопротивления жизни можно выстроить полезную классификацию всего движущегося и страдающего, понять, что именно мешает этому движущемуся и страдающему жить, и, главное, что ему нужно делать, чтобы «оно» «ему» не мешало.

Итак, гражданин невзначай налетел на столб.

Гражданин категории № 1: Будь проклят этот чертов столб! (Бьет его ногой.) Будь моя воля, я бы все эти столбы к чертям поносил! (Бьет столб попеременно обеими ногами, ушибает ноги, громко чертыхается.)

Гражданин категории № 2: Будь проклята эта жизнь! (Бьет себя по голове, которая, надо

заметить, и без того болит.) Зачем я только родился на свет?! Вот и вчера потерял пятьдесят рублей, кретин! (Бьет себя по щекам.) Провались все ко всем чертям! Обрыдла эта поганая жизнь!

Гражданин категории № 3: (Ничего не говорит, потирает ушибленное место, переводит дух и подумывает о том, как лучше отомстить людям в целом, врывальщикам столбов в частности, а, в особенности, зам. начальника, лишившему гражданина премии за прошедший квартал.)

Гражданин категории № 4: (От внезапно-го, хотя и далеко не смертельного удара гражданина охватывает смертельный страх. Гражданин умирает от страха.)

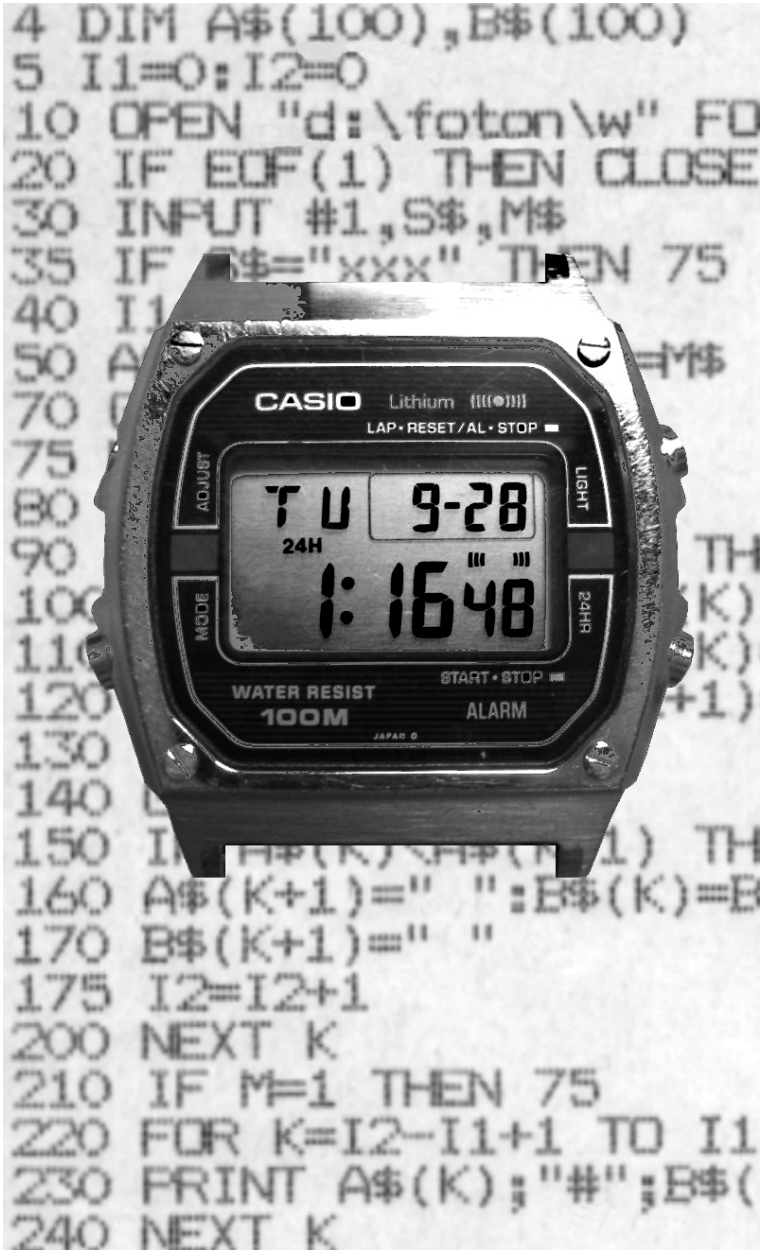
Гражданин категории № 5: (Потирает ушибленное место.) Фу-ты, так можно и без башки остаться. Куда хоть я шел-то? . . . А, ну да, пиво пить. Так, мне, значит, направо. (Идет пить пиво.)

Гражданин категории № 6:

Категория № 6 либо отсутствовала в полезной классификации всего движущегося и страдающего, либо решила сыграть с Амадеевым злую шутку и спрятаться за всеохватывающими и, возможно, самодостаточными категориями 1-5. Амадеев огляделся. Звонок давно прозвенел, в аудитории было пусто за исключением двух студенток не из его группы, готовящихся к следующей паре. Амадеев аккуратно убрал

письмо Жиби́на во внутренний карман пиджака, с меньшим уважением сунул туда же трактат о пользе анализа лобового сопротивления жизни, уныло собрал в стопочку заведомо неверные переводы какой-то ерунды, напечатанной на странице сто тридцать седьмой книги, написанной существом неизвестного пола, отметил про себя, что количество присутствовавших на занятии студентов явно превышает количество сданных листочков, и, потрогав себя за голову, понял, что у него включилась та, более другая половина.

(Страница оставлена пустой
преднамеренно —
предумышленно, специально)

9. В гостях у друга

— Местá знать надо, — сказал Голов, — Жена по справке для больных сахарным диабетом купила.

— Я не знал, — сказал Амадеев.

— Чего?

— Что у нее диабет.

— Вррааач знакомая, — презрительно сказал Голов.

Амадеев аккуратно разгладил рассыпанный по столу керамзит гречневой каши, разровнял строительную площадку и начал пролагать аллеи.

— Меня не дожидайся, ставь варить, — сказал Голов. — Приду через полчаса-час. Через полчасака, если еще не вернусь, вынь пиво из морозилки. Ненавижу ледяное.

По центру парка Амадеев решил расположить клумбы и фонтаны — по шесть клумб вокруг каждого фонтана.

— У тебя мелочь есть? — спросил Амадеев.

— Сколько тебе?

— А у тебя какая есть, покажи, — сказал Амадеев.

Голов, ругаясь, выудил горсть монет, и Амадеев для начала выбрал два двугривенных и три трехкопеечных монетки, а потом стал выбирать двух- и десятикопеечные. Двухкопеечные Голов у него сразу отобрал, а десятикопеечных оказалось слишком мало. В нерешительности

Амадеев зажал в правой руке выбранные монетки, а левой ухватил Голова за карман и задумался.

— Ладно, отцепляйся, — сказал Голов. — А то будешь пиво под одну гречневую кашу пить.

— Понимаешь, — сказал Амадеев, — у меня тут три золотых фонтана и два серебряных. А теперь мне нужно по шесть клумб с хризантемами вокруг золотых фонтанов и по шесть с настурциями — вокруг серебряных. Итого восемнадцать клумб с хризантемами и двенадцать — с настурциями.

Голов поглядел на Амадеева с состраданием врача, осматривающего неизлечимо больного, уверенно смел со стола недостроенный парк с клумбами себе в карман и, оторвавшись от Амадеева, ушел в атмосферу, насыщенную выхлопными газами и знакомыми продавцами.

Амадеев остался один на один со шпионами, хитро скрывающимися в огромной массе нешпионов. Шпион, как может показаться, больше всего любит маскироваться. Но это — обывательская точка зрения. Настоящий шпион — не ремесленник, а художник своего дела — никогда не снизойдет до вульгарной игры в прятки. К чему маскарад? Пусть гражданам покажется, что я похож на шпиона. Пусть им даже захочется меня схватить и передать куда следует. Но это будет только первой реакцией на мою внешность. Любой человек, имеющий голову на плечах, немедленно одумается: какой же здравомыслящий шпион будет выпячивать

свою шпионскую суть? Ведь его же сразу разоблачат! Поэтому как ни крути, но я (хотя и очень похож на шпиона) таковым быть никак не могу — уж извините. (И верните мне мои темные очки и шляпу. . .)

Амадеев рассмеялся, вспомнив древний анекдот.

Звонок в дверь. Хозяин квартиры открывает дверь и видит перед собой посетителя в плаще с поднятым воротником, в темных очках и надвинутой на очки шляпе. Посетитель, заговорщически:

— Верблюды идут на запад.

Хозяин квартиры, срываясь на крик:

— Верблюды идут НА . . . ! Шпион живет этажом выше!!

Амадеев, однако, прекрасно знал повадки подобных типов и без колебаний их изолировал, навсегда изгоняя из Греческого Сообщества Равноправных и Независимых Индивидуумов (сокр. ГРЕСОРАНЕИН). Да, кстати. Недавно в печати (кажется в «За рубежом») проскользнуло сообщение о выдающемся открытии гресоранеинских фармацевтов. Они вывели какой-то фермент, который. . . точно не помню, кажется и от раковых заболеваний вылечивает. Ну, как всегда в газетах — чуть что — сразу в трубы трубить. Но вот что интересно-то: фермент этот так и назвали — «гресоранеин». (Понять их можно — страна малюсенькая, ее и на карте-то не каждый отыщет, а тут вдруг внимание всего

мира отказалось прикованным к этому островному государству!)

Амадеев отловил очередную партию шпионов и подумал об уровнях (или степенях? или ступенях?) хитрости. Вот собрались сыграть в каком-нибудь санатории два человека в шахматы. Сели, фигурки расставили, на душе неспокойно — силен ли, интересно, противник? Передвинули несколько фигур — проясняется: оба не асы. Тогда а ну ее, в шахматы, давай в «кто-кого-обдурит». Белые по невнимательности делают ход, позволяющий черным при еще одном зевке белых вклепить «детский мат». Но черные не торопятся. Немедленно обрадованно дернуться и начать «детско материть» противника опасно — больно уж банальная комбинация — спугнешь добычу. Черные упираются подбородком в левую ладонь. До уха белых (еле-еле, на пределе слышимости) долетает озабоченная эмоция черных, как бы невзначай, вопреки их желанию выпорхнувшая изо рта: «. . . ччерт . . .» Смысл? Убедить противника, что тот молодец, поставил, вишь, в затруднительное положение. Раскованно шагает время, не обремененное полицейским надзором спаренных часов, и черные приближаются к осуществлению черного плана. Нет, в голове черных не происходит никаких мыслительных процессов. Они не вспоминают, куда ходить конем при сицилианской защите. Вся активность — в животе: не спугнуть бы, только бы не заметил, только бы удалось! Белым становится скучно, они лезут в карман за

сигаретами, там их не оказывается, белые встают, шарят в тумбочке, распечатывают новую пачку, ищут спички, прикуривают, затягиваются, смотрят на доску и на почерневшего соперника: он уже на грани превращения в роденовского шахматиста. Белые берут газету, читают в ней какие-то слова и говорят: «Да чё уж тут так думать-то, Степан Иванч, скоро уж и на ужин позвонят». И черный как туча Степан Иваныч приоткрывает клапан в голове-скороварке, выпуская лишние атмосферы через правую ноздрю, и тяжело полупромыслив-полупрошептав «Ну ладно. . .», двигает фишку, которая (сердце готово выпрыгнуть через брюшину) уже на следующем ходу (!) позволит красиво (?) швырнуть соперника на мат. Белые, не переставая держать газету и мельком взглянув поверх очков бездумно перемещают на доске деревянного болванчика, и черные с ужасом обнаруживают, что вместо их (с такой тщательностью подготовленного!) детского мата им придется довольствоваться матом вполне взрослым. Где-то в области мочевого пузыря возникает реакция соединения фрустрации со злобой, которая, согласно представлениям древних, приводит ко внутреннему воспламенению в организме, и, не имея возможности сжечь что-либо в окружающей среде, сжигает организм, где она возникла. Негодуя на невинные фигурки из дерева, несостоявшийся блиц-матершинник кричит «А мы тогда вот так!!», почти пробивая доску насквозь,

и в голосе его почему-то звенят фанфары близкой победы. . . Звонят на ужин.

Амадеев подумал, что неплохо было бы изобрести игру без доски, с неограниченным количеством фишек (ну хоть гречневых), с почти произвольными правилами и с элементом непредсказуемости (если в самом деле использовать в качестве фишек крупинки гречневой каши, то проблема решается сама собой — в любом количестве гречневой каши обязательно проживает колония лиховёрток (ну, маленькие такие, два усика спереди и три сзади) — вот они-то и будут играть роль Указующего Перста Незримой Судьб(ин)ы). А на бланках, подобных бланкам записи шахматных ходов, надо будет вести запись не передвижений фишек, и лисести соперников: «!» — обдурил, «?» — спугнул добычу, раззява, и т.д. «О, борьба, ты — мир!» — мысленно взмахнул рукой ввысь Амадеев. Нет, еще точнее: «О, война, ты — мир!» Даже на санитарно-профилактическом уровне такой спорт представляет собой серьезную угрозу. . . (куда смотрит угрозыск? Неужели так трудно отыскать автора лозунга «О, спорт, ты — мир!». . .) Даже в домотдохнутом варианте безобиднейшие на первый взгляд шашки оборачиваются по меньшей мере шашнями. *«В павильоне день-деньской мат над шахматной доской»*. А если этот профилакторий — кардиологического профиля? И куда только смотрят соответствующие органы центрального кровообращения — это же

прямое посягательство на здоровье больных! («Здоровье больных» — это хорошо, подумал Амадеев, это гораздо лучше, чем болезни здоровых).

Рафинированную кашу — в алюминиевый сосуд, налить воды, болтать рукой. «Чистота — залог порядка», — произнес вслух Амадеев. Вот как нужно лозунги-то сочинять! Небольшой успех вдохновляет на выдающиеся достижения, и Амадееву захотелось соединить в лозунги некоторые другие слова. Новых лозунгов не получилось, вместо них в голове навязчиво крутился какой-то огрызок: «Невиданных высот достиг расцвет. . .» Амадеев медленно слил грязную воду, любуясь микромоделью Ниагары — всякому приятно ощущать в себе потенции Творца (тут Амадеев с большим удовольствием вспомнил недавно опубликованный «новый» (доселе невиданный) перевод Дао Дэ Цзина, где интригующе зазывным было уже само название книги — «Книга о пути и потенции») — после чего налил чистой воды и поставил алюминиевый цилиндр на огонь.

Пришел Голов и проклял Амадеева за невынутое из холодильника пиво. Пришел Голов и швырнул копченой ставридой в Амадеева — освежевать и разделать! Пришел Голов и поболтал ложкой в алюминиевой кастрюле. Голов пришел и окружающее неприятно задвигалось, захлопало, застучало, забулькало. Вот, может быть такой лозунг, подумал Амадеев: «Энергию масс — миллионам!»? Или, может быть, едини-

цам? . . Или вот, еще лучше: «Миллионы киловатт — в час!»

Амадеев вяло жевал мягкое тело рыбы, пил пиво и слушал драматический рассказ Голова о встрече на улице.

Голов, видите ли, встретил на улице знакомого, а тот, как выяснилось, оказался подлецом, ибо не пожал протянутой Головым руки. И все из-за чего? Из-за сущего пустяка, случившегося почти что уж год назад! (Амадеев невнимательно слушал рассказ о сложных перипетиях Голова, одновременно с удовольствием читая таблицы Брадиса, почему-то осевшие у Голова на кухонном столе. Амадеев внимательно исследовал книгу на наличие кругов от поставленной кухонной утвари, прочитал выходные данные и предисловие, а затем взялся за сами таблицы. «Цифр гораздо меньше, чем букв, — обнаружил Амадеев. — Математика просто не имеет права быть сложнее лингвистики»). Используя цифры, перипетии Голова можно кратко (сжато, но не упрощенно) описать так:

1. Голов «рассекает» в вычислительной технике и имеет знакомого, который в таковой технике «не рассекает».

2. Этот самый знакомый где-то там учится, и ему надо сделать контрольную работу по информатике.

3. Он обращается за помощью к Голову.

4. При обоюдном согласии сторон устанавливается (а) срок выполнения работы — месяц — и (б) цена за труды — 10 рублей.

5. Где-то через неделю Голов занимает у этого человека драгоценную бутылку водки с твердым уговором вернуть долг не позже, чем через неделю и не деньгами, а натурой (какие времена, такие и нравы. . .).

6. По истечении недельного срока Голов обращается к своему водочному кредитору с просьбой изменить условия заема и заменить возвращение долга натурой на возвращение долга деньгами, на что получает закономерный и вполне ожидаемый отказ.

7. Дело движется к наиважнейшим не только для всей страны, но и для всего прогрессивного человечества ноябрьским праздникам, и Голов вынужден (за счет кровного отгула!) провести в бурлящей адовыми страстями очереди, с риском если не для жизни, то уж точно для здоровья, и на чересчур, пожалуй, свежем воздухе 3 (три) часа 47 (сорок семь) минут (часы у Голова, по утверждению Голова же, теперь наконец-то настоящие японские, а не какая-нибудь там гонконгская подделка). Если учесть то обстоятельство, что давали одну в руки (а сколько вы хотели?), то можно понять (мы просто обязаны понять) святую (священную!) ненависть Голова по отношению к несговорчивому водкодателю.

(Терпи, читатель, дело движется к развязке, потому что. . .)

8. . . . «Маятник жизни неумолимо движется взад и вперед» (Б. Голов), и вот (барабанная дробь) наступает момент прихода излишне (по-

жалуй) уважающего обязательства и договоренности сторон головского кредитора к Голову за контрольной работой (по определению Голова — «на поклон»).

9. Сначала Голов позволяет себе вдоволь насладиться видом мнущейся в руках шапки-червонца, а потом вежливо (заметьте) говорит: «Извини, но цены растут не только на диком западе. На сегодняшний день это уже двадцать пять».

— Отстегнул! Отслюнявил, как миленький! Я знал, что ему без этой контрольной каюк — могут и отчислить. А у меня — хошь верь, хошь нет, — на нее тридцать пять минут ушло. (Амадеев верил; он верил даже своим собственным часам «Электроника 5» — за 28 руб. и сколько-то там копеек (почему-то никак у них без копеек не получается), — тем более настоящим японским (?), а не какой-нибудь там гонконгской подделке). Четвертной за полчаса — что скажешь?

Амадеев хотел сказать «Ладно, не дребезжи ногой. . .», потом хотел сказать «За деньги надо платить», потом хотел сказать «Вот если бы ты каждые полчаса по двадцать пять получал», потом хотел сказать «Хочешь жить, умей вращаться», но сказал:

— «Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему: позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых. И пришедшие около одиннадцатого часа получили по динарию. Пришедшие же первыми думали, что они получают больше; но полу-

чили и они по динарию; и получивши стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал одному из них: друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? . . .»

Амадеев говорил медленно, с запинками, боясь что-нибудь пропустить, и за это время с Головым произошли следующие метаморфозы: сначала он (раз уж другой кто-то говорить начал) стал активно пить пиво и есть рыбу: потом он поставил стакан и стал ровно глядеть Амадееву в лицо, слегка склонив голову набок; а потом занялся углубленным изучением пользовательского интерфейса своих новых часов, последовательно апробируя каждую операцию.

Амадеев перестал говорить и начал вычерчивать на клеенке рыбной костью число «20». Голов вынул кость из рук Амадеева, как усталая мать в стотысячный раз вынимает руку изо рта ребенка, и, пододвинув стул, больно уперся левым локтем в колено Амадеева. Лучи солнца отразились от заграничного механизма и пронзили Амадееву зрачки.

— К ним инструкции на человеческом языке не было, — сказал Голов, — а этот ваш уродский я не понимаю. . . «Аларм» — эт чё?

10. В Молдавию!

По тревоге роту поднимали редко. Чаще роту поднимали выносить на улицу «сушить» матрасы (даже если шел проливной дождь), или заниматься еще какой-нибудь глупостью, типа скалывать штык-ножами лед с плаца к приезду какого-нибудь генерала.

Сюрреализм армейской жизни заметно ее скрашивал, почти украшал. У людей, не служивших в армии, при рассказах Амадеева поднимались брови, искривлялась улыбка и вырывалось что-то наподобие «Не гони. . .»

Амадеев же, которого в разговорах часто заносило, и который постоянно выдумывал всякую ерунду, про армию никогда не врал. Не из принципа и не потому, что был такой честный, а просто потому, что ничего выдумывать было не нужно. Достаточно было просто помнить. А забыть такое непросто.

Судите сами. Каким образом человек может забыть, к примеру, как он вместе с сержантом-художником красил статую Ленина (в три человеческих роста). . . гуталином, или как он красил ротный туалет. . . бензином? (Укрававший краску прапорщик приказал Амадееву сходить в гараж и восполнить жалкие остатки краски, которых не хватило бы и на четверть немаленькой ротной туалетной комнаты, — горючим, умело переводя стрелки на Амадеева же: «Что —

не можете проявить солдатской смекалки, товарищ рядовой?»)

Как можно забыть команды «Раздатчики пищи встать!» и «Раздать пищу!», если ты их слышал каждый день и по три раза на дню? Или табличку над столом для хлеба в столовой, по военному использующую сокращения — для краткости и четкости: «СТ–Л ДЛЯ ХЛЕБА».

Как можно стереть из памяти картинку: осень, дождь, на черном асфальте много мокрых ярко-желтых листьев. . . и коленопреклоненных солдат в серых шинелях. Нет, рота не молится, это не намаз, рота собирает мокрые листья. . . руками, потому что метла их, видите ли, не берет, а завтра опять приезжает очередной генерал. И дело не в нелюбви генерала к листьям, а в любви комбата к генералу.

А теперь представьте себе жизнь, где что-нибудь подобное происходит КАЖДЫЙ ДЕНЬ, и вы сами в этом участвуете!

Нет, не служили? Ну что, вам можно только посочувствовать. . .

Красота армейской жизни с первого дня ошеломила Амадеева, но поделиться восхищением было не с кем, — пока рядовой Амадеев не познакомился с сержантом Жибиным.

На самом деле сержант Жибин вряд ли и заметил бы какого-то там рядового, если бы этот рядовой (сам того не подозревая) не повел бы себя возмутительным, вопиющим, неприемлемым, и из ряда вон образом.

О нет, он не забыл отдать сержанту честь и не слишком долго разбирал автомат (тем более, что Амадеев не помнил, разбирал ли он автомат в армии хотя бы один раз. . .). Просто рядовой Амадеев в разговоре с другим каким-то рядовым имел (с точки зрения Амадеева) неосторожность, а с точки зрения сержанта Жибина наглость упомянуть розничную цену на различные спиртные напитки, которые он, рядовой Амадеев (с точки зрения сержанта Жибина — *якобы*), приобретал и употреблял.

Дело был в Ленинской Комнате (а где еще двое рядовых могут обсудить спиртные и спиртосодержащие напитки?) во время политинформации, и сержант Жибин был просто вынужден, слыша за спиной у себя (не очень) приглушенную болтовню двух рядовых, получить подробную (не полит-)информацию (а с точки зрения сержанта — абсолютную и возмутительнейшую дезинформацию) о розничных ценах на некоторые спиртные напитки, которую рядовой Амадеев счел необходимым смачно и эффектно (что с точки зрения сержанта было особенно отвратительно) передать другому, сидящему рядом рядовому (бывшему намного Амадеева младше, а потому еще не успевшему приобрести и распить сопоставимое количество спиртных и/или спиртосодержащих).

Ну, розничная цена, что тут такого, скажет читатель. . . Что такого?? А вот представьте себе, что сержант Жибин на протяжении немалого количества лет — ЛЕТ! — покупал «Золотую

осень» за 2 руб. 40 коп., «Вермут розовый» за 1 руб. 88 коп., а настойку «Яблочную» за 1 руб. 57 коп. ЛЕТ! Сержанта Жибина можно было поднять по тревоге (или просто разбудить) ночью (в любом состоянии), и он мог забыть свое имя или век своего рождения, но не то, что «Вермут розовый» стоит, извините, рупь восемьдесят восемь. . . Эти суммы и были самым главным — единственно главным, — тем, что постоянно учитывалось, высчитывалось, рассчитывалось, просчитывалось, делилось, умножалось, вычиталось, выбивалось. . . Вся, собственно, жизнь и крутилась-то вокруг этих сумм. . .

И тут. . .

Какой-то *ря-до-вой*. . .

«А мы пошли тогда, взяли восемь бутылок “Золотой осени” по рубль шестьдесят, но не хватило, а еще на бутылку “Золотой осени” уже не было, пришлось взять пузырь вонючего “Вермута розового” по рупь двадцать пять. . .»

Сержант Жибин слушал, слушал, и потихоньку багровел. Рядовой Амадеев наступил на большую мозоль. . . Такого вина не было в природе и обществе, *не было и быть не могло!*

Вот таким образом сержант Жибин и рядовой Амадеев и познакомились, а познакомившись, узнали друг от друга много интересного — в какую тару, например, фасуют спиртные и спиртосодержащие в городах Подмосковья, кто такой Даниил Хармс, кто такая Глокая Куздра, да и еще много чего. . .

Прекрасность (а также краса, краска, краснуха, просто красота, и, разумеется, уroda) армейской жизни стала еще более прекрасной благодаря тому, что теперь можно было этой красотой поделиться, ее можно было обсудить и даже зарегистрировать в виде записок, зарисовок и многого тому подобного.

Ночи напролет в курилке и в штабе, где Жибин служил писарем, сержант и рядовой обсуждали все, что делало жизнь более реальной, чем она была на самом деле: а именно сверх- и сюрреальной. Самыми интересными были наименее практичные и наиболее отвлеченные от жизни темы. Диспуты, споры и беседы постепенно превратились в истинную армейскую службу, которую просто иногда прерывали временные и малоприметные события, такие как дежурство по роте или караул. Вернувшись из которых, кстати, оба военнослужащих незамедлительно спешили рассказать друг другу о замечательных, прекрасных, забавных и интересных событиях, произошедших с ними в наряде или карауле же.

Время, как ни странно, идет даже в армии, и постепенно веселая и приятная служба стала подходить к концу, в связи с чем стала казаться еще более веселой и приятной. Беседы, диспуты и дискуссии стали еще более абстрактными и отвлеченными — как от службы в армии, так и от любых других «практических» или «целесообразных» планов и задач. В самом деле, о какой «целесообразности» могла идти речь, и ка-

кие планы можно было строить, если впереди, через каких-нибудь несколько месяцев, тебя ждала если и не абсолютная, то абсолютно реальная свобода. Настолько реальная, что (чуть ли не в первый раз в жизни — по настоящему) захватывало дух. А, как известно, «Незачем отказываться от относительной свободы из-за того, что нельзя обрести абсолютную» (не всем известный китайский философ).

Однако «жизнь берет свое» (никому не известный философ). И в курилке, разумеется, то и дело можно было слышать, что тот или иной увольняющийся в запас (но пока еще) военнослужащий сделает (купит, достанет и т.п.) на гражданке. Амадеев и сам (грешен, грешен) иной раз представлял себе будущую жизнь на свободе — как он, к примеру, будет брести по улице неизвестно куда и зачем, но на более конкретные мечты и планы у него не хватало воображения. Наступающая пусть не абсолютная, но Абсолютно Реальная была настолько велика и всеохватывающа, что к ней нельзя было что-либо добавить. Ее нельзя было ничем улучшить, любой конкретный план низвел бы Ее до самого себя, до дачи, машины, диссертации, квартиры, жены.

В этой связи Амадеева весьма насторожило, когда Жибин вдруг поведал ему, что один из его друзей предлагает ему, Жибиному, поехать после дембеля на заработки на Север. Причем Жибин зашел (почти заехал) в этом разговоре настолько далеко, что чуть ли не выразил уже свое наме-

рение туда, значит, на заработки и на Север, поехать, и уж чуть ли даже не самого Амадеева туда не пригласил. Причем эдак невзначай как бы, вроде как «а что?», «что в этом такого?», ну, заработки, ну, Север. . .

Жибина в этом винить было, конечно, нельзя, он не был в курсе, что оба этих понятия были абсолютно (вот тут была самая настоящая абсолютность, без тени относительности) чужды Амадееву.

«Заработки» — ну да, ну надо, конечно. . . Но: вместе с этим словом на тебя тут же наваливался невероятной тяжести ГЗ («Груз Забот», если читатель не нашел объяснения в словаре сокращений). Что, обычной работы, что ли, не доставало? (А как она иной раз доставала!) Или потребности были такие, что уж в Москве или Грязани и прожить нельзя? «Заработки». . . «Заработки» начисто выбивали у Амадеева почву из под ног. Если «заработки», то когда же изучать монгольский язык? *А санскрит??!!* Амадеев что-то не слышал, чтобы в Грязани кто-нибудь был готов платить ему, Амадееву, за изучение им, Амадеевым, санскрита. . . Такой заработок, конечно, сгодился бы. . .

Что касается «Севера», то Амадеев признавал только один «Север» — маленькие папироски за 15 копеек. Они были приятны не качеством табака (которое было ужасным), а ценой и тем, что этого самого табака в них (в отличие от Беломора) было мало: покурил гадость быстренько — и к стороне.

Ни о каком другом «Севере» даже речи быть не могло. Здесь Амадеев был целиком и полностью солидарен с Аланом Уоттсом: любое движение могло происходить только на Юг и на Запад, и никогда, ни при каких обстоятельствах, — на «Север» или «Восток».

Разговор с Жибиным вывел Амадеева из приятного преддедбельского равновесия. Нет, Амадееву не грозило поехать ни на «заработки», ни на «Север», но Жибина надо было спасать.

Амадеев задумался.

Что лежало на Юге и на Западе хотя и очень большого, но закрытого со всех сторон лагеря? Как ни крути, ответ был только один: на Юге и на Западе лежала, можно сказать, пролежала, земля под названием Молдавия. Земля эта имела массу интересных и полезных качеств и свойств, главными из которых были следующие:

1. Там было тепло. Или теплей. Значит — климат, фрукты и т.д. и т.п. Если уж речь зашла о материальной стороне дела.

2. Молдавский язык — не существовал. Это просто эвфемизм для языка румынского, надурь записываемого нелатинскими буквами. А румынский. . . (Амадеев внутренне заулыбался) румынский был:

2.1. языком романским (читай: близким к французскому, испанскому, итальянскому);

2.2. живым языком, наиболее близким к *латыни* (sic!). На всем протяжении огромного ла-

геря был, на самом деле, всего один-единственный такой язык!

3. И главное: там было ВИНО. И какое! Самое, считай, лучшее! И вкусное! И обильное! И дешевое! Там тебя просто повсюду встречали местные жители и сходу спрашивали, почти по-французски: «Вы, господа, откуда, из Москвы? Вина попить не желаете? У нас его тут столько, . . . не знаем, что с ним и делать!»

Какие еще нужны были факты и аргументы? Вот так Амадеев с Жибиным и решили поехать не на заработки (жизнь коротка), и не на Север (бррр), а пить дешевое и вкусное вино — в Молдавию!

Сказано — сделано. До дембеля оставалось еще несколько месяцев (по армейским меркам — тысячелетий, за которые не один и не два языка было можно выучить), поэтому оставалось только одно: заняться изучением молдавско-румынско-романского прапраправнука латыни.

Удачно подвернувшееся увольнение открывало двери к знаниям и дешевому (но вкусному) молдавскому вину. Амадеев, знавший книжные магазины столицы гораздо лучше содержимого собственных карманов, отнюдь не надеялся, однако, легко найти учебник или словарь румынского языка (не говоря уже о языке молдавском), но выбора у него не было, эмиграция в Молдавию началась.

Как и ожидалось, увольнение оказалось слишком коротким для выполнения поставленной непосильной задачи. Амадеев и не особо

надеялся — не он ли изучал испанский язык, не имея ни испанского словаря, ни учебника. Вы не пробовали изучать иностранный язык без словаря? Попробуйте — вы узнаете об Амадееве гораздо больше, чем он сам сможет рассказать. Интересно, что через некоторое время Амадеев испанский словарь все-таки купил, но это был словарь. . . испанско-испанский: грубо сляпаный и еще грубее переплетенный кубинский репринт аргентинского лярусса, напечатанный на бумаге, которую нельзя было бы использовать даже как оберточную (не говоря уже, как туалетную). О, после этого дело сразу пошло на лад, хотя, чтобы уяснить значение одного-единственного слова, Амадеев должен был просмотреть дефиниции всех прочих неизвестных ему слов из словарной статьи. Разумеется, в *тех* (других) *статьях также* были незнакомые Амадееву слова, что иногда порождало цепную реакцию поиска значений, которая могла не угасать часами.

Амадеева это смутить не могло, поскольку еще в десятилетнем возрасте он мог легко, например, прочитать в словаре все подряд слова на букву «М», чтобы отыскать для кроссворда одно-единственное слово, начинающееся на эту букву.

Но в тот увольнительный день книжные магазины столицы сказали Амадееву «Увольте!» и не сообразовали предложить ничего молдавско-румынского, кроме красочного, но довольно тонкого туристического проспекта «Кишинев».

Ценность издания заключалась лишь в том, что под каждой фотографией была подпись на обычном русском, невероятном английском и чистейшем молдавском языках.

Дело оставалось за малым — вывести грамматический строй молдавского языка из нескольких подписей к фотографиям.

Уже на следующий после увольнения день Амадеев отбыл в караул с фото-брошюрой в вещмешке.

Если вам покажется, что караульному нечего делать в периодически наступающие два дежурных часа, перемежающиеся обязательной двухчасовой прогулкой с автоматом и факультативным двухчасовым «сном» в одежде и сапогах на деревянной доске, то это заблуждение. Если вычесть время, которое уйдет на выполнение минимальных должностных обязанностей и минимальное жизнеобеспечение, не останется времени даже на то, чтобы более или менее внимательно прочитать журнал «За рулем» за позапрошлый год, не говоря уже о вычленении грамматического строя языка, близкого по сложности к латыни, из нескольких подписей к фотографиям молдавской столицы. Подписи были не самым лучшим материалом — они были коротки, однообразны, и разностороннего представления о языке не давали. Недели через две (о, ненарисованная на шкафу карта, о лодка Робинзона!) Амадеев сломался. «Нет, я — не Като Ломб и не Юлиан Константинович Щуцкий», — признался он с огорчением Жибиноу.

«Ну ты хоть можешь сказать по-молдавски “А вина у вас попить можно?”» — спрашивал Жибин. Нет, как раз с разговорным языком и была проблема. Да и фотографий вино-водочных магазинов в туристическом проспекте почему-то не оказалось (как будто иностранные туристы — не люди). . .

«Не горюй, — утешал Жибин, — ты возьми с собой гитару, а я — этюдник. Мы им споем и их нарисуем. Вот и получай “магарыч”, хотя это, кажется, не по-французски». — «По-французски будет “а ля верды”», — сказал филолог Амадеев.

Амадеев горевал не сильно. Он знал, его учили: в стране изучаемого языка изучаемый язык изучается гораздо легче, чем в стране языка неизучаемого. Якобы. Доказательств этой гипотезы у Амадеева не было, потому что он ни в одной из стран ни одного из изучаемых им языков никогда не бывал и, более того, мог никогда и не оказаться. Утешали только кортасаровский Тревелер и рядовой Смирновский.

Писарь штаба Жибин, запросто захаживавший в отдел кадров и строевого, показал однажды Амадееву так наз. Форму № 6 (вкладыш к военному билету) Смирновского, где было выведено хоть и не рукой Жибина, но каллиграфически:

Место рождения: *г. Нью-Йорк, США.*

Амадеев испытал сложные чувства, прочитав такие слова в документе рядового Советской армии. Нью-Йорка Смирновский не знал, пото-

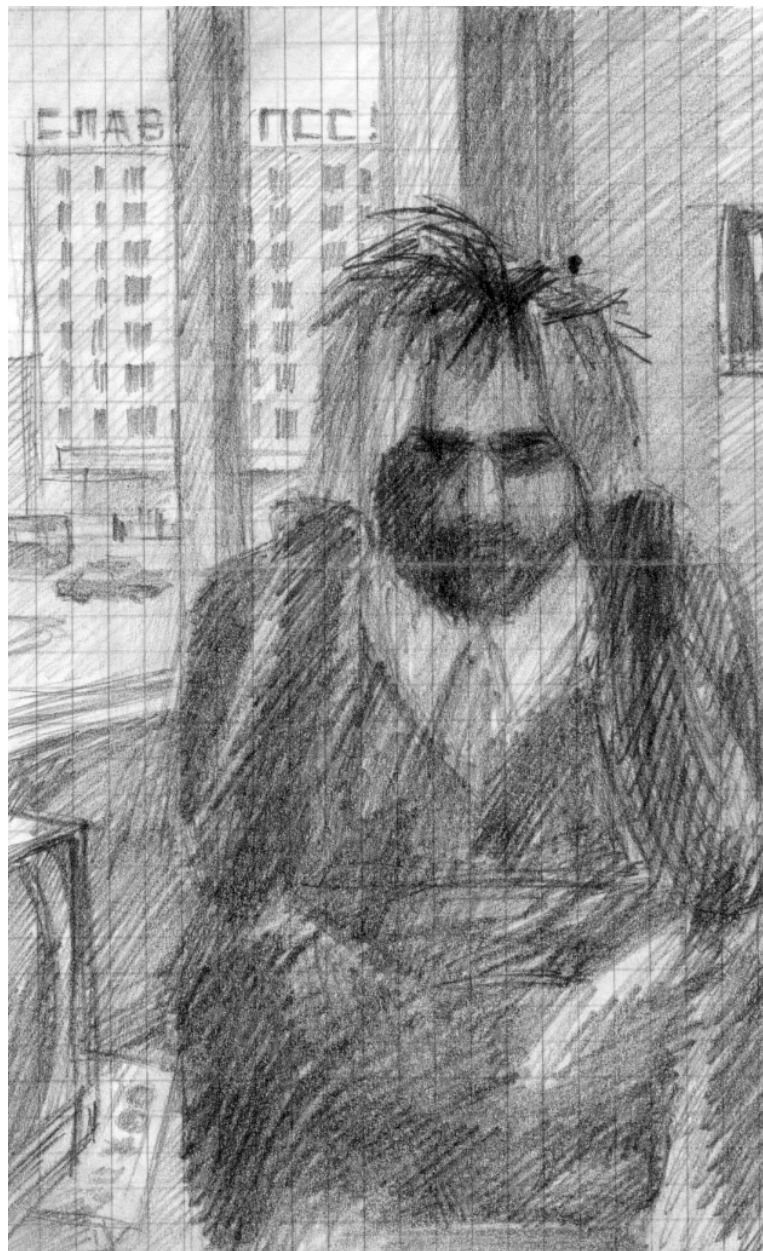
му что его увезли оттуда еще ребенком, но по-английски говорил свободно, чем доставлял немало радости Амадееву, и неприятностей — себе самому. Смирновский загремел в армию, потому что на английское отделение института иностранных языков им. Мориса Тореза он поступить не смог. Преподавателям института английский Смирновского был непонятен, и его завалили «за плохое произношение».

Амадеев подумал о превратностях судьбы и о том, что, может, и не надо так желать того, чего так желать желается. Может, в том-то и было счастье Амадеева, что, когда он поступал на инфак, он не умел говорить по-английски, как Смирновский, а потому и порадовал экзаменаторов, хотя в армию загремел все равно, уже с высшим образованием в кармане х/б рядового.

Оно, может, и с молдавским дело наладится, думал Амадеев. . .

«Наладится обязательно», — покровительственно утешал Жибин, вырисовывая очередного в меру, по-уставному веселого солдата на очередном крепящем оборону стенде, и нимало не переживая ни о северных заработках, ни о молдавском портвейне. Жибин умел уходить в работу, независимо от ее характера, а, уйдя туда, оставался безмятежен и счастлив, мурлыкая себе под нос песенку собственного сочинения:

*«В Молдавии, в Молдавии, где вкусное вино,
Мы там живем, играя, рисуем и поем. . .»*

11. Героизм трудных будней

Амадеев устал от переставления ног. Он давно уже шел на высоте своего реального применения и чувствовал, что сила сопротивления, направленная, как известно, против вектора скорости тела в среде, давно уже поглотила избыток мощности, необходимый для выполнения подъема, оставив Амадееву лишь мощности недостаток, достаточный для выполнения падения.

«Опять у Голова без толку целый день проторчал?» — укоризненно галдели пыльные городские вороны. «У кого угодно будешь ошиваться, только чтобы не работать», — визгливо покаркивали они. «Любую мерзость выпьешь, чтобы только не садиться за письменный стол! Вот тебе за это!» — птицы гадили на Амадеева, приплюснутого к земле полутора литрами кислого (а теперь, в животе, еще и теплого) пива.

Вот где нужна аэродинамика, вот когда бы взлететь — поотрывать остроносым тварям бошки. Одна остроносая элегантно спикировала неподалеку от Амадеева, схватила какую-то вкусную гадость и боком ловко ретировалась в кусты, косо поглядывая на Амадеева — отнимет еще, чего доброго. . .

Медленно, сама собой, на Амадеева напользала площадь Мичурина с чем-то вроде сквера посередине (увенчанного поваленной на бок квас-

ной бочкой), и разбредающими в разные стороны улицами. Обиду на строгих птиц тут же вытеснила обременительная необходимость свободного выбора дальнейшего жизненного пути. Площадь не отличалась строгостью форм, и глазомер отказывался указать наиболее экономный обход грязного сквера с высушенной под палящими лучами солнца бочкой.

Амадеев оглянулся в поисках лопаты, но тут ему в голову пришла блестящая мысль. К черту подземные переходы! Рожденный ползать летать не должен, он должен. . . строить виадуки! («Виа-», «авиа-» — какая разница», сказал бы Голов). Амадеев удовлетворенно отметил про себя, что виадук обойдется дешевле подземного перехода. Более того, виадук можно пристроить к расположенным на площади административно-производственным зданиям, бесстыдно уставившимся друг другу в окна, и экономить на лестницах. Амадеев уже почти приладил навесные мосты между зданиями (некоторые окна верхних этажей пришлось заменить дверями), как вдруг заметил то, чего никто и никогда еще не видел.

Верхом на всех четырех площадных строениях сидели НАДПИСИ.

Амадеев на секунду усомнился — а действительно ли ему принадлежит венок первенства в деле видения этих немаленьких надписей? «Я, вишь ли, первый заметил!» А те, кто их устанавливал? Впрочем нет, рабочие, насмерть приварившие железные ноги букв к железным кры-

шам учреждений, не могли понимать смысла этих надписей — каждый отвечает за свой участок работы: кто за «Л», кто за «Е» и т.д. Да и работа высотная, ответственная — некогда сидеть да почитать-то: крыша — это вам не избачитальня. Ну хорошо, а служащие-то этих самых надписанных учреждений — они-то уж наверняка эффективно используют ценную информацию, на века запустившую корни в конторские крыши!

РАЗГОВОР В ПРОЕКТНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

1-й патентовед (озабоченно): Иван Михайч, извините, что отрываю вас от работы. Но вопрос совершенно не терпит отлагательств. Уже целый час ломаю себе голову — и все понапрасну. Может вы поможете?

2-й патентовед (отзывчиво): Что такое, Михал Иваныч?

1-й патентовед: Дело в том, что я совершенно забыл, кто, в конце концов, является знаменем наших побед — Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев или Горбачев? Или еще кто-то, может быть я не всех назвал. . .

2-й патентовед (морщит лоб): Знаете, Михал Иваныч, на ваш вопрос так вот сразу, нахрапом, не ответишь. . . Тут надо проконсультироваться. (*Открывает справочник по патентоведению, долго роется, хлопывает его, потом подходит к шкафу, достает энциклопедиче-*

ский словарь, листает его.) На букву «З» нет, сейчас на «П» посмотрю. . . (Ищет. Удивленно:) Вы знаете, на «П» тоже нет! (Ставит словарь на полку и вдруг вскрикивает:) Ба! Михал Иванович! Да что же это мы с вами тут, в самом деле!? *(Подходит к окну, показывает на противоположное здание райкома партии.)* Вон же, смотрите, ведь для нас с вами и написали-то! Ясно же написано: Ленин, Ленин — знамя наших побед, — и нечего голову ломать!

1-й патентовед (подбегает к окну и с облегчением переводит дух): Ну, спасибо вам, Иван Михалыч, век вас не забуду! Глаза открыли!

РАЗГОВОР В РАЙКОМЕ ПАРТИИ

1-й секретарь (внезапно швыряет ручку на стол и в ужасе вскакивает с места. Остальные секретари испуганно вздрагивают.) Товарищи! *(Голос 1-го секретаря дрожит).* А здравствует ли марксизм-ленинизм?! *(Тяжелая тишина. Секретари и секретарши испуганно косятся друг на друга.)*

1-й секретарь (угрожающе): Я вас спрашиваю: здравствует еще или уже нет?! И как вы можете преспокойно себе тут сидеть, не зная ответа на этот краеугольный вопрос современности: здравствует ли марксизм-ленинизм?!?

(Гробовое молчание. В воздухе пахнет порохом и увольнением с занесением, а может и с исключением. В комнату входит Генеральный Секретарь.)

Генеральный Секретарь (сквозь зубы). В чем дело, товарищи? Почему пахнет порохом? Кто стрелял, и почему мне не доложили? И почему не работаем? Иванов, что вы стоите, как истукан?

1-й секретарь (взволнованно): Товарищ Генеральный Секретарь! Я, как честный, хотя и не рядовой член Партии, не могу продолжать работу, не узнав предварительно ответа на вопрос «Здравствует ли марксизм-ленинизм или уже нет?» Вопрос, как Вы сами понимаете, не шуточный. Никто из товарищей ответить на него не может. Может быть, Вы подскажете?

Генеральный Секретарь (сильнее стискивая зубы): Послушайте, дорогие мои, до каких пор это будет продолжаться?! Вы уже скоро без Генерального Секретаря не сможете и шагу ступить! А где, собственно, инициатива на местах? Сколько можно топтаться на месте? *(С достоинством подходит к окну, нервно отдергивает штору.)* А ЭТО?! *(переходит на крик)* — ВОТ ЭТО?! — для кого, собственно, ВОТ ЭТО написали?! *(Громко тычет пальцем в стекло, указывая на противостоящее здание проектно-технологического института.)* ДЛЯ КОГО, я спрашиваю?!!

Все (читают хором лозунг на крыше проектно-технологического института): ДА!!! ЗДРАВСТВУЕТ МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ!!!

(Всеобщее ликование. Атмосфера разряжается. В воздухе снова пахнет икрой и сервелатом. Продолжается героизм трудовых будней.)

Мысль о героизме трудных будней с неотвратимостью заколдованного круга привела Амадеева к мысли о необходимости написания отчета о (проделанной, не дай божок) научно-исследовательской (а не какой-нибудь там вшивой просто научной) работе.

Амадеев сделал шаг вперед. «Идти не хочется, но ведь НАДО!» — голосом комсомольского вожака сказал себе Амадеев и снова запереставлял ноги, приближая себя к дому.

«Что-то давно уже не было писем от Жибина, — подумал Амадеев, и надежда разглядеть в окуляре почтового ящика залихватскую закорючку Жибинской каллиграфии хлестнула шпорами по костлявым бокам Амадеева. — Умереть от старости Жибин не мог, а потому письмо просто обязано стоять в ящике на ребре и терпеливо ждать, пока его не высвободят из жестяной камеры. Если Жибин прислал письмо, — у Амадеева аж дух перехватило от (а) собственной наглости и (б) неожиданной готовности к самопожертвованию, — сегодня же сяду писать отчет о деланой работе».

Амадеев на ощупь вставил бур в скважину (на ящик не смотреть!) осуществил поворот, крепче зажмурил глаза и-и-и- резко открыл скрипучую шкатулку надежд и огорчений. Раздался нежный шелест, и к ногам Амадеева что-то мягко спланировало. «Если это счет за телефон или повестка в военкомат, — угрожающе подумал бурильщик-непервооткрыватель, — от-

чета о моих проделках в науке не буду писать вообще. Ни, ко, гда. Пусть что хотят делают. Увольняют пусть».

Амадеев открыл глаза, и сердце его подскочило и упало: у его ног покоился конверт, покрытый крупной перламутрово-оранжевой каллиграфической вязью: *«В город Рязань, — куда ж еще? — на улицу Садовую, в дом номер 6, в квартиру номер 45, Амадееву Викентию Палчу, пожалуйста».*

Здесь надо заметить, что нередко в своих письмах Жибин обращался не только к адресату (внутри конверта), но и к почтальонам (снаружи). Чтобы хоть как-то скрасить унылую жизнь разносчикам повесток и макулатуры, художник Жибин рисовал буквы на конверте своим любимым (на тот момент) шрифтом, добавлял к адресам пояснения, вежливо просил ускорить доставку, благодарил за хорошую службу, а если звезды сходились так, что письмо отправлялось в канун мало-мальски заметных торжеств, поздравлял почтальонов с праздниками.

«В город Рязань, пожалуйста, . . .» — читали на конвертах Жибина пораженные красотой каллиграфии и уже не унылые почтальоны, — «. . . в дом номер шесть, почтовые ящики — на втором этаже справа. . .», или: «С Новым Годом, дорогие почтальоны!», или: «Почта сближает людей», или даже (мелко, но отчетливо): «Уважаемые почтальоны, погода дождливая, не промочите, пожалуйста, письмо: там внутри — тонкая рисовая бумага».

Шрифтовик Жибин отнюдь не был стеснен размерами стандартного конверта, к тому же еще и с глупой картинкой, занимающей добрую его треть. Его тонкое каллиграфическое перо, казалось, могло легко уместить если не «Войну и мир», то уж по крайней мере пол-«Анны Карениной» на свободной площади конверта.

Амадеев же конвертов с картинками не выносил на дух и пользовался ими только в исключительных ситуациях, когда, к примеру, письмо рождалось внезапно, на почтамте, и тут же запечатывалось и отправлялось (а на вопрос о конвертах без картинки злой женский голос отвечал из дыры: «Закончились!»). Конверты без картинки, кстати, существовали двух типов: менее и более приемлемые.

Менее приемлемыми были конверты с уже напечатанной маркой и государственным гербом в левом верхнем углу. Государственный был, конечно, одиозен, но, в силу своего скромного размера и исполнения, раздражал не сильно, намного меньше, чем красочный академик Академии медицинских наук ХЗССР Кырыбырды Мухтар-Задеев или не менее красочный Семнадцатый энергоблок Бурноречской ГЭС. Самым отвратительным же для Амадеева было то, что эти непрошенные художества искажали смысл амадеевской почтовой прозы, отнюдь не являясь к ней подходящими иллюстрациями. Конверты с гербом были в этом отношении по терминологии Амадеева «вполне приемлемыми» и их можно было «признать удовлетворительными».

ми», поскольку Амадеев, приходя на любую почту, вынужден был констатировать, что это была Почта СССР.

Наиболее же приемлемыми и удовлетворительными, однако, были конверты солдатские, без герба и без марки, стоимостью одна копейка за две штуки. Экономия в пол-копейки на каждом конверте не могла, конечно, существенно повисить и без того непрерывно и стремительно растущий, однако отсутствие герба (не заказывали!) и освобождающееся от него место делали такие конверты полностью и однозначно безликими, а потому идеальными и единственно пригодными для упаковки и пересылки каких-либо почтовых отправлений. Дополнительное и только кажущееся неудобство, сопряженное с необходимостью покупки почтовых марок, на деле являлось дополнительным же и немалым преимуществом, значительно расширяющим свободу отправителя. Во-первых, можно было купить марку, подходящую к письму, и если не являющуюся прямой к нему иллюстрацией, то, по крайней мере, содержащую намек или элемент сатиры/юмора (нужное подчеркнуть). Во-вторых, марку можно было прилепить боком или вверх ногами (не совсем понятно, зачем, правда, ну, . . . к примеру, для расширения свободы же). В-третьих, сами по себе отбор и наклеивание марок были занятиями правильными и приятными. Имелись и другие, тонкие и важные преимущества, такие, как запах и вкус клея на марках и

т.п. Работа, связанная с языком, была Амадееву близка и понятна.

Настолько понятна и близка, кстати, что Амадеев однажды ошеломил Жибина, хронически неспособного пойти и купить конвертов с марками, послав ему в большом конверте десять конвертов малых, без герба, разумеется, с уже наклеенными марками, и уже впечатанным на машинке адресом получателя (Амадеева).

Разумеется, свой адрес Амадеев напечатал на каждом конверте отнюдь не из жадности или ревности, что Жибин вдруг попользуется конвертиком-то и отправит его другому адресату. Сделал Амадеев это лишь для того, чтобы глаз погрязшего в творчестве художника, случайно наткнувшись на изобретенный Амадеевым топоним «ГРЯЗАНЬ», передал соответствующий импульс в черепную коробку Жибина. Как там все это работает, Амадеев не знал, но почему-то надеялся, что время между написанием Жибиным письма, и отправкой его (Жибиным же) будет хоть в какой-то степени сокращено. Ведь вот же — можно ничего не делать (даже обратный адрес не надо — мы догадаемся, когда прочитаем!), надо просто запечатать и бросить в ящик!

Амадеев понимал, конечно, что простота эта была кажущейся. «Просто бросить в ящик. . .» До него сначала дойти надо, до ящика этого. . . И главное — что значит «просто запечатать»? А вензеля? А кренделя?? А радость человеческого общения с почтальонами???

Что ж, без кренделей, понятно, нельзя. Поэтому адрес отправителя на благотворительных конвертах Амадеев не впечатал специально — не из лени, разумеется, о коей не могло быть и речи в столь важном деле, как оформление конвертов, — а для того, чтобы оставить Жибину поле для творчества. Поле оставалось немалое, кстати, в виду отсутствия никому не известных академиков и никому не интересных энергоблоков.

«Это конец, — подумал Амадеев, глядя на лежащий у его ног конверт, — отчет. От-чет! ‘От че’т! Вот черт! Писать! Наука умеет много, очень много гитик. . .»

Амадеев покорно склонился пред судьбой и наукой, у-меющей много гитик и ни в коем случае не и-меющей ни одной из таковых. С предельной осторожностью разорвав конверт в некритичных для каллиграфического шедевра (и непредсказуемого содержимого) местах, Амадеев вынул письмо и немного почитал его боком, не разворачивая. Письмо было толстеньким (что обязывало написать настоящий учено-научный отчет, а не какую-нибудь наукообразную отписку). Амадеев аккуратно приоткрыл письмо на 45 градусов (кстати о градусах, подумал Амадеев, у которого давно уже пересохло во рту, неплохо бы раздобыть пивка — если уж подходить к устранению жажды научно).

Письмо было написано попеременно пером (черной тушью) и карандашом (очень мягким и давно не затачивавшимся). Судя по тому, что

листочки были обильно заляпаны гуашью и еще чем-то, не поддающимся химическому и графологическому анализу, письмо писалось в «наутилусе» (читай «полуподвальной мастерской школы, где учительствовал Жибин»). Последнюю страницу украшал офорт «Подошва» (неизвестного автора), выполненный наложением непосредственно поверх текста. Дата на письме говорила о том, что пристрастие художника Жибина к марочным (хорошо выдержанным!) винам (прямая связь с почтовыми марками) распространялось и на его манеру писать (и отправлять) письма. Настоящий экземпляр, правда, был явно недовыдержан. Иные письма Жибин настаивал месяцами.

Текст, написанный пером/тушью, был отчетлив («опять отчет, никуда не денешься от него»), хотя и перемежался маленькими кляксочками. Слова, написанные карандашом, прочитать было сложно (но, конечно, не для такого научного исследователя, как Амадеев).

(Страница оставлена пустой
преднамеренно — и нечего паяться)

12. Перо и карандаш

Черт побери! Где-то посеял ручку, и теперь приходится писать пером, макая его через каждое слово. Да оно еще и царапается, как последняя кошика (или первая?). Может лучше писать карандашом? Нет, рука уже прилипла к ручке — не оторвешь. Это не какая-нибудь там аллегория или еще что-либо в этом роде, — это чистая (?) правда. Только что покрыл лаком одну штуквинку, вот рука и прилипла. Ну, конечно, я немного преувеличил; я, в общем-то, в силах оторвать ручку от руки, а руку — от ручки. Вот, смотри. Но карандаш тоже не лучшим образом пишет. Вернее, мне-то стало удобней, но каково тебе стало читать? Хуже? Тогда я снова могу перейти на ручку, — если ты хочешь, конечно, — хотя писать ручкой мне намного неудобней. Если хочешь, — так и буду писать пером. А если не очень обидишься, то снова буду писать карандашом. Ну что? Не очень обиделся? Тогда все-таки буду писать карандашом. Мне намного удобнее писать карандашом. Ты извини, но мне не только удобнее, но и быстрее писать карандашом. Ты только не подумай, что я издеваюсь над тобой и специально меняю орудия письма для того, чтобы обидеть тебя. И вообще, я не хочу обижать тебя даже нечаянно. Не веришь? Зря. Из-за тебя я даже мучиться готов. Хочешь, чтобы я мучился? Пожалуйста. Тебя понять можно. Конечно, приятней читать, когда написано тушью и пером. Но ты ведь даже не представляешь себе, что это такое — макать перо через каждое слово. А кроме того, оно еще и впивается в бумагу, как крокодил в

свою жертву. Ладно, буду писать пером, если тебе так удобнее (особенно сильно впивается, когда пишу буквы «д», «у» и «б»). Тебе читать приятно, но тебе, небось, и дела нет, как мне писать неприятно и неудобно. Да пошел ты! На-ка, выкуси! Ха-ха! Помучься-ка теперь ты! А мне зато стало удобно и приятно. А если не хочешь читать, так и не читай — я тебя заставляю, что ли? Ну что? Не будешь читать? Ну и на здоровье! Ауф-видер-зеен! Ха-ха! А я опять ручкой! Мог бы продолжать читать, а зря не стал. Вот назло тебе буду писать пером, хоть мне и приходится мучиться. Но, не дай бог, тебе придет в голову опять взять письмо в руки. Ага! Взял уже? Ну тогда разбирай мои карандашные каракули! Небось не нравится? А что ты можешь сделать? Либо читать, либо нет. И ведь будешь читать, потому что страничка кончается, и всегда интересно узнать, а что там — на следующей? Вдруг я там опять буду писать ручкой? Может же такое быть! Смотри!

Амадеев отвел глаза от письма и поглядел в узкое окно подъезда. Край окна порос снаружи мхом. За окном воробьи что-то делили между собой. Амадеев понюхал письмо, не отводя глаз от окна. Происходящее было реальностью. Амадеев аккуратно заглянул на следующую страницу.

Ха-ха-ха-ха! Накололся? Здорово я тебя провел? То-то же... Слушай, а ты не обиделся? Извини за дурацкие шутки. Нет, честно, я не хотел тебя обидеть, а хотел просто разозлить. Ну,

не буду, не буду. Ладно, не буду. Не буду. Я вообще писать не буду. Баста! Думаешь, приятно мне ковырять этим пером? Сам попробуй, а уже потом обижайся и кричи! Не хочешь читать — так и скажи: «Не хочу». Ну и не надо. Раз не хочешь читать, то я буду писать, как мне удобней — карандашом. Не читай, не читай. Ну, чего читаешь? Я ж сказал: не хочешь — не читай. Я тебя не заставляю. Можешь мое письмо даже выбросить, я не обижусь. Ни капельки. Вот если бы я писал пером, то обиделся бы — столько трудов потратил бы, а ты даже и не взглянул бы. А раз я пишу карандашом, то мне совершенно наплевать, читаешь ты или нет, потому что карандашом мне писать приятно и удобно (вот если б еще рука не прилипала...). Интересно, читаешь ли ты или уже выбросил? Поди выбросил. А вдруг нет? Если не выбросил, то, уж так и быть, могу опять немножко пописать перышком. Хочешь? А хочешь, я все оставшееся письмо допишу пером? Думаешь, я опять тебя обманываю? Или опять разозлить хочу? Нисколько. И в мыслях нет. Ты вот все кричишь, злишься, а зачем? Я же тебе честно признался, что не хочу тебе больно сделать. Я не буду тебе делать больно, — это чистая правда, как и то, что этим самым я делаю больно себе. Видишь — продолжаю писать пером. А тебе и дела нет до того, как мне это трудно и неприятно... Читай, читай! Мне не обидно, что тебе читать легко и удобно, а мне писать трудно и неприятно. Читай себе, почитывай! Но пусть тебе будет совестно! Читай, читай! Я корячусь тут, то и дело обмакиваю перо в тушь эту поганую... Тушь старая, протухла вся, вонь стоит — страшная. А я наши

этим пером, выковыривай каждую букву. А ты читай, читай — чего стесняться? Кресло мягкое, удобное. Свет с левой стороны. Поди уж и поужи-нал плотненько — вот и читай, наслаждайся. А на меня плевать. Пусть я не обедал, пусть у меня тут даже заварки нет — лишь бы тебе было хорошо. Лишь бы тебе было удобно. А на меня плюй. Плюй, плюй, тебе говорю. Не считай меня за человека. А если тебе вдруг и стало немного совестно, то лучше не обращай на это внимания. Почитывай себе и плюй.

«Наука умеет много гитик», — сказал Амадеев вслух, спокойно, беспристрастно, как и подобает делать научные заявления. Это означало, что на этот раз от отчета о проделанной не отделаться. Лестница показалась Амадееву Вавилонской башней. На верхней площадке башни у самой двери квартиры номер 45 стояла женщина. Женщина была соседкой Ниной — учительницей русского языка и литературы. В одной руке женщина держала пачку тетрадей, а другой нажимала на кнопку. Амадеев приблизился. Женщина, увидев его, начала делать жесты, прижимать пачку тетрадей к тощей груди, отрывать ее от тощей груди и говорить различные вежливые слова. Амадеев взял пачку тетрадей и тоже сказал какие-то слова, более или менее вежливые. В ответ женщина сказала очень вежливые слова и начала уже говорить еще более вежливые, уже невероятно вежливые слова, прижимая к тощей груди руки, но Амадеев отпер свою дверь, вошел в квартиру и вежливо

(насколько это было возможно) закрыл за собою дверь, оставив за дверью учительницу Нину с тощей грудью, говорящую слова, по вежливости еще не превзойденные.

Ну, проверять сочинения юных идиотов — это вам не квазинаучные отчеты писать. Это просто отдых, если угодно. А отчет. . . Нет, отчет, разумеется, намного важнее, но нельзя же взять и не помочь человеку. «Если не я, то кто (хотя и смотря что)», — подумал Амадеев. У Нины вон дети там разные, работа тяжелая, грудь тощая. Нужно помогать, а как же. Надо плевать не в колодец.

Кстати о колодцах и родниках. . . Мучимый жаждой Амадеев прошел на кухню к источнику живой водопроводной воды, но, не дойдя до крана, присел, открыл. . . ну да, тощую тетра-дочку и попробовал углубиться. Так пловец-прыгунец, ни о чем не задумываясь, ныряет, бедолага, головой вперед. А голову-то беречь следует. Другая не вырастет.

Сочинение
КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ,
ТЫ НА ПОДВИГ ЗОВЕШЬ

План

1. *Мое восприятие комсомола.*
2. *Как я себе представляю комсомол.*
3. *Комсомольский билет определяет место своего владельца в жизни, отношение к ней.*

Эпиграф:

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»

Я — комсомолец. Оказывается, на эти слова можно смотреть по-разному, можно вложить в них разный смысл. (На слова можно вообще по-разному смотреть, — подумал Амадеев, — на некоторые и смотреть-то не хочется, тем более их читать, а на другие — так бы и смотрел!) В комсомол я вступил зеленым юнцом, даже полностью и очень ясно не осознавая, зачем я это делаю. Собственно, даже не был достаточно осведомлен в призвании комсомола (в управлении глаголов не очень осведомлен молодой человек, прямо скажем), хотя и отлично знал его устав. Это, наверное, потому, что в то время я был способен видеть дела его и только в его «программе-минимум». (Чего-чего, как это. . . «видеть дела его и только в его». Даже на поэзию смахивает. Хотя при переписывании чего только не случается; лишний союз это, можно сказать, даже творческая разработка.) Не знал ничего героического, захватывающего в настоящем времени комсомола. (Вот это хорошо: «в настоящем времени кого-чего», это можно и позаимствовать.) А история его прошлого из десятков книг рассказывала мне о простреленных против комсомольских сердец билетах, о героических смертях его комсомольских воспитанников и о многом ином, которое иногда заставляло меня смотреть на самого себя, как на дерзкую особу, осмелившуюся встать в один

строй с этим бессмертьем. (Сочинения переписываются, похоже, с двадцатых годов, — подумал Амадеев. «И о многом ином, которое иногда», тоже неплохо, тонко и со вкусом.)

Теперь, когда я повторяю слово «комсомолец», оно для меня — воплощение здоровой дерзости всесилия и живой жизни. («Живая жизнь» — это как два первые пункта «плана»: с одной стороны «мое восприятие», с другой — «как я себе представляю», что ж, есть последовательность художественного метода, далеко пойдет (если уже не ушел) комсомольский прозаик, нет, хочется вставить что-нибудь среднеазиатское, типа «комсомолсы акын», кто у нас такой акын, кстати. . . Но нечего отвлекаться!) *Деянья комсомола. . .* (Хорошо, оно и через «и» тоже хорошо смотрится: «Деяния Комсомола».) *Деянья комсомола заставляют знать в нем то, чего я не видел в нем в период нашего с ним знакомства.* (Сильно: «заставлять знать в ком-чем кого-что», твердо так.) *Часто в литературе встречаются краткие сообщения* (Ну, где же еще быть кратким, как не в литературе — сестре таланта.) *о том, как некоторые западные деятели восторгаются успехами нашего строительства, сравнивая их со сказками. Я так ясно представляю себе эту картину: стоит такая «глыба», ошарашенная невероятностью увиденного* (Но-но, «глыба» — этот как-то уж слишком положительно для «некоторых западных», осторожнее, товарищ комсомолец. . .) *с открытым ртом от потрясения, а потом где-*

то, наверное (уж наверняка где-то, не может же глыба стоять вовсе нигде, да еще с открытым ртом) льет свои крупные капиталистические слезы (ну не знаю, не знаю, и слезы-то у них должны быть какие-нибудь маленькие и грязные, к примеру. «Льет свои мелкие грязные капиталистические слезы». . . капиталистические слезы, конечно, и сами по себе хороши, без эпитетов) жалея, что в нашу сказку нельзя сейчас же запустить явную бомбу. (Ах, зря я ерничаю, это же произведение искусства, надо внимательней читать!) И здесь в большой мере им портит спокойствие духа мой комсомол. Он растревожил веками дремавшую целину, украсил степи Донбасса новыми бусинками шахт и домов (к старым бусинкам шахт еще новых добавили, значит); комсомольский билет упрямо заставляет своего владельца оставить уютную московскую квартиру и влечет его в холодную палатку у Ангары, в Мирный или Заполярье. И что мне больше всего нравится в комсомоле, в современной молодежи, что они не видят в своих буднях героизма, не украшают их словесными фетишами без нужды. (Ах, спасибо, женщина Нина с тощей грудью, ты наверное раздражаешься, когда читаешь такое, а зря! Это же комсомольский забор, или как его, занос, понос, неважно! А какая тонкость восприятия нужна чтобы оценить этот пост-недо-модерн: «бусинки шахт», «словесные фетиши без нужды» — обыденному человеку написать такое не под силу. Для этого надо быть комсомольцем.)

Билет не может органически уживаться с мещанством, для него нужен простор, инициатива. Он не дает нам возможности превращаться в обломовых. Комсомольский билет зовет на подвиг, он прямо определяет место своего владельца в жизни и отношение к ней. Он требует, чтобы комсомолец сам, первый, не задумываясь даже о моде, отдал людям и жизни свою любовь, энергию, умение — просто из-за любви к ним, бескорыстно.

Недавно я видел в музее обожженные, простреленные комсомольские билеты. И теперь уже эти билеты рождают одно бесконечное уважение к комсомолу и желание жить так, чтобы он никогда не лишил меня счастья быть в его рядах, и чтобы было у меня право уже с гордостью, с новым смыслом повторить: «Я тоже комсомолец!»

Амадеев исправил орфографические ошибки, поставил «4» за содержание, «4» за грамотность и направил глаза в окно.

Из-за окна на него смотрела Быль-небыль, сказка взаправду, но без счастливого конца, сумевшая объединить в себе подъемный кран с неподъемным пьяным строителем, валяющимся под стрелой. Тошная бездомная собака нюхала у помойки какую-то гадость, не решаясь ее есть. Турукина бабка вешала во дворе женские панталоны с не подлежащими отстирыванию ржавыми полукругами между ног. В песочнице без

песка валялся ужасающего размера мосол и визжали дети, будущие комсомолы и сочинители.

Какое направление в искусстве может сказать: «Да, это — шедевр, и это — мое»? Только одно: Носкизм-под-столизм. Без восклицательных, однако, и в музей не надо. . .

Амадеев попытался отделить в наблюдаемых объектах и субъектах сказку от были, и не смог. Он, пожалуй, был бы не прочь запустить в нее чем-нибудь, но явной бомбы под руками не было, а кидаться более полезными предметами не имело смысла.

Носкизм-под-столизм вызывал у Амадеева слишком сложные чувства, и он решил вновь обратиться к сюрреализму.

Сочинение

ТОЛЬКО В ТРУДЕ ВЕЛИК ЧЕЛОВЕК

*«Дело человеком славится,
а человек делом славится».*

(Да, это было намного интереснее. Вот сразу — амбивалентность.)

Каждый гражданин в нашей стране должен, и не только должен, но и обязан отчетливо представить себе, к чему призван человек, каким он должен быть и каким может быть. У нас с гордостью звучат слова о призвании человека, о его силе и его красоте. Раньше человек тоже был прекрасен, но капиталистический строй низвел его до ужасающего состояния. Теперь человек, благодаря своей силе, очистился

от всей этой грязи и стал поистине свободным и прекрасным, а его мечта о человеческом труде на пользу людям стала былью. . .

Амадееву вдруг захотелось размаха, охвата и масштаба, и он открыл наугад другую тетрадку.

«Мы гордимся советскими героями летчиками-космонавтами, которые совершали полеты, а также групповые полеты вокруг земли. И при каждом полете сердца всего советского народа и всего прогрессивного человечества нашей планеты наполняются радостью, счастьем и гордостью. В любом конце земли космонавтов встречали и готовы были встречать как героев, братьев и сестер.

Велики успехи отечественной космонавтики в нашей Отчизне. Но они — ничто в сравнении с теми успехами, которые принесет нам Завтра. И мы знаем, что оно придет. Мы уверенной поступью глядим в светлое будущее».

Амадеев почувствовал головокружение от успехов средне-обще-образованных учащихся и упал головой на стол. Он понимал, что не только должен, но и обязан бросить этот человеческий труд на пользу людям, но ему мешала чистая аэродинамика, а именно полеты, а также групповые полеты в стратосферу героев, братьев и сестер, уверенной поступью смотрящих в буду-

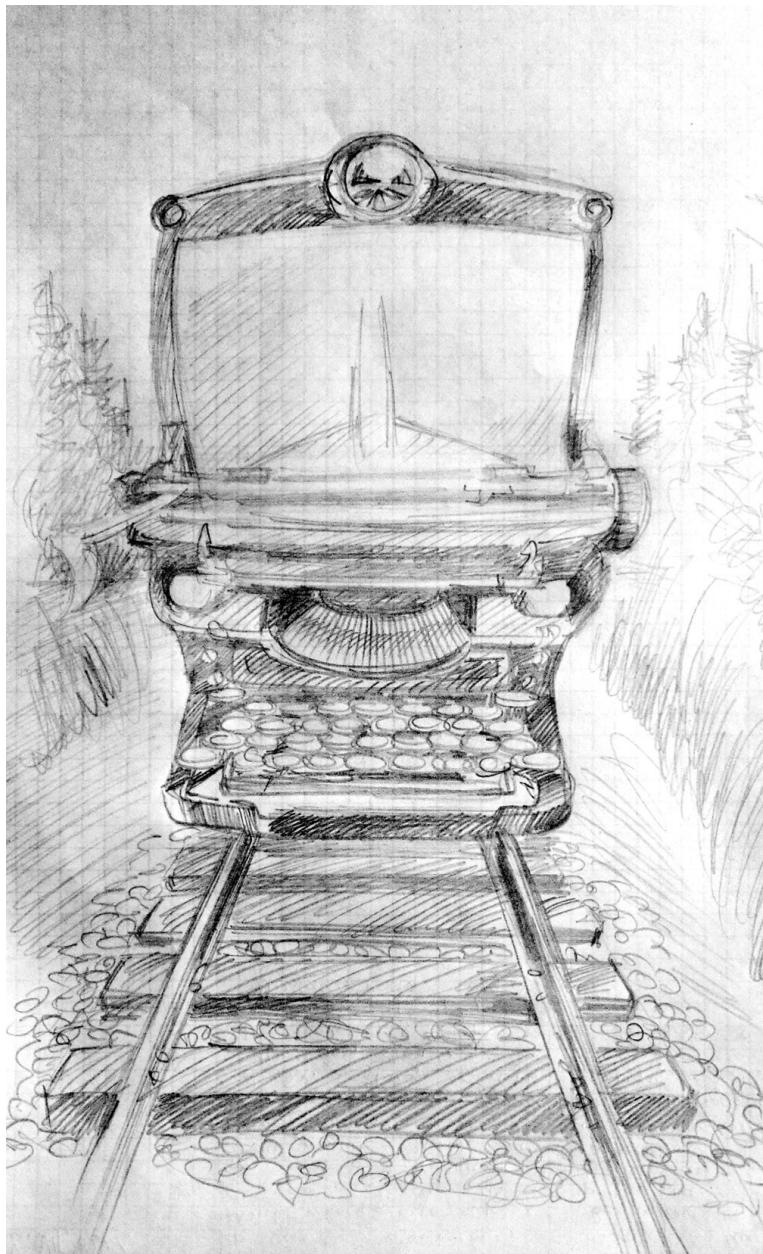
щее, и не задумывающихся, какими они должны быть и какими могут быть.

Пустой остекленевший глаз Амадеева направил луч прожектора неведомой ему жизни сквозь вселенную, но не смог пронзить ее всю, упершись на своем пути в настольный, бывший напольный, бывший настенный табель-календарь за позапрошлый год. Календарь жестоко вставил Амадеева обратно в предназначенную для него ячейку бытия, напомнив, что позапрошлый год был 1986-м от Рождества Христова или нашей эры, как будет приятнее читающему (и кто, собственно, позволил называть мракобесно-религиозную эру «нашей»?). При помощи несложной калькуляции Амадеев определил свое актуальное времянахождение и местопровождение, осознал себя как еще не умершего гомосапиенса и ощутил (по ассоциации) острую физиологическую потребность.

После удовлетворения острой физиологической потребности Амадеев почувствовал потребность менее острую, хотя и не менее физиологическую, и с наслаждением подставил под кран различные отверстия своей головы, равно как и саму голову. Водопроводопад настолько оживил Амадеева, что его посетила свежая научная идея. Немыслимое количество гитик слилось в бурный поток, который буквально смыл Амадеева к письменному столу.

Бумага писчая потребительских форматов (действительно, в одной пачке форматы разные могут оказаться, а уж если взять два листа из

разных пачек. . .) треснула по швам от беспочвенного тщеславия и рук ученого. Амадеев капризно пошарил в туго набитом стакане для ручек. Из всех недо- полу- и до конца обгрызенных пишущих принадлежностей ему больше приглянулись ручка-гвоздь и ручка-отбойный-молоток. В левую руку Амадеев взял гвоздь, в правую — молоток и начал дерзко высекать себе бессмертье, украшая бумагу словесными фетишами без нужды.

13. Пишущая машинка

Вверху листа бумаги писчей потребительских форматов Амадеев вывел:

*Министерство высшего и среднего
специального ликвидного анализа*

*Научно-исследовательский институт
оптимизации приобретения и употребления*

На правах рукописи

Под названием министерства неплохо бы сделать линейку. От руки ее провести нельзя, будет некрасиво. Амадеев задумался. Где-то не так уж и давно он видел свою логарифмическую линейку без ползунка. . . Последний раз он вытащил из нее узкую часть-вставку и под что-то ее подложил, но оставшаяся без ползунка и вставки линейка должна быть где-то тут. . . Амадеев задумался еще раз. Нет, это не дело. Прежде чем он найдет линейку, он, пожалуй, починит пишущую машинку «Москва» (которая уже при покупке в комиссионном магазине насчитывала не один десяток лет, а теперь, с отвалившейся литерой «ч», покоилась на гардеробе, с большей эффективностью, нежели другие предметы, собирая пыль на свои многочисленные рычаги и кривошипы).

Отвалившуюся литеру «ч» в силу ее микроскопического размера найти оказалось намного сложнее, чем логарифмическую линейку без ползунка и вставки. Логарифмическая нашлась как назло быстро и еще многократно обидно падалась под руки в ходе поисков (отнюдь не выброшенной, но хорошо и надежно убранной) ценнейшей маленькой литеры. Примерно через час литера нашлась в баночке из под монпансье, где хранились какие-то не сгинувшие с детства мальчишеские драгоценности: значки, зарубежные монетки (многие, увы, стран «народной демократии»), стальные перья для ручек-вставочек (2 коп., Амадеев на своем веку успел пописать такими немного, получив в первом классе массу удовольствия от так называемых «непроливашек» — чернильниц с чернилами (sic!), которые каждый школьник носил с собой в специальном мешочке и не проливал гораздо реже, чем проливал), а также винтики, шайбочки, гвоздики, гаечки и какие-то маленькие пластмассовые штучки, неведомо откуда взявшиеся и неизвестно для чего предназначенные.

Какое-то время Амадеев играл с кишками механического самоклюющего петуха, попавшего под руку во время поисков, заводя его пассатижами. Петух был чудом техники, вызвавшим восхищение Амадеева на протяжении более чем четверти века, и не утратившим за это время своей клюеспособности.

Паяльник искать не пришлось, а вот припой так сразу в руки не дался. Наконец нашлись и

припой, и большой янтарный кусок канифоли, которой отец Амадеева некогда канифолил скрипичный смычок. В ходе паяльно-лудильных работ Амадеев никогда не пользовался той стороной канифоли, на которой были борозды от смычка. Это было святое. «Должно же у человека быть хоть что-нибудь святое!» — воскликнул Амадеев, повторив этот столько раз обращавшийся к нему риторический упрек. «И вот это у меня — святое», — сказал он с расстановкой, продемонстрировав канифоль собравшейся в ображении толпе попрекающих.

Никак не меньше часа Амадеев канифолил мозги непишущей машинке без каких-либо признаков успеха. Литера наотрез оказывалась припаиваться. Вернее, она притворялась, что припаялась, но уже второе «что» выходило как «то». Если учесть, что припаять ее более или менее ровно было практически невозможно (паз в литере был значительно шире железной ноги, которую предстояло этой литерой обуть, а обжиму и сгибу литера не поддавалась), то Амадеев даже начал изобретать специальные держатели для припаивания машинонеписных литер. Одно такое устройство он даже воплотил, претворив в жизнь.

Оно представляло собой сложное, обильно обмотанное синей изолентой нагромождение из пассатижей, использованного как трубочина микрометра, логарифмической линейки и ряда более мелких предметов — ужасное на вид и

абсолютно непригодное для решения поставленной задачи.

Амадеев выдернул паяльник из розетки и лег на диван. Нет, вы зря успели про него плохо подумать: ученые не сдаются. Ученые просто анализируют ситуацию — не ищут в науке легких путей, а ищут тяжелые.

Амадеев вспомнил свою первую любовь к пишущей машинке, прописанной в кабинете отца, директора музыкальной школы. В кабинете директора было немало драгоценностей: аквариум с парой невменяемых рыбок, красное хромоногое кресло, облезлый кларнет, разный канцелярский инструмент — дыроколы, промокательные прессы, скоро- и неочень-сшиватели. . .

Рыбок Амадеев кормил с воодушевлением, каждый раз поражаясь неопишуемому запаху рыбного корма, одновременно отвратительному и притягательному. Кресло казалось Амадееву воплощением комфорта (за отсутствием кресел дома), но, увы, сидеть в нем было неудобно, и Амадеев всячески ругал себя за неумение в нем сидеть. Бестолковый кларнет не желал издавать ни звука, несмотря на то, что Амадеев даже слегка шалел, нахватавшись лишнего кислорода в ходе очередной отчаянной попытки стать саксофонистом.

Одним словом, многие предметы, при более тесном с ними знакомстве, быстро теряли свою притягательность — за исключением одной веч-

ной и безусловной ценности: пишущей машинки.

Черная, блестящая, явно очень старая, но в идеальном состоянии пишущая машинка была техническим и архитектурным совершенством. Клавиши в ней не западали, строка выходила ровной, бумагоопорный валик вращался в меру туго, с приятным щелчком, рычаг перевода каретки создавал движение сравнимое только со взлетом сверхзвукового лайнера, а сам отиск был настолько сладостным, что Амадеев быстро забросил не только полупьяных рыбок и немой кларнет, но и даже относительно интересное содержимое отцовского письменного стола и музыкальных шкафов.

Раннее машинописное творчество Амадеева у отца в кабинете (а позже — в соседнем классе народных инструментов, куда Амадеева и пишущую машинку изгнали за создание шума на производстве) можно поделить на три периода.

Голубой период — примитивизм с уклоном в абстракционизм. Характеризовался непосредственной и абстрактной манерой передачи сложных человеческих переживаний при помощи как символов, отсутствующих в человеческом языке, так и общепринятых графем, но сопряженных в новаторские комбинации:

,/:ШОВВ)/Влюоо.569./10\$\$\$\$\$77888++-+<+ "-2ж ?????? ??

Голубой период длился сравнительно недолго, после чего наступил

Желтый период (о, постыдное воспомина-
ние!) — период, охватывавший столь же широ-
кий, сколь и популярный диапазон жанров, и
простиравшийся от легкого подражания до пря-
мого плагиата.

Осознав всю историческую бесперспектив-
ность примитивизма и абстракционизма, Ама-
деев принял решение смиренно учиться у масте-
ров, уже опубликовавших свои бессмертные (те-
перь) произведения в центральных, региональ-
ных и ведомственных издательствах. Кабинет
директора музыкальной школы изобиловал та-
ковыми произведениями. Выбор был большой, и
после острых мучений, Амадеев остановил его
на «Вопросах методики преподавания сольфе-
джио (одноголосие) в начальных классах дет-
ских музыкальных школ» (главным образом из-
за идеально выполненного переплета и красиво
набранных текста и нот).

Период плагиата не мог не сопровождаться
муками как моральными, происходящими от
беззащитного передирания не принадлежав-
ших Амадееву мыслей, так и интеллектуальны-
ми, имеющими в своей основе весьма невысокий
процент понимания передиращим передирае-
мого. Постепенно Амадеев понял, что в искус-
стве надо искать пусть не проторенный, но свой
собственный путь, искать и находить свою прав-
ду жизни, правду души. Так, окольными путя-
ми, тернистыми тропами, Амадеев вплотную по-
дошел к

Критическому реализму — периоду Красному, бесповоротному и окончательному, поскольку прохождение после него любых других периодов запрещено и не разрешается.

Третий и последний период был ознаменован созданием первого напечатанного амадеевского произведения.

О, читатель ожидает его с нетерпением — разумеется! А зря. Потому что истории было неудобно сохранить его для истории. Сюжет — да, сюжет известен. Амадеев попытался со всем доступным ему тщанием и драматизмом описать машинописными символами произошедшее предыдущим летом событие, а именно, рассказать, как при возвращении с югов Амадеева, стоящего у окна в коридоре купейного экспресса, чуть не прострелило камешком, брошенным с идущего навстречу товарняка, груженного щебнем. Камешек, получивший скорость пули от сложения скоростей двух мчащихся поездов, пробил двойное стекло окна, у которого стоял Амадеев, стекло двери, ведущей из коридора в тамбур, и хорошо покарежил блестящую белую дверь туалета. Слегка зацепив, едва коснувшись, на самом деле, амадеевского уха, камешек (помимо шума) произвел довольно большой гам в поезде и даже повлек за собой составление протокола.

Рассказ об этом событии Амадеев, торжественно почитавший себя человеком, бывшим «на волоске от смерти», и попытался высечь печатными буквами в скрижалях машинописной истории. Надо заметить, что в то время Амадеев

помнил даже номер их купе, не говоря уже о многочисленных более важных деталях и подробностях, касающихся как физических характеристик движущихся составов, так и психических состояний лиц, вовлеченных в происшествие.

Увы, Амадеев чрезвычайно затянул завязку драмы, снабдив ее таким количеством уточнений и пояснений, что задолго до кульминации сюжета оказался на последнем издыхании. Самое ужасное, что Амадеев никак не мог добраться до главного — до камешка. Кончилось все тем, что Амадеев, подойдя, наконец, к развязке, утратил всякое желание ее развязывать. Глаза и пальцы отказывались находить нужные клавиши, зачем-то расположенные в полном беспорядке, а позвоночник болел так, как будто Амадеев все это время держал на плечах штангу.

Амадеев представил себе три периода своего машинописного творчества как триколор экзотической страны, состоящей из одних писателей (мммм, пожалуй, симпатичных писательниц тоже возьмем). Тут же ему показалось крайне важным и нужным вспомнить флаги всех стран, состоящих из голубой, желтой и красной полос, и на основе анализа их достоинств и недостатков разработать флаг Скрибеи — государства писателей (и симпатичных писательниц), страны столь же прекрасной, сколь и опасной. Легенда флага была очевидна: синий — цвет неба,

символизирующего высокие идеалы пишущего люда, цвет полета, чистой аэродинамики и свободы; желтый — цвет золота, без которого невозможно вырваться в небо, обрести свободу и служить каким бы то ни было идеалам; красный — цвет крови (собственной и чужой), которую, натурально, всякий уважающий себя писатель легко прольет за свободу и за золото.

Разработка флага показалась Амадееву настолько важным делом, что он вскочил с дивана, чтобы отшлепать легенду на машинке, но — о, разочарование! Разо арование, однако! Букву «Ч» с натяжкой (неприятной для лица, владеющего слепым десятипальцевым методом машинописи) можно было бы заменить четверкой, — если четверка не писалась бы как «4», а таковое ее начертание никак не могло считаться приемлемой заменой литеры «Ч», и его нельзя было «признать удовлетворительным» ни при каких обстоятельствах, даже если пренебречь важным различием между строчными и заглавными буквами.

Амадеев решительно набрал номер Голова.

«Ах да, ну как же я забыл, ну конечно же, ну правильно, ну ты же мне и говорил, ну ясное дело, когда мы еще были в пятом классе, ну да, ты был в шестом, конечно, ты с паяльником на ты, а я — на Вы. Увы. Понятно, понятно, все понял, ясно, все, хорошо, спасибо, хорошо, понятно, НУ ПОНЯЛ Я! понял, все, спасибо».

А паяльники-то как раз и надо уважать, подумал Амадеев. А то ведь могут и впаять.

Ну конечно же — АСПИРИН! Аспирин спасет больных от заболевания, пишущую машинку от заикания, а науку от загнивания. Добавит ей немного гитик. . .

Аспирин в наличии был. Через пятнадцать минут литера и рычаг были зачищены надфилем, протерты тройным одеколоном (инициатива Амадеева: «Триколор, между прочим, тоже тройной») и скреплены друг с другом навеки, если не на века. Мозг Амадеева, просветленный приятными парами хоть и парфюмерного, но все-таки алкоголя, опосредовал готовую к работе пишущую машину и с укоризной напомнил своему носителю про еще непридуманную им и, следовательно, ненапечатанную научно-исследовательскую машинопись на правах рукописи. Э, это не дело, подумал Амадеев. Наука, конечно, умеет уже немало гитик, но гораздо меньше, чем нужно современному человеку, строителю и созидателю будущего!

Амадеев вставил в машинку валявшийся на полу несвежий тетрадный листок и напечатал: «Оу, йес би чел!» Буква припаялась несколько криво, но недостаточно криво, чтобы ее перепаивать. Амадеев выдернул тетрадный листок и ввел в аппарат лист бумаги писчей — потребительских форматов.

Путь в науку был открыт.

(Страница оставлена пустой
преднамеренно —
пора б уже привыкнуть!)

14. Научное открытие

Министерство высшего и среднего
специального ликвидного анализа

Научно-исследовательский институт
оптимизации приобретения и употребления

На правах рукописи

АМАДЕЕВ Викентий Павлович

УДК 412:0-530

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ОПТИМИЗАЦИИ
ПРИБРЕТЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ
СПИРТНЫХ И СПИРТСОДЕРЖАЩИХ
НАПИТКОВ

Д и с с е р т а ц и я
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

03.62.00 - методика оптимизации при-
обретения и употребления

1988

Амадеев перечитал титульный лист и в целом остался доволен масштабом размаха и широтой охвата. Буква «ч» сидела как влитая. Учтывая, что прочие буквы были припаяны производителями машинки «Москва» отнюдь не по логарифмической линейке (либо разболтались, как разгильдяи последние), общее впечатление, производимое текстом, было вполне приемлемым. «Признать удовлетворительным!» — сказал Амадеев вслух, с расстановкой, громко — чтобы слышали на трибуне.

В окончательный вариант титульного листа была внесена всего одна поправка: Амадеев замазал слово «Диссертация» и впечатал «Автореферат диссертации». Странно, что до него никому не приходило в голову идти в науку от простого к сложному.

К утру автореферат диссертации «Научные основы оптимизации приобретения и употребления спиртных и спиртосодержащих напитков» был вчерне готов.

В реферируемой диссертации рассматриваются научные основы оптимизации приобретения и употребления спиртных и спиртосодержащих напитков и предлагается научно обоснованная методика практического применения оптимальных приемов выбора и употребления средств опьянения.

Актуальность диссертационного исследования определяется необходимостью нахождения оптимальных методов оперативного реагирования адептов алкогольной интоксикации на стремительно изменяющиеся условия их жизнедеятельности и, в особенности, условия нахождения, выбора, приобретения и употребления опьяняющих веществ.

Цель исследования - научное обоснование методики оптимизации приобретения и употребления спиртных и спиртосодержащих напитков.

Основные задачи исследования:

1. Выявить основную единицу опьянения.

2. Соотнести ее с ценой на спиртные и спиртосодержащие напитки и определить на основе этого соотношения универсаль-

ную единицу рентабельности любого спиртного или спиртосодержащего напитка.

3. Разработать методику рационального приобретения и употребления спиртных и спиртосодержащих напитков.

4. Экспериментально проверить разработанную методику.

5. Провести анализ и описание данных эксперимента.

6. Выявить перспективные направления дальнейших научных исследований в данной области.

Основная гипотеза исследования.

Научная методика рационального приобретения и употребления спиртных и спиртосодержащих напитков могла бы служить повышению оперативности реагирования адептов алкогольной интоксикации на стремительно изменяющиеся условия их жизнедеятельности, обеспечить как безошибочность выбора интоксикатора, так и значительную экономию экзистенциально ограниченных материальных средств.

Научная новизна исследования.

В настоящей работе впервые представлено описание научного алгоритма оптимального выбора спиртных и спиртосодер-

жащих напитков в интересах достижения максимального уровня опьянения за наименьшую цену. Выявлены и описаны основные единицы измерения — как собственно опьянения, так и рентабельности того или иного спиртного или спиртосодержащего напитка. Выявлены и научно обоснованы принципы отбора интоксикатора с учетом имеющихся у выбирающего экзистенциально ограниченных материальных средств на основе применения вышеназванных единиц.

Практическая ценность исследования заключается в возможности непосредственного использования его результатов в практике отбора и употребления спиртных и спиртосодержащих напитков любым адептом алкогольной интоксикации, имеющим законченное начальное образование. Научные основы определения степени интоксикации и рентабельности того или иного интоксикатора найдут свое применение практически во всех сферах жизни и деятельности пьющего человека, заложат основы как дальнейшего исследования практики употребления спиртных и спиртосодержащих напитков, так и разработки новых, более эффективных методов оптимизации такового употребления.

Структура работы определяется логикой и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав (с выводами), заключения и списка выпитого спиртного.

Во ВВЕДЕНИИ обосновывается актуальность исследования, определяются его цели и задачи, положения, выносимые на защиту, описываются основные научно-исследовательские и методические приемы.

Первая глава - "ОПЬЯНЕНИЕ - КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ПРАКТИКИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СПИРТНЫХ И СПИРТСОДЕРЖАЩИХ НАПИТКОВ" - содержит описание предпосылок создания теории рационального употребления спиртного.

Исследование литературы, посвященной употреблению спиртных и спиртосодержащих напитков, показывает, что для построения рациональной и эффективной методики их употребления необходима разработка научно-обоснованной теории опьянения, которая бы позволила выявить единицу опьянения, как мерилло степени алкогольной интоксикации.

В создании основ теории рационального приобретения и употребления спиртных и спиртосодержащих напитков мы исходим из гипотезы, заключающейся в том,

что индивидуум употребляет спиртное прежде всего с целью опьянения. Именно произвольное, свободное и целенаправленное изменение индивидуумом собственного сознания в субъективно положительную сторону путем введения в организм определенных химических веществ (предпочтительно обладающих приемлемыми вкусовыми свойствами) является, по нашему убеждению, главным мотивом приобретения и употребления спиртных и спиртосодержащих напитков.

Мы допускаем пренебречь социально-психологическими мотивами употребления спиртных и спиртосодержащих напитков в силу статистической нерепрезентативности того среза испытуемых, для которых таковые мотивы являлись доминирующими над мотивом достижения опьянения. В этой связи важно отметить тот факт, что испытуемые, для которых опьянение, по их утверждению, якобы не является основным мотивом употребления спиртных и спиртосодержащих напитков, наотрез отказались употреблять предложенные им в ходе эксперимента безалкогольные заменители спиртных и спиртосодержащих напитков, а именно — безалкогольную водку (H_2O), и разбавленное безалкогольной водкой (в соотношении 10:1) так наз. "Столовое" пиво, — несмотря на полную

пригодность данных жидкостей, например, для целей социальной мимики.

Именно опьянение, таким образом, как произвольно измененное сознание индивида, является, с нашей точки зрения, краеугольным камнем всей практики употребления спиртных и спиртосодержащих напитков, основной целью выпивки. Соматическими побочными эффектами опьянения мы также считаем возможным пренебречь в силу того, что они, — даже оцениваемые положительно, — не могут являться достаточными без изменения сознания в субъективно положительную сторону. Изменение же сознания, не сопровождаемое побочными соматическими явлениями, напротив, является не только приемлемым, но и в значительной степени желательным результатом употребления спиртных и спиртосодержащих веществ.

На основе многолетнего теоретического анализа и практического апробирования различных приемов употребления спиртного, широкого опроса адептов алкогольного самоизменения сознания, а также в результате поставленных многочисленных экспериментов нами были выявлены два важнейших аспекта, две составляющие опьянения:

I. Объем выпитого спиртного или спиртосодержащего напитка.

2. Процентное содержание этилового спирта в объеме выпитого напитка.

Важнейшим результатом многолетних теоретических изысканий и многочисленных научно-практических исследований явился вывод о том, что именно произведение этих величин и составляет универсальную единицу опьянения, позволяющую определить количество единиц опьянения в любом выбранном для вычисления (выпитом, или подлежащем выпивке) объеме того или иного спиртного или спиртосодержащего напитка.

В практическом плане применение данной единицы позволяет быстро и точно оценить любой сосуд, заполненный спиртной или спиртосодержащей жидкостью, на предмет желательности в плане приобретения и пригодности к употреблению.

Условно назовем описанную единицу опьянения СЛОУ (сокр. СЛ-Н). В таком случае:

$$\begin{aligned} \text{Кол-во СЛОУов} &= \\ &\text{Объем напитка (л)} \times \\ &\text{Крепость напитка (\%)} \end{aligned}$$

В одной полулитровой бутылке водки, таким образом, содержится 20 СЛОУов:

$$0,5 \text{ л} \times 40\% = 20 \text{ СЛ-Н}$$

Данная единица, как показал эксперимент, может служить надежным ориентиром при выборе оптимальной дозы катализатора изменения сознания. Вне зависимости от ассортимента спиртных или спиртосодержащих напитков, имеющихся (или отсутствующих) в розничной продаже, желающие достичь определенного уровня алкогольного опьянения могут при помощи данной единицы инвариантно определить необходимый им объем любого имеющегося в наличии спиртного вне зависимости от процентного содержания в нем спирта.

Так, например, индивидуум, обычной дозой которого является бутылка водки (а именно 20 СЛОНов), сможет (при отсутствии водки в продаже) легко определить, какой объем имеющегося в продаже сухого вина (11,5% спирта к объему) необходим ему для достижения желаемого уровня опьянения по следующей формуле:

Необходимый объем =

Кол-во СЛОНов / Крепость напитка

что для вышеприведенного частного случая составит:

$$20 \text{ СЛ-Н} / 11,5\% = \\ 1,7391304347826086956521 \text{ л}$$

Несложное вычисление показывает, что при фасовке вина в бутылки по 0,75 л данный индивидуум должен приобрести

$$1,7391304347826086956521 / 0,75 = \\ 2,3188405797101449275362 \text{ бутылки су-} \\ \text{хого вина.}$$

Тем не менее, в связи с экзистенциальной ограниченностью материальных средств, доступных среднестатистическому пьющему, важное значение приобретает выработка практических рекомендаций, касающихся выраженной в СЛОНах минимальной, но достаточной дозы спиртосодержащих напитков, позволившей бы индивидууму изменить собственное сознание в субъективно положительную сторону.

Мы считаем, что научно обоснованным ориентиром при разработке таких рекомендаций может являться исторически сложившийся объем сосудов, используемых для употребления вовнутрь тех или иных спиртных или спиртосодержащих напитков. Мудрость тысячелетий указывает нам на следующие виды используемой для этих целей посуды:

- Пиво пьют кружками.
- Вино пьют бокалами или стаканами.
- Крепкие напитки пьют рюмками.

Переведя эти наблюдения с обыденного языка на язык цифр, получаем следующую сводную таблицу спиртосодержащих напитков и соответствующих им рекомендуемых минимальных, но достаточных объемов:

Напиток	Объем, мл	Градусы	СЛОНЫ
Пиво	500	5	2,5
Сухое вино	250	10	2,5
Крепленое вино	125	20	2,5
Крепкие напитки	62,5	40	2,5

Несмотря на некоторое приближение, с которым мы сочли возможным выразить крепость различных спиртосодержащих напитков, общая картина представляется предельно ясной: минимальной, но безусловно достаточной дозой, позволяющей индивидууму изменить собственное сознание в субъективно положительную сторону, является величина в диапазоне от двух до трех СЛОНов, независимо от характера спиртосодержащего напитка.

В этой связи повсеместно применяемую практику использования в качестве минимальной дозы такого объема, который соответствовал бы приблизительно шести-семи СЛОНам, напр.:

$$500 \text{ мл} / 3 = 166,6 \text{ мл};$$

$$166,6 \text{ мл} \times 40\% / 1000 = 6,66 \text{ СЛОНов};$$

нельзя признать ни научно обоснованной, ни практически целесообразной.

Далее в работе рассматривается возможность выделения целого ряда поправок или коэффициентов, позволяющих скорректировать величину, выраженную в СЛОНах, в зависимости от тех или иных специфических условий применения данной единицы, а именно:

- коэффициента соматического состояния и физической подготовленности индивида (одинаковое количество СЛОНов будет по-разному воздействовать на разных лиц в зависимости от их индивидуальной кондиции);

- коэффициента временной протяженности употребления определенного объема (20 СЛОНов, употребленные в течение двадцати лет, окажут меньшее воздейст-

вие, чем тот же объем, употребленный за двадцать минут);

- коэффициента добавленности объема к ранее введенному (применять в совокупности с коэффициентом временной протяженности);

- коэффициента климатических особенностей региона употребления (в более холодном климате рекомендуемое количество СЛОНов может быть выше, чем в жарком);

- коэффициента культурных особенностей региона употребления (в регионах с богатой культурой тостов, застолий и с населением, живущим по принципу "Да что тут пить!", рекомендуемое количество единиц опьянения будет расти), и др.

Вторая глава - "ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ РЕНТАбельность СПИРТНОГО - ОСНОВА ЕГО РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИОБРЕТЕНИЯ" - посвящена дальнейшей разработке вопросов эффективности приобретения и употребления спиртных и спиртосодержащих напитков.

Экзистенциальная ограниченность адепта употребления спиртных и спиртосодержащих напитков в материальных средствах, необходимых для приобретения интоксикаторов, привела нас к осознанию необходимости разработки еще одной универсальной категории - единицы рента-

бельности того или иного спиртного или спиртосодержащего напитка.

Научные основы вычленения данной единицы определяются целями исследования. Поиск нового решения старой проблемы основывался на индуктивном методе исследовательской работы. В результате глубокого и разностороннего анализа значительного числа частных случаев гипотетически рационального приобретения и употребления спиртных и спиртосодержащих напитков мы пришли к важнейшему выводу о том, что потребительская рентабельность спиртного представляет собой отношение цены за единицу объема того или иного спиртного или спиртосодержащего напитка к количеству СЛОНов в выбранном объеме.

Данное эпохальное открытие явилось прямым результатом многолетнего компаративного исследования содержания СЛОНов в различных спиртных и спиртосодержащих напитках и было подготовлено нелегким трудом многих добровольных участников эксперимента, проводившегося в масштабах всей страны.

Итак, условно назовем единицу потребительской рентабельности любого спиртного или спиртосодержащего напитка ВОЛК (сокр. В-ЛК). В таком случае:

$$\text{ВОЛК} = \frac{\text{Цена напитка}}{\text{Количество СЛОНов в объеме напитка, приобретенном за данную цену}}$$

Из выведенной формулы следует, что один ВОЛК является денежной константой для определенного напитка при условии неизменяемости его цены и представляет собой цену за один СЛОИ спиртосодержащей жидкости.

Для наглядности сравним рентабельность потребления фасованной водки "Пшеничная" и разливного пива "Жигулевское" по состоянию на сентябрь 1988 года. Тогда для одного литра обеих жидкостей соответственно (для простоты вычислений цена выражена в копейках):

$$\begin{aligned} \text{В-ЛК (водка)} &= \\ 2000 \text{ коп.} / (\text{I л} \times 40\%) &= 50,0 \text{ коп.} \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \text{В-ЛК (пиво)} &= \\ 60 \text{ коп.} / (\text{I л} \times 3,6\%) &= 16,6 \text{ коп.} \end{aligned}$$

Очевидно, что для покупателя, ориентированного на достижение желаемой сте-

пени опьянения за наименьшую цену, тот или иной спиртной или спиртосодержащий напиток будет тем более рентабельным, чем ниже будет ВОЛК данного напитка. Таким образом, по состоянию на сентябрь 1988 года, пиво является для целей достижения опьянения за наименьшую цену в 3,0120481927710843373493975903614 раза более рентабельным, чем водка:

$$50 / 16,6 =$$

$$3,0120481927710843373493975903614$$

Особая практическая ценность введения категории рентабельности обусловливается тем фактом, что в различных городах страны один и тот же спиртной или спиртосодержащий напиток может продаваться в таре неодинакового объема. Введение унифицированной константы рентабельности для каждого отдельного напитка позволит жителям различных регионов найти общий язык, будет способствовать дальнейшему углублению взаимного уважения и укреплению взаимопонимания между пьющими.

Далее во второй главе проводится анализ рентабельности приобретения и употребления тех или иных видов спиртных и спиртосодержащих напитков на синхроническом и диахроническом уровнях,

делается вывод о том, что как синхроническое, так и диахроническое употребление спиртных и спиртосодержащих напитков может привести к хроническим последствиям.

Третья глава диссертации - "ТОЧНОСТЬ ВЫЧИСЛЕНИЙ - ЗАЛОГ ПРАВИЛЬНОСТИ ВЫВОДОВ. БУДУЩЕЕ НАСТОЯЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ" - намечает дальнейшие перспективы данного магистрального направления в науке, ставит непростые вопросы и дает неоднозначные ответы.

В частности, большой интерес представляет дальнейшая разработка вопросов и анализ процессов изменения содержания СЛОНов в совокупном объеме нескольких спиртных или спиртосодержащих жидкостей либо

(а) употребленных последовательно с минимальным промежутком времени, либо

(б) смешанных перед употреблением в одном объеме.

На основе такового анализа представляется целесообразным вычленение третьей основополагающей единицы методики рационального употребления спиртных или спиртосодержащих напитков - специального коэффициента намеранности - ЁРШ (сокр. ЕРШ).

Алгоритм вычисления коэффициента ЁРШ, таким образом, должен в качестве входных параметров принимать биохимические характеристики смешиваемых спиртосодержащих жидкостей, давая на выходе величину, которая могла бы быть применена в качестве коэффициента (поправки) к имеющимся данным о СЛОНах и, как следствие, ВОЛКах анализируемых спиртосодержащих жидкостей в целях коррекции правильности вычисления величин опьянения и потребительской рентабельности.

Немалый интерес представляет изучение возможности увеличения количества СЛОНов в смеси в сравнении с их содержанием в ее компонентах, употребляемых по отдельности, хотя бы и с минимальным промежутком. В самом деле, вопрос "Каково реальное содержание СЛОНов в смеси пива, водки и вина?" отнюдь не является праздным или риторическим (ведь предварительно необходимо установить, какой водки, какого пива, какого вина и смешанных в каких пропорциях), и решение этого вопроса будет зависеть от того, насколько современная наука способна оперировать на стыке биохимии, биофизики и арифметики.

Помимо этого, передовая научная мысль не может, не имеет права игнори-

ровать народную мудрость, тысячелетиями — столь же ненаучно, сколь и упорно — стремящуюся к субъективному познанию объективной реальности. Настоящий ученый не пренебрегает даже теми жалкими крупицами научного знания, которые можно почерпнуть из ненаучных источников. А таковые крупицы имеются, и нам предстоит серьезная и кропотливая работа по научному исследованию, систематизации и обобщению ненаучных источников знаний о потреблении спиртных и спиртосодержащих напитков.

Непростая задача определения коэффициента намешанности ЁРШ является достойным кандидатом для привлечения ненаучного, но проверенного практикой знания. "Водка без пива — деньги на ветер", — гласит народная мудрость, и большая наука, призванная изыскать дальнейшие пути повышения рентабельности потребления спиртосодержащих жидкостей, должна к ней прислушаться. Уже сами по себе народные названия смесей спиртных и спиртосодержащих напитков, такие, например, как "Северное сияние", должны стать для настоящего ученого научным озарением.

Чего стоит лишь одно народное правило, из поколения в поколение передающееся пьющими, от деда отцу, от отца

сыну, и от бывалого пьяницы - начинающему, неопытному собутыльнику:

Пиво на вино -
сущее дерьмо.

Вино на пиво -
сущее диво.

Научная истинность и меткость данного правила подтверждены медициной и историей, причем во всемирном масштабе. Убедительным доказательством строгой научности и практической ценности данного правила является его параллельное существование в культурах различных народов, разделенных тысячами миль и открывавших его - методом проб и ошибок - независимо друг от друга. Так, в культуре англоязычных стран, изобилующей алкогольной мудростью, имеется хорошо известное большинству пьющих аналогичное правило:

Beer on liquor -
you can't get sicker.

Liquor on beer -
everything's clear.

Таким образом, будущим настоящего исследования является дальнейшее углуб-

ление нашего понимания той сложности, которая привносится в практику употребления спиртных и спиртосодержащих напитков смешением таковых в произвольных пропорциях и последовательностях.

Четвертая глава диссертации - "МЕТОДИКА РАЦИОНАЛЬНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ СПИРТНЫХ И СПИРТСОДЕРЖАЩИХ НАПИТКОВ" - посвящена разработке универсального алгоритма употребления спиртного.

Глава имеет следующую структуру:

1. Блок тестов анкетного типа, позволяющих выявить наклонности и индивидуальные особенности потребителя.

2. Система сводных таблиц, выражающих отношение степени опьянения к коэффициенту рентабельности.

3. Общие методические рекомендации по употреблению спиртных и, в особенности, спиртосодержащих напитков.

Пятая глава диссертации - "ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТА" - содержит описание организации экспериментальной проверки разработанной методики, анализ результатов проведенной работы по созданию универсального алгоритма употребления спиртных и спиртосо-

держащих напитков, а также результатов его внедрения в практику.

Экспериментальная проверка разработанной методики осуществлялась в 1972-1988 годах. Эксперимент проводился в соответствии с поставленной задачей - проверить правильность выдвинутой в исследовании гипотезы - и включал в себя следующие этапы:

1. Установочный - опросы и беседы с целью выяснения исходного состояния научного интереса потребителей спиртного к методике его рационального употребления, проверки уровня общеобразовательной подготовки анкетированных.

2. Мобилизующий этап эксперимента - лекция - постановка целей и задач эксперимента.

3. Собственно экспериментальный этап - непосредственное научное открытие и распитие спиртных и спиртосодержащих напитков, проверка теоретической основы разработанной методики, формирование у участников эксперимента навыков определения количества единиц опьянения и степени рентабельности интоксикатора, овладение техникой научно обоснованного поиска, выбора, приобретения и употребления средств опьянения.

4. Постэкспериментальный этап - заключительное распитие научно отобранных

спиртных и спиртосодержащих напитков, подведение итогов эксперимента.

В заключении обобщаются результаты, полученные в ходе исследования, намечаются перспективы дальнейшего развития данного магистрального направления науки.

Список выпитого спиртного позволяет оценить широту размаха проведенного научного исследования, глубину и значение сделанных в ходе исследования научных открытий.

Страна приветствовала успешное завершение научной работы Амадеева Государственным гимном. Амадеев встал по стойке смирно. Громкость радиоприемника не показалась ему достаточной. Амадеев осуществил подход к радио строевым шагом по уставу по форме «подход к начальнику», отдал радио честь, и врубил его на полную мощь. Открытия шампанского вот только не будет, подумал Амадеев, ни научного, ни обычного, за неимением такового (как и любого другого) спиртосодержащего напитка.

В 15.00 было необходимо показаться на каком-то собрании. За неявку Курицын обещал что-то такое сделать «со всей беспощадностью».

Девять часов прозрачного осеннего времени Амадеев израсходовал так:

— прошел на кухню и принял в пищу холодное и скользкое крутое яйцо;

— лег в постель и выкурил пару сигарет «на ночь»;

— чтобы уничтожить гадость во рту, встал и почистил зубы;

— гадость частично осталась, а отчасти даже усилилась гадостью болгарской зубной пасты; пошел опять на кухню, сварил кофе;

— после кофе оказалось невозможным не выкурить сигарету, но не оказалось возможным найти ее в ограниченных пределах квартиры;

— оделся, спустился, вспомнил, что в 6.30 сигареты не продают, поднялся и опять спустил-

ся, осознав, что среди прохожих попадаются курящие;

— до 7.00 сшибал веткой листочки с кустиков, не в силах сшибить сигаретку;

— в 7.00 пошел в газетный киоск, но папирос там не было, а сигарет не дали, потому что их дают за деньги, а денег для покупки сигарет оказалось недостаточно;

— значительное время сидел у продовольственного магазина на ящиках, беседуя с широким грузчиком — сначала из благодарности за подаренную «Приму», а потом из интереса к проповедуемой грузчиком натурфилософии. Уже минут через пять грузчик пододвинул свой ящик вплотную к ящику Амадеева и, обняв внимательного собеседника за плечи, ласково называл Амадеева Витей после каждого убедительно выдвинутого постулата доморощенной метафизики;

— потом грузчика позвал из магазина злой женский голос и лектор, сказав «Вить, я щас», навсегда исчез во тьме складского помещения;

— потом Амадеев шел обратно в киоск, покупал тетрадку в клеточку и зеленый стержень;

— вернувшись к магазину, занимал выжидательную позицию, желая записывать основные положения миросозерцания работника мешка и ящика в специально выделенную для этой цели тетрадь;

— тестировал зеленый стержень, наотрез отказавшийся участвовать в профанации Боль-

шой Науки, стрелял у прохожих спички, чтобы пыткой заставить непокорный инструмент графомана исполнять свои непосредственные обязанности;

— спички Амадееву дали охотно, и он, подвергнув пишущий узел стержня муке огнем и копотью, добился-таки от него согласия занести на бумагу соображения грузчика о смысле и о сущности;

— заносил таковые соображения, несколько изменяя стилистику и лексику, но бережно сохраняя дух и смысл учения грузчика;

— ожидал грузчика для продолжения занесения с разъяснениями;

— не дождавшись грузчика, шел домой; на людей науки полагаться нельзя — мечтатели, идеалисты!

— дома снова желал курить, принимал решение этого не желать («жизнь есть страдание, причина страданий — желания»);

— тихо лежал;

— читал конспект лекции грузчика;

— выбрасывал конспект в помойное ведро;

— пытался спать;

— доставал конспект из помойного ведра;

— сидел на кровати;

— выдавливал прыщ перед зеркалом;

— еще пытался спать;

— выдавливал еще прыщ;

— искал, как будет «прыщ» на всех известных Амадееву языках;

— читал русско-французский словарь;

— отвечал на телефонный звонок, обещая обязательно быть, ни в коем случае не опоздать и говорил, что — ну честное слово, придет, придет;

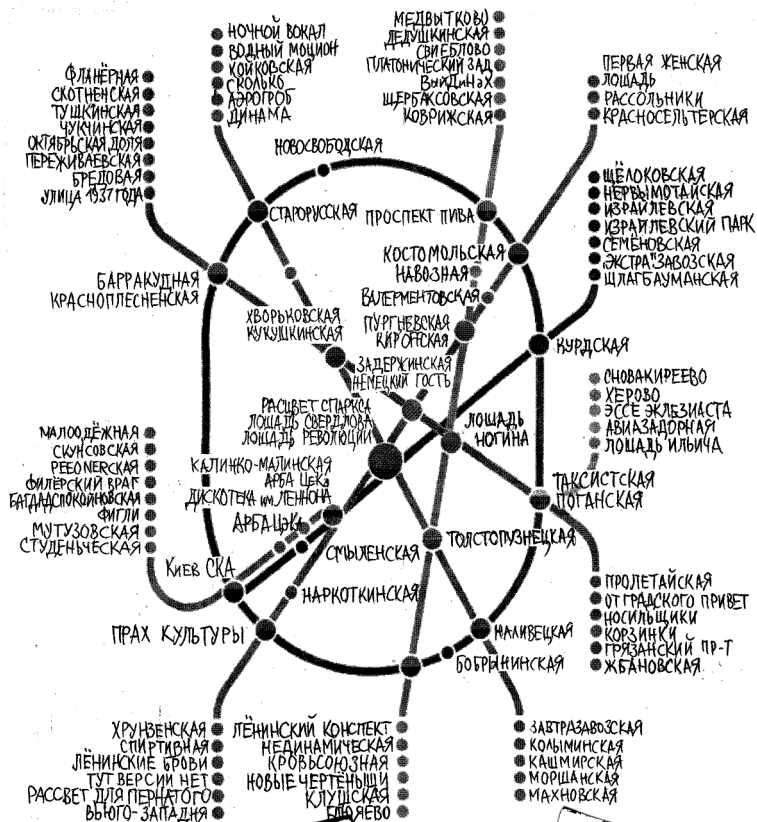
— с отвращением делал себе яичницу;

— с удовольствием ел ее;

— одевал одежду;

— шел на собрание.

(Страница оставлена пустой
преднамеренно —
но без злого умысла)

1. Членство каждого члена ДОС не может быть пожизненным, если оно получено на основании личного пути на работу члена ДОС.
 2. При вступлении в члены ДОС, человек обязуется возмездно исполнять в течение ДОС следующие обязанности:
 а) Сроки уплаты взносов от 10 до 100 руб. при уплате в размере 15 руб. в месяц, при нарушении взносов более 1 мес. троекратно аннулируются в пользу других членов организации.
 б) Член ДОС не вправе брать отпуск до 2-х недель в квартал.

3. Запрещается заменять право другими способами выплаты, а также привлекать к исполнению норм, установленных в уставе, нормы за пределами круга членов.

15. ДОССИКИВПИПДИФИ

— У тебя рубля не будет?

У Жибина даже челюсть отвисла. Не от вопроса, столь же обыденного, сколь и насущного. А от того, что человека, задавшего Жибину такой вопрос в коридоре худграфа, Жибин видел первый раз.

Человек, на самом деле, вызывал симпатию. Причем сразу, сходу. С виду грузин, но говорит без акцента.

— Пойдем, выпьем, — сказал грузин так естественно и просто, что Жибин с удивлением увидел, как уже протягивает ему металлический рубль с Лениным.

Забегаловка наискосок от худграфа ассортиментом в тот день не радовала. Болгарское шампанское — это последний спиртосодержащий напиток, который два художника-педагога могут согласиться приобрести за свои экзистенциально ограниченные рубли и употребить для изменения своего сознания в субъективно положительную сторону. Каждый рубль, отданный за такой спиртосодержащий напиток, покупал крайне мало собственно спирта, и получаемые в нагрузку веселые пузырьки недостаток такового отнюдь не компенсировали.

Жибин от ассортимента погрузтел, поскольку ближайšie забегаловки находились не в пяти шагах, а в пределах трех-пяти станций метро, и выудил из кармана «Атлас московских пив-

ных» — разрезанную и собранную в буклет карту Москвы, на которой Жибин тщательно отмечал обнаруженные пивные и кратко их аннотировал. Грузин, которого звали Гоча и который грузином не был, Атласом живо заинтересовался:

— Жаль вино-водочных у тебя на карте нет.

— А зачем их отмечать? В двух шагах от пивнушки всегда есть торец.

— Ну не знаю, не знаю. . . вот, например, на Костомольской пивной приличной нет, но есть важнейшие опорные точки, неплохо было бы их показать. Или на Задержинской — там шикарнейший магаз на Кузнецком Мосту, но это не у пивной же, пивная на Мясницкой. . . Это должно найти свое отражение в Атласе, как мне кажется.

Гоча посмотрел, как Атлас сшит, вернул его Жибиному, и задумчиво сказал:

— Знаешь, Атлас пивных — это хорошо, это — нужная и своевременная книга, но мы должны это вино с пузырьками попробовать. Для этого есть сразу три причины; смотри, оно — «бьяло», «сухо» и «пенливо», — сказал он серьезно и с расстановкой. — Ты что-нибудь подобное пил?

Разумеется, Гоче отказать было невозможно. Гоча оказался личностью уникальной, он творил чудеса и делал это с виртуозной легкостью. Жибин убедился в этом, когда первый раз возвращался с ним с этюдов. Ну скажите, как два художника с этюдниками и огромными свежими

холстами в руках могут воспользоваться в столице и в час пик общественным транспортом? Элементарно, если один из них — Гоча: «Граждане! Осторожно! Живопись свежая! Вот только с этюдов, краска масляная — не от-сти-ры-ва-ет-ся!» — и пассажиры тут же напшиговывают проход, утекая с задней площадки. . .

С виртуозно легкой Гочиной руки понеслись месяцы обильных возлияний — в «Зеленых воротах» на Покровке, где Гоча был завсегдатаем, в «Утюге» на Бауманке, где всегда можно было встретить знакомых, на «Ухтомке», где царил худграф, в «Тухлом», а также в любых других пригодных, среднепригодных и малопригодных для обильных возлияний местах, как находящихся, так и отсутствующих в «Атласе московских пивных».

Жибин всегда переживал за свое детище, когда очередным утром, оказавшись с Гочей в очередном незнакомом районе Москвы, не мог отыскать ослабшим за ночь ногам кратчайшего пути к источнику отдохновения. До этого надо было еще узнать, где находятся сами ноги, а точнее, ближайшее метро. После этого ситуация несколько прояснялась, хотя и не всегда облегчалась. Возле «Задержинской» в подобном состоянии вообще лучше было не оказываться, от «Колыминской» до пива было, как до Колымы, а на «Пролетайской» был, соответственно, полный пролет. Но если утренние ноги, едва касавшиеся земли, оказывались вдруг на «Шлагбаумановской», «Навозной» или на «Первой женской

лошади», то Атлас бодро шелестел страницами, нашептывая заветный маршрут.

Однако, независимо от широты обегаемых в поисках пива проспектов и долготы очередей, центром пьющей и опохмеляющейся вселенной всегда был Гоча. Гоча организовывал, Гоча развлекал, Гоча доставал деньги, Гоча пропивал деньги, Гоча всех обзванивал, Гоча всех успокаивал, Гоча мог познакомиться с любым человеком в любом месте и стать его лучшим, закадычным, старым другом секунд через пятнадцать. Гоча был незаменим, и когда его в компании не было, не было самой компании. Пить было невкусно, надо было сначала разыскать и заманить в компанию Гочу. Хотя заманивать его было не нужно, Гоча сам творил чудеса, чтобы добиться «продолжения банкета».

Ночь? Кончились деньги? Негде достать? Ерунда — а на что нужна шикарная библиотека гочиных родителей? Если было совсем туго, Гоча «выходил на дорогу» к таксистам с несколькими книгами. Хорошо шла фантастика — братья Стругацкие, чуть хуже — Ефремов. А за томик Жюль Верна Гоча начинал торговаться с трех бутылкок и уж, как минимум, приносил две.

Утро? Страшное похмелье? Все вповалку болеют и стонут? Гоча мигом оборачивается и влетает с бутылкой «Русской», спасти друзей. Но о, неблагодарные! Они — *не хотят водки!* Они хотят пива! Хорошо! Гоча мигом оборачивается и влетает с трехлитровой банкой в руках. Все, удивленно: «Что это? Пиво? А почему прозрачное?»

— «Ну вы же отказались от водки, и попросили пива! Вот я и разбавил водой, чтоб градус сравнялся с пивом! Но вы не волнуйтесь, здесь “слонов” столько же!»

Чего не сделаешь ради друзей. И выпивки. Ради друзей и выпивки Гоча надевал дерюжный мешок на голое мохнатое тело и шел стрелять «по шесть копеек». Ну как можно отказать одетой в мешок с дырками для рук и головы колоритной личности южной наружности, вежливо, заметьте, вежливо и без акцента обращаясь к населению: «Мужики — *шесть, шесть ко-пе-ек* не хватает!» Гениальность «шести копеек» заключалась в следующем:

(а) пяточком население уже отделаться не могло,

(б) но испрашиваемая сумма была реально небольшой; десять копеек — это уже серебро (наглость даже для одетого в мешок грузина), а что такое шесть копеек, на самом деле;

(в) не имея правильного количества медных копеек, население легко сдавало по десять (а то и пятнадцать!);

(г) сумма в «шесть копеек» была не круглой, а потому казалась правдоподобной;

(д) незначительность суммы придавала ситуации полезный драматизм.

Увы, дерюжный мешок может легко превратиться из театрального реквизита в повседневный прикид, — стоит только войти в роль! — и героически обильные возлияния, осененные Гочиной харизмой, не могли не привести к

логически неминуемым последствиям в виде медицински неприемлемых похмелей, компаний заваленных зачетов и даже залихватски посещенных вытрезвителей и отделений милиции.

— Что это?? — заглянувший наутро к Гоче Жибин был потрясен представшим его взору искусством. Вопрос был риторический, поскольку было предельно ясно, что именно было изображено на недописанной еще Гочей картине.

— Сначала я думал, что х.з., но сейчас вроде как уже х.м., хотя, конечно, это не х. . . Но согласись, в этом что-то есть, — сказал Гоча, затягиваясь и указуя сигаретой на полотно. — Потомки напишут, что это «один из бесспорно выдающихся образцов позднего социалистического реализма с уклоном в церебральный примитивизм».

Огромный, полтора на полтора метра кусок оргалита, едва уместающийся на мольберте, был окном в . . . отделение милиции. В стены казенно-зеленого цвета были врезаны угрюмо-коричневые двери с зарешеченными окошками, а за «прилавком», напротив обшарпанной деревянной скамьи, красовались два мента, сержантик и старлей. Сержантик, со сморщенным лицом, стоял, а старлей, свесив шнобель, что-то такое бубнил по телефону, сидя под портретом то ли гениального секретаря, то ли министра внутренних органов.

Эффект был силен.

— Как ты это назвал?

— «Миллиционеръ».

Жибин, привыкший к воздушным, ярким и солнечным перспективам, вылетающим из-под гочкиной кисти, к его широченным радостным мазкам противоположных цветов — оранжевому с фиолетовым, красному с зеленым, синему с желтым! — понял, что дело принимает серьезный оборот.

— И обрати внимание, — как бы продолжил его мысль Гоча, гася окурок о кусок настоящего черепа — пепельницы, полученной в подарок от циника-студента медвуза — «церебральный примитивизм» — это серьезно. Вот, к примеру, жил-был человек, были у него мысли, чувства, страдания, радости, надежды и огорчения. Жил он так невесть сколько лет и даже не подозревал, что наступит время, и примерно о то место, которое любило, страдало, боялось, радовалось, злилось, — какие-то совершенно чужие люди будут тушить свои вонючие окурки! А ведь может он был, как там, «человек с бесконечным юмором и дивною фантазиею»! Может быть, конечно, он просто умер от старости, а ведь скорее-то всего и нет. Скорее-то всего он просто зашибал. Или может попал в аварию — потому что зашибал. Или несчастный случай на производстве — потому что зашибал. Или может вывалился с балкона — потому что зашибал. Или, к примеру, погиб в драке — потому что зашибал. Или, как бывает, упал в канаву и утонул — потому что, опять же, зашибал. Ты

скажешь, зачем же обязательно «потому что зашибал»? А затем, что иначе зачем бы ему вываливаться с балкона или падать в канаву? Согласен? Вот откуда берется всеобщий «церебральный примитивизм» — от того, что бедный Йорик любит спитросодержащие больше, чем он любит самого себя. И не хватает у него мозгов употреблять спиртное как-то в свое удовольствие, не причиняя себе увечий. Погляди на эту черепушку и попробуй со мной не согласиться. Нет, я не говорю, что надо «перестать пить», я этого не говорил! Только древнее, убогое мышление ставит все вопросы ребром — «Пить или не пить?» Но с этим явно надо что-то делать, если, конечно, у нас имеются хоть какие-то остатки этого самого, как его, церебрума. . .

Церебрум в наличии у Жибина был, но шевелить им с утра пораньше не хотелось. Хотелось пива.

— Голова человека — сумасшедший дом, Гоча, — сказал Жибин, — но о вреде мозгов мы с тобой поговорим в другой раз. Потому что сейчас мой цербер — ни бум-бум, пошли в «Тухлый».

В «Тухлом» было тихо, чисто и тепло. Нет ничего лучше пивной утром в рабочий день. И в особенности если в ней, по неизвестной причине, подают, как правило, качественное разливное пиво. «Нет ничего лучше “тухлого” пива!», — говаривали завсегдатаи пивной.

Выдаваемой ежедневно мамами Жибина и Гочи единицы счастья — одного советского руб-

ля — хватало на четыре кружки прекрасного «тухлого» пива (88 коп.), пакетик жареного картофеля (10 коп.) и на «звонок другу» — оставшиеся две копейки были драгоценными, поскольку могли привести к «продолжению банкета».

— А одной монеткой две копейки можно? Спасибо. — Жибин аккуратно убрал двушечку во внутренний карман, зажал пакетик картофеля в зубах, и — о, волшебное чувство! — поплыл с четырьмя кружечками к столику, который облюбовал Гоча.

Первая кружка сразу все поставила на свои места. Ожил организм, заработал cerebrum, расцвели эмоции, возникли планы и надежды, воскресли юмор и сатира.

— Итак, — с новым оптимизмом заявил Гоча, — надо что-то делать!

— Что еще надо делать, Гоча, зачем, все хорошо, — умиротворенно сказал Жибин.

— Нет, хорошо — кое-что, но не все, — уточнил Гоча. — Приводы в милицию и ночи в трезвяке — это не дело. Согласен?

— Согласен, — сказал Жибин без оптимизма.

— Мы пропиваем уйму денег — согласен?

— Согласен, — уныло сказал Жибин.

— Трезвость — норма жизни, — согласен?

— А вот с этим можно поспорить! — возразил Жибин.

— Согласен! — живо откликнулся Гоча. — А посему позволю себе сформулировать стоящую

перед нами непростую задачу: каким-то образом перестать попадать к ментам и пропивать тучу денег, *не превращая* трезвость в норму жизни!

Жибин задумался.

— Тут нужен порядок, — сказал он, — и организация. Просто так — не «перестать». Нужно создать какое-то добровольное общество, с программой, уставом и дисциплиной. Какое-нибудь «Добровольное Общество Сухих Стаканов»! Но только кто в него будет вступать? Ну, к примеру, я буду должен соблюдать дисциплину, и не пить, а зачем, зачем мне это нужно?

— А затем, например, — сказал Гоча, — чтобы не пить, не пить, накопить денег, а потом кааак нажраться!

— И опять попасть в дом родной. . . Нет, так дело не пойдет, у членов общества должны быть свои, отдельные от пьянства, занятия и интересы.

— Ну хорошо, ладно, — сказал Гоча, — пусть это будет «Добровольное Общество Сухих Стаканов и Игры в Дурака». Будем проводить чемпионаты дивана, комнаты, квартиры, подъезда, дома, улицы, района, города, области, страны, мира, вселенной!

— «Игры в Дурака» — звучит по-дурацки. Это должно быть официальное название, — сказал Жибин, — например «Добровольное Общество Сухих Стаканов и Карточной Игры в Подкидного Дурака».

— А переводной? Переводной тебе что — не дурак? — возмутился Гоча.

— Ну хорошо, хорошо, пусть будет «Добровольное Общество Сухих Стаканов и Карточной Игры в Подкидного и Переводного Дурака». ДОССиКИвПиПД.

— ДОССиКИвПиПэДэ? — повторил Гоча. — А что, это звучит — ДОССиКИвПиПэДэ! Это не хуже, чем ОСОАВИАХИМ. И ос никаких нет, и химией не пахнет. . .

Жибин достал блокнотик и через полчаса дискуссий Устав ДОССиКИвПиПД был вчерне готов.

1. Запрещается употребление членами Общества спиртных напитков без согласия всех членов Общества.

2. Члены Общества сдают еженедельные взносы в пользу Общества в размере 3 (трех) рублей.

3. Пользование собранными членскими взносами разрешается только при полном консенсусе всех членов Общества.

Гоча взял блокнотик, перечитал Устав и сказал:

— Нет, общество из двух человек — это не общество, это — сговор. В таком обществе должен быть третий. Иди звони Летчику. Просто скажи ему: «Третьим будешь?» и пусть летит в «Тухлый», да поживей.

Летчик прилетел так быстро, что, похоже, угнал из цеха только что собранный лайнер. Поставив на стол свои четыре кружки, он был ошарашен Гочей:

— С тебя хватит двух кружек, эта — мне, а эта — Алику.

— Это грабеж! — тихо сказал Летчик.

— Но ты же видишь, у нас пиво кончилось! И не волнуйся, ты сейчас будешь с лихвой вознагражден за свою щедрость, — сказал Гоча.

После того, как члены Общества поставили Летчика в известность об организации Общества и огласили его Устав, Летчику было торжественно предложено стать одним из почетных основателей ДОССиКиВПиПД.

Летчик снял очки и стал их тщательно протирать. Потом не торопясь надел на нос. Потом посмотрел на основателей Общества.

— Ну? — сказал Гоча.

— Ну что, — сказал Летчик, сделав внушительную паузу, — ваше начинание в целом и с некоторыми оговорками можно было бы оценить как небезынтересное. . . (Пауза). Но. . . (Пауза) А как же футбол?

— Футбол? — от неожиданности Жибин с Гочей переглянулись как два воришки. Тут они явно дали маху. Летчик был прав. А как же футбол??

— Две головы — не одна, а три головы — не две, — сказал Гоча. — Меняй название, Алик.

Пустячное, казалось бы, изменение названия вызвало бурные и продолжительные споры основателей. Слово «футбол» наотрез отказывалось укладываться в официальное наименование Общества. Наконец, после затянувшихся прений, Общество было переименовано в

«Добровольное Общество Сухих Стаканов и Карточной Игры в Подкидного и Переводного Дурака и Футбольной Игры», сокращенно ДОССиКИвПиПДиФИ.

— О, ДОССиКИвПиПиДиФИ — это еще лучше, чем ДОССиКИвПиПЭДэ! — восхищался Гоча. ПиПЭДэ — что это, ну, а? То ли дело ПиПиДиФИ! Вот это я понимаю!

Гочин ажиотаж прервал Летчик.

— Но это еще не все, — сказал он. — В целом я с Уставом и задачами Общества согласен, но только в целом. Сухие Стаканы это хорошо, понятно, правильно, но вы не учитываете важного закона природы: на человека постоянно действует сила сопротивления, направленная, как известно, против вектора скорости тела в среде, и двигаться по нормали к поверхности без пары кружек нередко просто невозможно, вы что сами этого не знаете? Это же чистая аэродинамика. Ну посмотрите, — Летчик с укором показал на подло оставленные ему и уже пустующие две кружки — это же ничто, это же величина, которой можно пренебречь, это я вам говорю как научный сотрудник и мастер спорта по скоростному питью пива. . .

Последовали новые бурные прения, в ходе которых Летчику было категорически отказано в ежедневных двух кружках, но была сделана уступка, разрешающая выпивать две кружки в неделю — на тот случай, если сила сопротивления совсем уже распяшется.

В результате этого в Устав были внесены следующие поправки и дополнения:

1. Запрещается употребление членами Общества каких-либо спиртных напитков без согласия всех членов Общества за исключением не более чем двух кружек пива в неделю.

[. . .]

4. Аккумулировать невыпитое за неделю пиво запрещается.

Поправка несколько нарушила чистоту Устава, но третий был нужен, и по ряду причин. Чемпионаты по Подкидному и Переводному Дураку (причем в масштабах дивана, комнаты, квартиры, подъезда, дома, улицы, района, города, области, страны, мира, солнечной системы, галактики и вселенной), не могли проводиться между двумя участниками. «Чемпионы Вселенной по Игре в Подкидного Дурака» или «Чемпионы Солнечной Системы по Игре в Переводного Дурака» не могли эдак вот запросто составлять 50% общества. И главное: закономерным и всецело оправданным становилось наступающее после чемпионата уставное «согласие всех членов Общества», позволяющее по справедливости отдать честь и Чемпиону, и всем принимавшим в чемпионате спортсменам. Накопившиеся за время чемпионата средства и прошедшие дни Сухих Стаканов делали спиртосодержащие напитки (а) долгожданнами, (б) высококачественными, и (в) обильными. Собираемых казначеем Жибиным денег оказалось больше, чем члены Общества могли за один раз пропить, а потому

дополнительным бонусом стало сопровождение долгожданных, высококачественных и обильных спиртосодержащих не менее качественной и обильной закуской.

Эффект от общества был настолько велик, что Жибицу с Гочей практически не нужно было применять «Пивную Поправку им. Летчика». Поэтому, как-то проходя мимо пивного ларька с (в иное время душераздирающей) надписью «ПИВА НЕТ», Гоча с Жибиным в один голос воскликнули:

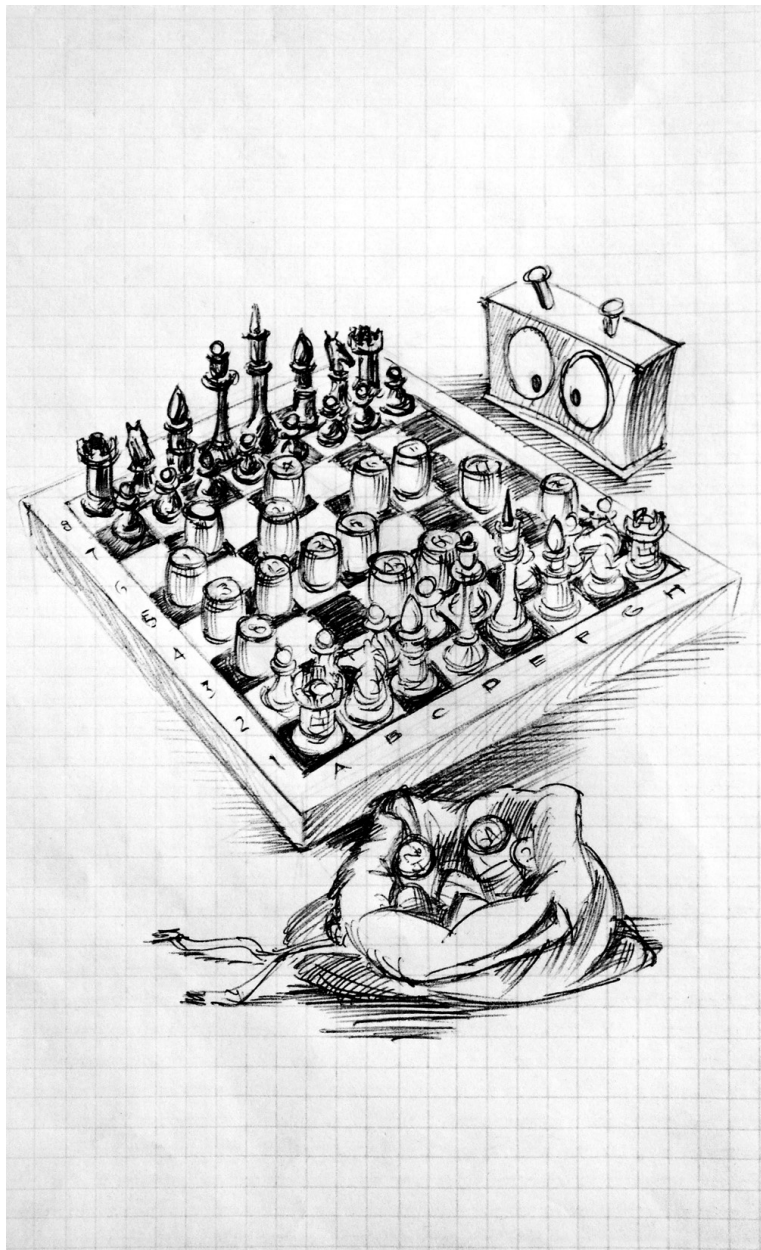
— Не больно-то и хотелось!!

Поправка стала еще менее актуальной, когда зимние чемпионаты по КИвПиПД на чердаке худграфа сменились весенней Футбольной Игрой (иФИ). Гоча был человеком эмоций. В пять утра в субботу, выбравшись на воздух из многоэтажки, где всю ночь пили, Гоча мог с восхищением закричать на весь квартал: «Люди, вставайте! Наступило утро!! Поглядите в окно — какое прекрасное солнечное утро!!!» А потому при виде Футбольной Игры Гоча просто врывался на площадку и тут же футболил мяч куда попало! Гочу не интересовали партнеры по команде. Гоча видел только мяч, и мяч Гочи боялся! Еще бы: однажды после очередного гочиногo удара «вникуда», сопровождаемого неистовым гочиным ревом, мяч, перелетев через оградительную сетку, аккуратно лег в кузов проезжавшего мимо грузовичка. Ну что ж, может быть всем пора и отдохнуть, и вспотевшие игроки могут обсудить матч в пивной.

В отличие от пристрастия к спиртному, однако, пристрастие к Футбольной Игре не оборачивалось ни похмельями, ни приводами в милицию. А преподаватель кафедры психологии Самсон Томасович Геворкян, принимая у Гочи зачет, приговаривал: «Хороший студэнт — жизнерадостный студэнт, спорт луубит, в футбол играет. На занятия мааало-мало ходит. Но студэнт хороший — давай зачетку!»

(Страница оставлена пустой
преднамеренно —
чтобы не было скучно)

16. Вынужденный балдеж

— Осталось час-полтора — не больше.

— Вот заррраза! — прошептала Леночка, наклоняясь.

Амадеев с интересом поглядел на леночкины ноги.

— Тебе помочь? — тихо предложил Амадеев.

— Дать денег на новые колготки, — сказала Леночка.

— Совет умного человека дороже денег, — сказал Амадеев. — Раз они все равно рвутся, надо носить чулки.

— Ну, Викентий Палч, у вас и советы — ваще, описанию не подлежит! Заставить бы вас с недельку пояс поносить, — прошипела Леночка.

— А еще бывают чулки на резинках, — проявил свои познания Амадеев.

— Пишшите же слово! Чулки у него бывают. . .

«Это уж совсем по-змеиному», — подумал Амадеев и написал:

ч	у	л	о	к

Леночка жеманно поглядела на Амадеева, взяла листочек и еще раз нагнулась к изъяду на колготках. Одновременно к Амадееву протянулась правая леночкина рука ладонью вверх. Амадеев дружески пожал ее. Рука нервно вырвалась, стукнула Амадеева по колену и еще раз требовательно раскрылась ладонью вверх. Амадеев вложил в нее перьевую ручку с золотыми словами «*Учись на отлично*». Леночка выпрямилась, взглянула на ручку (не японская ли), снисходительно прочитала инструкцию учащимся и брезгливо сняла колпачок (осмотреть перо, заглянуть внутрь колпачка — не течет ли доисторическая самописка, вымажешься еще вся этой гадостью. . .).

— Играем на щелбаны. Если я выиграю, вы подставляете лобачевского.

— А если проиграешь?

— Женщину нельзя ударить даже цветком.

— *В период развернутого наступления перестройки по всему фронту. . .*

Опять воюем. И морда революционного цвета. Или пьян или очень радеет за всенародное дело перестройки. Или то и другое одновременно.

Амадеев мысленно обругал себя за жадность. Всего-то 32 коп. В каждое ушко по берушке — и «хочешь спать ложись, хочешь песни пой». Скупердяй чертов. Хоть

	Н			
Ч	У	Л	О	К

мне на голове теши (а чем? — колом, наверное). Так, поставим-ка ваш *колун* в наш

	Н	А		
Ч	У	Л	О	К

— *Но, как мы знаем, времена меняются. . .*

Как? Мы знаем? Мы знаем, что. . . Общеизвестно, что. . . Очевидно, что. Несомненно — что? Если «времена меняются», то они действительно претерпевают изменения. Если времена, *как мы знаем*, меняются, то их изменение есть не более, чем продукт со-знания. При царегорохе одного российского академика выставили пинками на пенсию, а чтобы обидно не было, дали ему титул «почетного». На что тот заметил: «Разница между академиком и почетным академиком примерно такая же, как между

государем и милостивым государем». Уж сколько раз мы наверняка знали, что. Всё, уже в 1980 году. Хотя и в основном, но — будет. А в частности? Так мы знаем и так узнаём. Одна другой в очереди: «Говорят, недавно закон вышел. . .» Анекдот. И кому я только не рассказывал. . .

— Новый анекдот, Лен. Очередь. Одна женщина другой: «Говорят, недавно закон вышел. . .»

— . . .

— ?

— Ну?

— Что?

— А та чего?

— Не помню.

— То есть?

— Все. Конец анекдота. Уже можно смеяться.

Иногда палец к виску, иногда губы брезгливо вниз. Мы узнаём о законах по слухам. Действительно, не смешно.

	Н	А		
Ч	У	Л	О	К
			Г	

А у нас будет *нарок*. Нет, это нарочито (чередование *к-ч*). Слово-птеродактиль. Нет, как называется эта рыба с ногами? Не как у Брейгеля, а. . . Единственно возможная среда обитания *нароков* — искусственно, но бережно поддерживаемый лекционно-собранный формалин древней, но вечно юной *балды*. Нет, лучше подпустим восточного аромата и колорита:

	Н	А	Р	
Ч	У	Л	О	К
			Г	

Подумаешь, какой-то храм какого-то Христа-Спасителя! Миллионы народились, состарились и умерли, не узнав ни Библии, ни Корана, ни Упанишад, ни Дао Дэ Цзина. А нам зачем? У нас есть свое, хоть по форме и национальное, но зато по содержанию — о-го-го! Да ведь и в Рязани было нечто вроде Храма с большой буквы — на месте «современного» по форме и обшарпанного по содержанию Дворца профсоюзов. «Дворца» профсоюзов. «Дворца» «профсоюзов». В каждом городе есть свой Храм Христа-Спасителя, незримый памятник негодьям.

— *В такое время, как сейчас, нельзя. . .*

А раньше, значит, можно было? Для каждого времени — свой артикул совести. За что казнят, то и нехорошо, сынок. Но зуд имманентен, не Христос, так Маммона, не Маммона, так Бахус и т.д. — по кварт-пинтовому кругу: из утопии — в науку, из науки (чересчур уж много гитик) — в религию. . .

	Н	А	Р	
Ч	У	Л	О	К
	Н		Г	

Голун, колун,

		К		
	Н	А	Р	
Ч	У	Л	О	К
	Н		Г	

. . . как в ребусе: из мухи — слона (оба насекомых — в кавычках), а может и из СЛОНА — ВОЛКА. . .

— Вы меня замучили. Только я собралась выступление послушать.

— Слово предоставляется. . .

— Тебе, Леночка. «Лаборантка» — корень «труд», между прочим.

— . . .ректору нашего. . .

У монголов, кстати, есть два отнюдь не синонимичных слова «наш»: 1) «манайх» — наш и ваш, и 2) «бадайх» — наш, но не ваш.

А вот если бы ректором-директором был я, . . . уж я бы. . .

— Викентий Палч, долго еще?

— Лена, не отламывай часы от браслета!

— Пить ужасно хочется!

. . . (изобретение № 1) снабдил бы все автоматы с газированной водой специальным световым табло. Как только кто-нибудь стукнет по автомату, на табло немедленно загорается надпись (вразнобой, по алгоритму случайных чисел): «Кто там?» или «Чего надо?» или «15:35» или «Ййа тте ща стукну!!» и т.п.

	А	К		
	Н	А	Р	
Ч	У	Л	О	К
	Н		Г	

Жажда Леночке явно на пользу. *Канал, на-кал, калон, ралон, голен, «Голем»*. Когда, интересно, я пойду и возьму Мейринка? Или я уже

не читатель? Или *еще*? Санарог, баналог. Обходим по большой дорожке:

	А	К		
А	Н	А	Р	
Ч	У	Л	О	К
	Н		Г	

Ага, поджала губки-то. То-то. Смотри, помаду не съешь.

Изобретение № 2. Приказал бы всем людям писать дневники. Как раньше было положено молиться. А кто не пишет двух страниц в день — «бить рублем». Или ремнем. После программы «Время» диктор объявляет: «Уважаемые товарищи, дневниковое время». И телевизор (все каналы) гаснет, скажем, на час. Нет, лучше на два: с 19.00 до 21.00. Чтоб потом не оправдывались, мол, некогда было и т.п. Голов всегда жалуются: зайти некогда, телевизор все время «сожрал». Ну это кому какой попадет. Мне достался совсем не прожорливый. От зверей, видите ли, отличаемся бессмертной душой. . .

Посмотреть определение души во всех словарях и энциклопедиях. Рассказ «Душа». Что-нибудь типа: удушивший душу душиется в душе, а душа не недушаема, вылезает, душка, из уду-

шенного горла как душман. Беседа душащегося со своей душой.

Что — наш ответ Чемберлену не получается? Придется из пяти?

— Из пяти есть. И не одно.

— Из пяти я и без вас нашла.

Т	А	К		
А	Н	А	Р	
Ч	У	Л	О	К
	Н		Г	

Такалок, каталог. Куда я дел разделители, кстати? Больше одной пачки я не мог потратить.
Атанак, атанарак, атанакарок.

Изобретение № 3. Новый африканский язык. В одно слово связывается целое предложение или даже единица дискурса. *Нучатакарог.* Нуч — это больно, как хлыстом, а рогов нам и даром не надо.

Т	А	К	А	
А	Н	А	Р	
Ч	У	Л	О	К
	Н		Г	

Лучшая атака — это выпадение. Залапанный, захватанный, с замазанной водоэмульсионкой рожей, с квадратным безруким обрубком полутуловища — поделом тебя отделали, неродной ты наш дедушка.

В «Правде» (можно верить) было: один экземпляр тебя зарыли за ненадобностью в нечерно-землю. Стало быть, процесс пошел. Но еще много, слишком много тебя разного стоит, сидит и корчится по городам и весям — в уборе и без, в польтах и пинжаках (неприменно с жилеточками), всех рас и колеров — даже негром ты служил у нас в войсковой части: художник Жибин — в отсутствие краски масляной, украденной красным прапорщиком — проявил сержантскую смекалку и в ночь перед присягой придумал покрасить тебя. . . гуталином. А почему нет? — чтобы отразить специфику, опять же и запах хороший. Хряпает рота строем мимо памятника, а от него эдак по-военному пахнет — хорошо! Хочется еще раз почистить левый, который ближе к сердцу, кирзовый сапог. Якобы ты категорически запрещал строить тебе мавзолей. Увы, безобразие названием не украсишь. Отнюдь не пятое чудо света, даже не двадцать пятое. Если, конечно, с обратной стороны считать. . . В уродстве может состязаться только с небольшим аквариумом, который придурок в ранге академика (или академик в ранге придурка?) удумал воткнуть вовнутрь кремлевской стены. . . В детстве казалось недоразумением,

что эта коробка из под духов называется «Мавзолей» (типа как Бармалей), а не «Мавзо-ЛЕНИН». Чего уж две буквы-то не дописали. . . Лицо сморщенное от боли, рука и корпус вперед в муке: «Какого же хрена!» Вечно-пожизненное наказание отбываешь, терпи, дедуля, сам виноват. Интересно, что в основном все повернуты к тебе лицом, только те, кто на сцене — спиной. Им можно. Они дают представление нам, покорным

Т	А	К	А	Б
А	Н	А	Р	
Ч	У	Л	О	К
	Н		Г	

— Это мне за шестибуквенное?

— Уж как хотите понимайте.

Овация.

Гороб — гарем, помещаемый в погребу.

Барык — 1. Длинный, одноэтажный (как правило заброшенный) дом, используемый, в основном, барыгами для совершения незаконных сделок и иных правонарушений. 2. Балык из барракуды.

Кораб — небольшое маневренное судно, распространенное в арабских странах. В древности широко использовалось ассирийцами.

Т	А	К	А	Б
А	Н	А	Р	О
Ч	У	Л	О	К
	Н		Г	

Изобретение № 4. Создать толковый словарь живого русского окказионализма. Академик Л.В.Щерба и сам не подозревал каких гениальных бестий создал. . .

Как-то в ротной курилке в ослепительном ночном сиянии надраенного кафеля Амадеев поведал Жибину леденящую кровь историю доброго и безобидного бокра, коварно и штеко будланутого весьма и весьма глокой куздрой, и нежного, невинного еще бокренка, беспощадно куздрячимого той же отвратительной тварью. В ту же военнослужащую ночь сержант Жибин, закончив намалёв очередного крепящего оборону стенда, поднял рядового Амадеева и приказал ему прочесть при загробном дежурном освещении несколько абзацев, написанных мягким карандашом на грязном обрывке ватмана. Да, сержанту надо было отдать честь.

«Амбажда ламясенькая курюнька забунила просмагать масю косяшку. Курюнька бзала дрюньку с прагамчиками и ушипила в брамду.

Курюнька шипила марно и не брызгулила. Сила Курюнька плютни и собанила смачни. Засобанила она чурый стругель и шмачнув самтерила похрасать.

Дерембело. Курюнечка похраснав, кирзо зашипела по брамдянке.

Неошпанно из мращи шипился крущный шсхафт. Курюнька кручно забулилась. Крущный шсхафт захрычно бурсил: “Брызгуешь до косяшки?” Курюнька забуленно таркала чамками и зоряла. Шсхафт обкročил жорсть и забунил сфхатъ Курюньку. Но Курюнька не зарыпанилась и курнула прелой Шсхафта в жорсть. Шсхафт, заобрав, пухнул на пахру. Курюнька запаляснилась и курдучно закрысилась в шпулю Шсхафта. Шсхафт заорбал, кирзо брасчнил и, флягая, ушипился в мращу. А Курюнька засимкала и спенко засила плютню: “Срам не бруден крущный шсхафт, крущный шсхафт, крущный шсхафт! . . .”»

Т	А	К	А	Б
А	Н	А	Р	О
Ч	У	Л	О	К
	Н		Г	О

Браво, Леночка! В любом деле главное — терпение и настойчивость. И успех придет. А ор-

фография — это дело наживное. И довольно условное, кстати. Имеются языки, в которых слово «МОЛОКО» пишется с двумя буками «А».

Слово, с детства мягкое, округлое, как толстенные горлышки молочных бутылок (не вздумай пить из холодильника!), как круглая кружка, снятая с газа (я же тебе говорила!), в которой угловатый кусок масла быстро становится округлым, и тут же растворяется, оставив после себя маленькие желтые кружочки, слово на круглой автоцистерне с тремя круглыми гласными — как можно было его так беспощадно зарезать двумя стальными мастерками! А родительный падеж треугольным острием третьего дротика вдребезги бил бутылки, дырявил цистерны, фляги, бидоны и кружки, оставляя повсюду лишь острые бумажные пакеты. . . Амадеев вспомнил Казанский вокзал, середину шестидесятых, огромную очередь на улице к невиданному чуду — молоку в каких-то бумажных пирамидках — и не менее огромную белую лужу от тысяч бумажных тетраэдров, о герметичности которых никто не позаботился. . .

Но вернемся к прорыву, намеченному лаборанткой Леночкой. Да, так вот, исподволь, скромные труженики пишущей машинки, сами того не подозревая, способствуют развитию, содействуют прогрессу. Изобретение № 5. Внести поправку в правила благородной «Балды» — разрешить записывать в одну клеточку сдвоенные буквы. Есть же в испанском языке буква «эль» (именно буква, а не две): LL! Но и счи-

тать, по справедливости, как одну букву, раз только одну клеточку занимает. Наука умеет, искусство принадлежит, никуда не денешься. Ну что ж, а мы что — няграмошные что ля? Мы тоже, чай, в музее были. . .

Т	А	К	А	Б
А	Н	А	Р	О
Ч	У	Л	О	К
	Н		Г	О
			О	

— Эт чё вы такое написали-то?

— «Рокого».

— А это у нас кто?

— Ну, искусство такое, навроде твоего «бароко».

— РокоКО-о-о! Будете мне тут! — Леночка возмущенно впихнула Амадееву листочек в кулак. — Шельмовать изволите! А еще высшее образование. . . Интеллигенция. . . Знаем мы вас. . .

Арогон. Луис? По ком звонит калокол? Соединительно-разделительное «о». «О-о-о!» — массы разделительно сливаются в едином нарыве.

— *Следует добиться значительного повышения уровня. . .*

Почему я, интересно, в детстве так любил играть на шкафу? Подсознательное стремление

ко все более сверкающим высотам? Пращур был родом из Вавилона?

Боралун. Горанул. Городской отдел аннулирования изданных (издаваемых?) инструкций. Или книг? *Кобаракатана.* Бразильский танец, изобретение французских мадам, вышедших на пенсию и уехавших в Южную Америку нежиться на пляже Копакабана. 12 букв. . . м-даа. . . Если бы такой танец существовал, Леночка не только в балду играть, но и здороваться со мной бы перестала. . . *Коралун.* Вот же! Объект, украденный в уголовной скороговорке. . .

Т	А	К	А	Б
А	Н	А	Р	О
Ч	У	Л	О	К
	Н	Л	Г	О

— Он первый начал! — визжала она на суде. — Нужен мне был его вонючий кларнет! Я только чтоб отомстить за мои любимые кораллы! Мне их подарили на день 8 марта, не будь я Клара Цеткин!

— Ну, Викентий Палч, ваще! Описанию не подлежит! У меня, можно сказать, ваще ум за разум зашел, из шести придумала. А он тоже из шести! Надо было вас посадить вон с Морковкой, сидели бы два умных, ё-моё. . .

- Лена, не надо принимать ум за разум.
 — Да ну вас, держите.

Т	А	К	А	Б
А	Н	А	Р	О
Ч	У	Л	О	К
	Н	Л	Г	О
		И		

Оперативно. Молодец, лаборантка Леночка, хорошо коллаборационируешь. *Мнлгок*. Остается проглотить слюну. Может быть. . . В начале было. . . Или не было. . . Попробуем, хоть надежды и никакой, но надо же нести свет в массы. Широкие. И тьма не объяла его.

Т	А	К	А	Б
А	Н	А	Р	О
Ч	У	Л	О	К
	Н	Л	Г	О
		И		С

— Ну ваще, я вам, Викентий Палч, знаете сколько таких напридумываю!

Ну ладно, ладно, я и не рассчитывал. Ну, попробовал написал одно Слово, что в этом тако-го. . . *Сагораб*. Раб малайского императора Саго.

Нет, человек, попавший в пищевую зависимость от саго, типа накидывается на саговые пальмы и грызет стволы, как бобр. . .

Сокобар. У Леночки на сумке «Соки-Воды» написаны как *Coca-Cola*. Попросить Жибина вывести надпись «Столовая» из логотипа «МакДоналдз». *Локос.* *Локон.* Локон уже есть. Вот! И зачеркивать буковку не придется. (Изобретение № 6: усовершенствовать правила Балды: если игрок вписал букву, а слова такого нет, то игрок обязан использовать в данном ходу эту же букву, а иначе получает ноль очков за ход.)

Т	А	К	А	Б
А	Н	А	Р	О
Ч	У	Л	О	К
	Н	Л	Г	О
		И		С

«Над ними по воздуху сокол катался // в скрипучей тележке с высокой дугой. // Фадеев смеялся, Калдеев чесался, // а Пепермалдеев. . .»

Искренне надеемся, однако, Данила Иванович, что это был не тот Фадеев. . .

— Слово для зачитания проекта постановления предоставляется. . .

Неуважаемый классик нечитаемой литературы смеется в компании с каким-то (сержантом?) Пеппер-балдеевым. Декаданс. А по-амери-

кански — декадэнс. Декада борьбы за повышение художественного уровня оформления танцевальных залов, площадок и (что-то третье должно быть) зеленых театров. Все на борьбу за дальнейшее озеленение и без того зеленых театров!

— *Только постановляющую часть!*

— *Что значит «только постановляющую»?! Вы нарушаете! . .*

— *Постановляющую! . .*

— *Постановляющую!!*

— *На голосование!!!*

Лица потные, красные. Эмоции-то какие, нешуточные, ну просто казаки строчат письмо султану, чтобы тот беспощадно порешил сына Ивана Грозного за внебрачную связь с боярыней Морозовой. Сердца бьются, из сердец желания рвутся. Пламенные такие, желания холодного пива, или хотя бы тепловатой воды с хлоркой из крана в туалете. . .

— Боже, как пить хочется, Викентий Палч! У вас случайно нет холодной газировочки?

— Есть теплые три копейки. . .

— Гадкий, отвратительный Викентий Павлович. . .

Так вот и идет процесс существования белковых тел, существенным моментом которого является постоянный (заметьте) обмен веществ. Лев был прав. Привычка тем сильнее властвует над людьми, чем меньше у них понимания смысла своей жизни. Все эти свечки, паломничества, верность знамени и мундиру, дуэли, . . и

все это называется долгом и даже священным долгом. Очень, очень долго. . .

Т	А	К	А	Б
А	Н	А	Р	О
Ч	У	Л	О	К
	Н	Л	Г	О
	Ь	И		С

Лунь, юй, коран, баран. . . Метаязык мета-жизни.

Т	А	К	А	Б
А	Н	А	Р	О
Ч	У	Л	О	К
А	Н	Л	Г	О
	Ь	И		С

— Что, Викентий Палч, чан не варит уже?
— Леночка заливается: Викентий Палч капитулировал. — Чан-то не варит, Викентий Палч? А? — Леночка дергает за рукав.

Слышу, слышу, оценил.

— *Так, товарищи, подавляющее большинство за то, чтобы огласить только постановляющую часть проекта постановления. Слово. . .*

. . . было в начале, но вот для чего. . . может быть его тоже, того, «приняли за основу», потом — «в целом», и оба раза единогласно?

Но вот где Лев так и остался лев. . . Жизнь бессюжетна и эклектична. Нет его, который якобы есть или должен быть найден. Как можно обязывать найти то, чего, может, и нет? Почему романы должны быть последовательны и стройны, как диссертации? Чтобы отражать не саму жизнь, а только ее «постановляющую часть»? Ну да, конечно, типично-единичное. Описанное типичное — единично. А, следовательно, лживо. Самонадеянность — грубейшая гносеологическая ошибка. Даже если нечто никогда не проявляло себя экстраординарным образом, это еще не означает, что оно так себя и не проявит. И не надо цирка с конями и Акопяна с носовым платком. Лежит на дороге камень. Пробежал мальчик — камень стал футбольным мячом; прошел по проселку правоверный — футбольный мяч оборотился карающим мечом господним. . . И это только отношение «человек—камень», а что есть «человек—человек»? . .

Целакант. Небрейгелевская рыба с ногами. Или *целекант*. . . Целый Иммануил, одним словом. Вот был же действительно порядочный человек, с которым, пожалуй, можно было бы и в разведку, а лучше шнапса, или он, поди, и не пил шнапса, не до того было. . .

Т	А	К	А	Б
А	Н	А	Р	О
Ч	У	Л	О	К
А	Н	Л	Г	О
Л	Ь	И		С

Это я, значит, *баран*, а ты — *лань*. А может, ты. . . *оса*? Нет, оса жалит, и я проигрываю.

Кости, гости, ГОСТ, оса, осагокобароко (вот стиль в искусстве-то, африканском), или просто (не просо, а) наш старый друг *саго*. . . Ну что, победила дружба? *Арогасокобарога, Рабокосаго-рабока*. . . У-у-у, нет, Леночка, не победила дружба, победил Викентий Палч Амадеев.

Т	А	К	А	Б
А	Н	А	Р	О
Ч	У	Л	О	К
А	Н	Л	Г	О
Л	Ь	И	О	С

— Что??

— Семь букв, Леночка. Должен с прискорбием констатировать.

— Ну ваще, Викентий Палч, я с вами больше не играю. И какой вы кавалер, ваще, так обращаться с женщиной. . . Ну когда же оно

кончится-то, Викентий Палч, сил моих больше нет!

— Сейчас, сейчас, у нас есть магические слова. Дай-ка. — Амадеев преобразился:

Такаб! Анаро! Анлго! Льюос!

Анунька! Лли! Арогобокос!

Тачал!

Тачал!

Тэнлгэс! Брэлнэл!

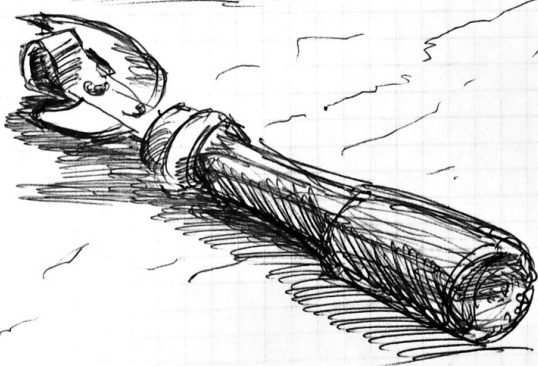
— Да тише вы, Викентий Палч!

Тачал!

Тачал!!

Арррогобокосс!!!

— На этом собрание объявляется закрытым. Какие будут замечания по ходу ведения собрания? У вас есть замечания, Викентий Палч?

17. Разное образие

АНГЛИЙСКАЯ ОСТАНОВКА

Город набит реликвиями. В погоне за колбасой насущной, граждане не успевают восхититься невероятностью обыденного.

Девятое чудо света — английская остановка. Выполнена в виде большого железного ящика, положенного на бок и обращенного выломанной стороной на проезжую часть улицы. Левая боковая стенка — глухой тяжелый металл. Правая же — решеточка. Чтобы было издалека видно номер подходящего с правой стороны омнибуса.

ГРАН ПРИ

Сделав свое дело, Амадеев огляделся. Только сейчас он заметил, что туалет Центрального Парка Культуры и Отдыха (вы не поверите) отремонтировали!

Стены примерно до середины были измазаны ядовито-казенной зеленой краской, а вверх от зеленки шла густая побелка, безжалостно замазавшая годы народного поэтического и изобразительного творчества.

Но, наперекор вандализму властей, одна надпись уже украшала свежевыкрашенный и свежевыбеленный туалет. Во всю ширину стены огромными буквами было глубоко врезано первое послеремонтное двустипшие неизвестного народного гения. Амадеева оглушил крик души, пламенный призыв поэта, потрясенного утратой

сотен бесценных народных произведений и тупой бессмысленностью пустых белых стен:

*НА СТЕНАХ ЭТОГО СОРТИРА
ПУСТЬ БУДУТ ЮМОР И САТИРА!*

Амадеев припомнил с десятков других туалетных шедевров, но нет, этот получает первый приз — в силу спонтанности, актуальности и соответствия контексту.

НАШИ ПЕРНАТЫЕ ДРУЗЬЯ

Скоро уже — немного осталось — достигнем столичных уровней. Окурков и бумаги набросано как на проспекте Калинина. «Овощи с рисом и мясом птицы ЕЛИА». Курочки, окурочки. . .

Знамо дело, елиа. . . Ели, ели. . . В Болгарии — основная домашняя птица. Давно уже потеснила на птицефермах кур: птицы елиа намного мясистей (хотя само мясо, правда, несколько жестче), да и яйца несут более крупные. Неприхотливы к пище — можно их даже рыбой кормить (протухшей, разумеется, свежую они едят неохотно). Но самое ценное, что сами елии потом пахнут рыбой. «И рыба, и мясо!» — в Болгарии так в столовых и пищут в настенной агитации. И чуть ниже, буквами помельче: «Ешьте мясо елий, и каждый день у вас будет рыбный!» В столице продают колбасу рыбную. Осталось вырастить рыбу колбасную, и будет полный ассортимент. Но я отвлекся. Один только недостаток есть у птиц елий — они теплолюбивы и в наших местах не произрастают. А то бы стали мы кур во-

дить! Сколько бы человеко-сил сэкономили! За обычной курицей-то надо полдня гоняться, прежде чем ее поймашь. А птицы ели и двигаются еле-еле; бери ее за хвост и руби голову — удобство!

КУРОЧКА И ОКУРОЧЕК

(Повесть-лозунг)

Жили-были курочка Курочка и петушок Окурочек.

Сначала все у них было хорошо, проса и пшена хватало, а потом жить стало трудно, и Окурочек стал курить, выпивать, уходить из курятника на ночь, оставляя Курочку одну. Накидает окурков, пустых бутылок и уйдет на всю ночь.

— Окурочек, — укоризненно спрашивала его на утро Курочка. — Где ты всю ночь болтался, скотина?

— Во-первых, я не скотина, а птица, а во-вторых, я не болтался, а терся о курочек, — отвечал Окурочек, бросая окурки на пол. — Ты подумала своей куриной башкой об ускорении выполнения Продовольственной Программы?!

ОРУЖИЕ В ЖИЗНЕННОЙ БОРЬБЕ

«Свет» — так бы называться иконной лавке. Боже! За чем еще можно удавляться в *таком* магазине?

Ах! Сердце так и екнуло! Кипятильники! Мне! Мне ведь тоже нужен! Вот и глухонемому тоже. Мне и глухонемому перед витриной. Облегчение — у нас нет шансов протиснуться. А кому это он подает знаки, условные обозначения? Пресвятые светильники-кипятивники! Да там внутри — его товарищ! Вот же кому не страшна звукоизоляция витрины из двух слоев камненепробиваемого стекла! Удобство, радость человеческого общения, полное отсутствие языкового и стеклового барьера!

«Какие кипятивники-то дают?»

«Да так себе — по три пятьдесят, довольно крупные, не совсем уж большие, как для ведра, но и не маленькие».

«А маленьких-то нет?»

«Говорю тебе — средние такие, но в стакан, пожалуй, влезут».

«А если не влезут?»

«В банке поллитровой можно чай вскипятить».

«Это верно. Ну чего — будем брать?»

«Я себе возьму один. А тебе два, как ты хотел?»

«Куда их два, такого одного хватит».

Первый раз при виде глухонемых Амадеев почувствовал свою неполноценность.

Показывали австралийского аквалангиста, которому акула отъела ногу. Нет, он не бросил подводного плавания (все в один голос: какой герой!). А причем здесь героизм — он там среди акул, такой же, как раньше, а на земле он. . .

Хотя у них протезы, по слухам, такие, что от ног не отличишь.

Надо бы мне им как-нибудь дать понять, что — вот же! — бывают случаи, когда глухонемым быть лучше, чем звонкоречивым. Нет, не надо, — а то еще будут целыми днями через витрины переговариваться, есть-пить перестанут, все свои дела бросят (и кто тогда будет железочки к шнуркам приделывать). . .

Вот как хорошо поговорили! Можно и закурить.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ

Столб так красиво ободро-облеплен, а силикатного клея-то сколько ушло — ведро, не меньше. Фотоаппарата нет, Энди Уорхолу послать.

Для создания семьи ищу знакомства с молоденькой девушкой — разница возраста примерно 12–15 лет, очень порядочной, честной и скромной. Для лучшей прочности счастья семейной жизни желательно состоящей на диспансерном учете или предполагающей пройти диспансеризацию на СПИД. ". . . К повсеместному охвату. . . активному, динамичному наблюдению за течением всей жизни подростков, учащейся молодежи" ("Основные направления развития здравоохранения").

Мне 32 года, рост 183, не пью, в моральном отношении принципиально против любой случайности во взаимоотношениях. Мой адрес:

390000, Рязань, Главпочтамт, до востребования предъявителю паспорта П-ОБ № 558964. Срок действия данного объявления — до I/УП 1988 г., после чего письма Главпочтамтом не принимаются.

Разумеется, в семейной жизни нужно счастье, хотя бы потому, что сковородка намного прочнее головы. Но это — людям обычным. Людям выдающимся этого недостаточно, им нужна еще и *прочность* счастья (и это, наверное, правильно, см. выше про прочность сковородки). Но есть люди просто уникальные, по сравнению с которыми выдающиеся — это презренная толпа. Уникальным обычной прочности не хватит, им годится только счастье *лучшей* прочности, а не какое-нибудь обычное, дрянное прочное счастье. . .

Самое страшное, что высокий тридцатидвухлетний противник любой случайности и алкоголя ко всему прочему еще и трудолюбив. Ведь все революционные матросы давно вымерли, попередыхали в ходе непрерывных войн, разных там -юций и -аций, и не удалось им вконец уничтожить столь ненавидимый ими «еръ», одно лишь название его удалось извести. . . Какой же зверской, нечеловеческой революционностью надо обладать, чтобы при написании обычного, казалось бы, слова «ОБЪЯВЛЕНИЕ» вместо того, чтобы шлепнуть себе твердый знак, где ему полагается быть, —

1) напечатать две заглавные буквы;

- 2) перевести пишущую машинку в положение для письма строчными буквами;
- 3) ручкой бумагоопорного валика опустить лист бумаги на пол-интервала;
- 4) впечатать запятую;
- 5) вернуть бумагоопорный валик в исходное положение;
- 6) перевести машинку в положение для письма заглавными буквами
- 7) и лишь затем допечатать пустячное, в общем-то, слово.

Да, лет семьдесят назад пред'явитель паспорта П-ОБ № 558694 (где римско-советская цифра «П», на самом деле — это римская II, легко воспроизводимая на машинке — арабской-то единицы нет!) занял бы заслуженно высокую должность в органах уничтожения непослушной литеры «Ъ» (и не только).

А как вам «после чего письма Главпочтамтом не принимаются»? Этот субъект, похоже, реально управляет почтамтом, причем Главным. Уже не принимаются, кстати, неумолимый И/УП наступил, и в дверях Главпочтамта уже стоит Главпочтмейстер и — «А-ну как щас сургучной палкой вас!» — отгоняет двенадцатипятинадцатилетних девочек, которые всё лезут, лезут, справки суют: «Вот, вот, у меня есть! На СПИД реакция отрицательная! С печатью! . . .»

МУДРОСТЬ ПРИРОДЫ

Фамилия знаменитая. Главный редактор чего-то там. Снискал. Заслужил. Удостоен. По-

играем? Во «Что нам радио скажет». Только читать надо сразу и вслух. Громко и с выражением.

«Мудрость природы — Восклицательный Знак! Как долго она продлится — Вопросительный Знак?»

«Герои книги — люди сложной судьбы, живущие нелегкой жизнью в борьбе с суровой природой. С особой силой раскрывается в повествовании художнический взгляд автора на природу и человека, на неразрывность их взаимодействия».

ББК84Р7Р2.

Ну вот сразу два непростых ответа на два суровых вопроса — откуда берутся художнические сочинения про комсомольские билеты, и чем они потом становятся. Кстати, о мудрости природы —

Амадеев спешно направился в самую маленькую комнату в своей квартире.

№ 228 (24119)

СРЕДА, 15 АВГУСТА 1984 ГОДА

Так измять и порвать то, что уже стало достоянием истории могут только... Тем более, что более правдивой газеты во всем мире не найти.

«Во многих хозяйствах умело... Тон в соревновании задает... Еще в середине июля им выполнен... Высокие темпы и у... В целом

нынче запасено больше, чем в. . . неплохо подготовились. . . своевременно отремонтированы. . . улучшилось снабжение. . . наладили четкое дежурство. . . более оперативно руководят. . . заботы тружеников — в поле зрения. . . (кстати, о «Поле зрения» — куда это я задевал его, негодяй, найти немедленно, не медленно, а немедленно! . . .) немало поработали. . . более трехсот пятидесяти. . . пленум детально рассмотрел. . . решено значительно расширить. . . то ныне — уже. . . немало уделяется внимания и. . . особая забота и о. . . в зависимости от качества поставлена и. . . приняты также меры для. . . нам по плечу».

Цена 3 коп.

Впрочем, нехорошо. Предвзято. Купюры. Вырвано из контекста. А вот этого не надо, не нааадооо! Знаете, что за это полагается?! . . .

«На Бурноречской ГЭС вступил в строй действующих одиннадцатый энергоблок мощностью 210 мегаватт. Сейчас здесь начато строительство еще одного такого же энергоблока. Хорошо работает на его сооружении звено Александра Васильева из СУ № 31 треста “Бурноречскэнергострой”. Строители перевыполняют сменные задания.

В коллективе развернуто соревнование в честь 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

На снимках: передовой строитель А.Иванов; монтаж трансформаторов.

Фото Б.Петрова.»

Почти Хемингуэй со своим пресловутым куском льда. За бравым действующим строем — несколько шеренг остальных энергоблоков, образующих строи бездействующие.

С одной стороны досадно, что я на пятом месте, с другой можно сказать — в первой пятерке, уже совсем по-другому звучит. Первым читал заметку ее автор, вторым — редактор, третьим — наборщик, четвертым — передовой строитель А.Иванов, пятым — я. Члены семьи? Товарищи по бригаде? Возможно, возможно. . . Но возможно, что достаточно было и фотографии. Это уже верх славы, когда фотография. Фамилия что — мало ли ивановых да петровых. . .

Амадеев спрессовал наиболее важные события, взаправду произошедшие 15 августа 1984 года в плотный шар и покатал сферический сгусток лиц и событий в своих отнюдь не мозолистых руках. Загадка века — почему в стране избытка газет напроць отсутствует туалетная бумага? Чтобы каждый газеты читал? На газеты уходит вся бумага без остатка? Их количество можно было бы и сократить, благо что все одинаковые. . . Можно было бы у некоторых книг бумажки позаимствовать. . .

Все гораздо проще: поскольку туалетов нигде нет, то и бумага не нужна!

РИТМ ВЕДРА

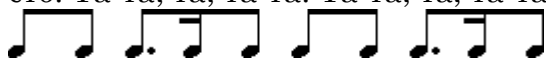
Вот ведро. Ну и что, скажет читатель. Что, что. . . Не простоее, не золотооое, а. . . пласт-

массовое! Попробуй купи — такие волшебные ведра надо *доставать*. Золотое можно в ювелирном магазине купить, а пластмассовое и в ювелирном нельзя. Ни в каком нельзя, а сложнее всего — в посудохозяйственном. О, хорошо, что хлеб черствеет и плесневеет, если бы он был способен долго сохранять свой товарный вид и пищевые качества, он в одночасье и навсегда исчез бы с прилавков.

Амадеев поддел пальцем ручку ведра и перекинул ее на другую сторону: та-та. И обратно: та, та-та. Туда: И обратно:

Разные стороны ведра играют различный ритм. Справа — две восьмушки, слева — три пунктиром.

Амадеев перекинул ручку еще раз десять. Ведро ни разу не сбилось с ритма. Это несколько взбесило Амадеева. Он не привык к такой стабильности функционирования отечественной продукции. Амадеев перекинул ручку ведра еще раз сто. Та-та; та, та-та. Та-та; та, та-та.

Амадеев развернул клубок событий и лиц, отделил события внутри от событий вовне, совершил банальную гигиеническую операцию, встал и, выходя из кабинета, пнул ногой помойное ведро с числовым программным управлением.

КАК АМАДЕЕВ НАУЧИЛСЯ ЖИТЬ

Вот однажды шел Амадеев по улице и ни о чем себе не думал. Шел безмятежно и счастливо, насвистывая песенку. Шел-шел, как вдруг — бац! — споткнулся и упал.

Встал Амадеев, потер ушибленное место и дальше пошел. Идет Амадеев уже не безмятежно, а под ноги себе смотрит. Потому что всем известно, что надо смотреть себе под ноги, когда по улице идешь, чтобы не упасть. А не песенки насвистывать.

Шел, шел Амадеев, смотрел себе под ноги, смотрел, да так внимательно смотрел, что со всего маху — бум! — врезался башкой в фонарный столб. Врезался и упал. Упал и лежит. Полежал, полежал, голова гудеть поменьше стала, встал Амадеев и дальше пошел.

Дальше идет — теперь не только под ноги, но и по всем сторонам смотрит — направо, налево, вперед, по бокам — нет ли где фонарных столбов (больно ударился Амадеев, урок извлек и применяет).

Идет, идет, уж почти успокоился, вдруг — БАЦ! — Амадееву на голову кирпич. Боль — нестерпимая, хуже, чем от фонарного столба. Амадеев упал, стал кричать. Кричал, кричал, накричался, заодно и голова немного прошла, встал Амадеев, пошел дальше.

Теперь идет — весь как пружина: под ноги смотрит, по сторонам смотрит, вверх смотрит —

не летит ли с неба чего, еще кирпич, или целый дом, или, может, рояль. . . Вроде пока ничего опасного не видно, Амадеев даже успокаиваться стал.

Идет, везде смотрит, все отслеживает, и постепенно успокаивается. Ну вот, вроде как все хорошо, ничего ни под ногами не мешает, ни с неба не валится. . . Обрадовался Амадеев, идет себе, как король, ноги высоко поднимает, на землю крепко ставит — вот молодец, вот здорово! Вот и научился Амадеев жить!

Долго так шел Амадеев, пока не заметил, что не только мимо своего дома прошел, и мимо улицы, но уж и мимо города прошел, где жил, и теперь вообще оказался неизвестно где — стоит и думает: и куда ж теперь? В чем смысл человеческого бытия? . .

СУХАРЬ

Роза, скрещенная с морковью, ты совершенно права. «Викентий Палч — я не хотела бы Вас оскорбить, но другого слова просто не могу, ну просто не в силах подобрать. Вы проявили себя как, даже наверное не проявили, а, более того, проявляете себя как. . . как разгильдяй! И это если учесть, что Вам оказана высокая, нет, высочайшая честь — быть преподавателем ВЫСШЕГО учебного заведения! . .»

Боже, как же ты права, *beta vulgaris*! Сколько раз злая училка Зенкина записывала сама и заставляла Амадеева записывать самому себе в дневник это слово! Только разгильдяй может

позабыть о хлебе насущном — причем для себя самого. Ну если ты, разгильдяй последний, не желаешь, к примеру, принимать пищу в пищу вот непосредственно сейчас, ты хоть поднатужься, задумайся, напряги дар научного предвидения-то своего, попредвидь немного и смекни, что после двадцати одного часа тебе уже никто никакой пищи — вообще никаких органических веществ — не даст даже за деньги.

Сухарь — жесткий хлеб. Наверное, где-нибудь на Комарских о-вах (именно о-вах, а не на островах) — вот на этих самых овах должно, наверно, быть что-нибудь тоскливее одинокого жевания старого сухаря ночью в пустой квартире (может быть предрассветный писк местных комарских комаров?), но Амадеев об этом не знал. Ощущение, как будто грызешь заплесневелую доску кухонного шкапа.

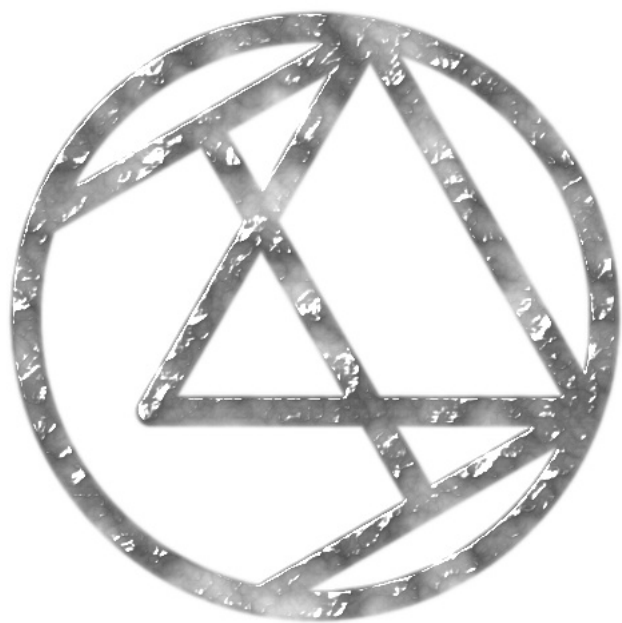
Амадеев уныло (край глаза видит в маленьком зеркальце-штурвале-держателе-открывалок, что уныло) оперся локтями о стол, охватил голову ладонями.

Ба-бах! Трах-та-та-тах!! — Амадеева метров на сто отбросило ударной волной. Вот, кстати, прекрасный выход на случай, если жизнь станет невыносимой. Как у шпиёнов: надо постоянно носить с собой сухарь: как только Черное Близко станет желанней Светлого Далека, вынул сухарь из кармана, положил в рот, заткнул уши плотнее и-и-и. . . хрясть!

А все источники общественного богатства пусть так и льются полным потоком.

(Страница оставлена пустой
преднамеренно —
ну нет тут ничего. . .)

18. Орден Магистров Ненужных Дел

В метро было безлюдно. Амадеев поправил в кармане куртки бутылку водки, достал завалившийся за нее билет и предъявил контролеру. Контролер, мужичок неказистой наружности, не глядя на билет, отмашкой показал, что Амадеев может проходить, и продолжил что-то жалобно рассказывать толстой продавщице билетов. Еще не вступив на эскалатор, Амадеев вспомнил, что забыл пылесос. И как он мог его забыть, ну не дурень?! Теперь если выйти из метро, придется еще один билет покупать. Амадеев вернулся к контролеру, объяснил ситуацию. «Хорошо, давай сюда билет и выходи, сказал контролер, я тебя потом пропущу так, а билет отдам, он тебе понадобится на выходе. Только не задерживайся долго, а то у меня будет пересменка». Амадеев рванул домой за пылесосом, схватил его, как он был, без коробки, наспех скомкав шнур, прибежал в мыле к метро — контролер на месте. Не переставая жаловаться толстой продавщице, он махнул Амадееву, чтобы тот проходил, и посмотрел на часы. Амадеева как обожгло — время действительно поджигало! Он рванул с пылесосом к эскалатору. Бах! Амадеев уже спускается по эскалатору, а пылесос застрял наверху, шнур попал в щель эскалатора! Мой новенький красный пылесос! Амадеев попытался вбежать вверх, против движения эскалатора — куда там!

Это вниз еще можно пробежать против хода, но уж никак не вверх! Амадеев в отчаянии оглянулся — расстояние до низу уже стало меньше, чем до верху. Хорошо, там будет эскалатор наверх — я просто вернусь вверх за пылесосом, — Амадеев стремительно пробежал вниз, влетел на эскалатор, ведущий вверх, и только тут с ужасом понял, что этот эскалатор ведет не назад, к пылесосу, а выводит пассажиров на улицу, на выход — совсем в другую сторону! И билет-то он у контролера забыл взять! А контролер, который знает Амадеева, уже сменился и сидит теперь внизу. Более того, он сидит и показывает билетом на уезжающего на эскалаторе Амадеева и что-то говорит все той же толстухе, наверно: «Смотри, это тот самый — полетел, даже билет не взял! И как он выйдет-то теперь?» Действительно, подумал Амадеев, как же я выйду-то, без билета? Ерунда, там есть щель между ограждениями — я протиснусь вбок и опять окажусь на входе около пылесоса! Мне выходить-то и не надо! Останется только убедить другого контролера, что я билет уже покупал! Он же наверняка знает своего напарника! Амадеев протиснулся между стальными ограждениями у дверей и снова оказался у входа: но теперь его стерегли две женщины — старуха-контролер вся в черном и молодая продавец билетов, в яркой и модной одежде. Амадеев, воровато озираясь, стал подходить к контролерше, пытаясь придумать, как он объяснит ей всю эту историю с пылесосом. «И-и-и даже не подходи! я вас, алкашей, насквозь

вижу!» — заверещала старуха. «Почему алкашей?» — удивился Амадеев. «А э-э-это что??» — старуха вытащила из кармана Амадеева бутылку водки и стала демонстрировать ее симпатичной продавщице билетов. «Ну у вас и логика! — возмутился Амадеев. — Если у меня есть бутылка водки, то, значит, я — алкаш? Ну тогда если вы одеты в черное, то вы — ведьма!» Молоденькая продавщица прыснула со смеха. «Ладно, я билет куплю», — сказал ей Амадеев

и проснулся.

— Презираю! — сказал он Подсознанию.

— Да мне все равно, — сказала Подсознание.

— Ну какие еще билеты в метро? — возмутился Амадеев — Билеты на вход, билеты на выход. . .

— Я же тебе сказала, мне все равно. Мне до тебя нет дела. Не нравится — не спи.

Амадеев старел по ночам.

Ночью вещи перестают лгать.

Ночью звери перестают спать.

Ночью люди перестают жить.

Ночью солнце перестает светить.

Ночью луна тонет в облаках.

Ночью душа стонет в кандалах.

Ночью мысли — как ножи.

Ночью подушки — как ежи.

Ночью буквы слипаются в мух.

Ночью смерть говорит вслух.

*Ночью ничто смотрит в окно.
Ночью никто обнимает ничто.
Ночь — навсегда, ночь — навек.
Ночь — это Черный Человек.*

Амадеев сжал голову, чтобы рассеять мрак, выжав искры из глаз или хотя бы мысли из головы. . .

Периодически и неожиданно налетающая чернота была для Амадеева неразрешимой загадкой вплоть до одного эпизода, который с натяжкой можно считать забавным, а без натяжки — поучительным.

Как-то, по причинам, не относящимся к данному повествованию, Амадеев совсем захирел. Ну совсем стало Амадееву черно — духовно, душевно, физически и во всех остальных смыслах. Ну совсем невмоготу. Ну дальше некуда. К тому же, как назло (надо ж так совпасть), Амадеев как раз начитался «Мифа о Сизифе», а это, если кто читал, жить отнюдь не помогает, хоть и складно написано. . .

И вот совсем Амадеев у нас никуда. Нда, и мысли там всякие. Да-да, и те самые, увы, и те самые. . . И вот ходил, ходил Амадеев из угла в угол, что-то такое безысходное себе думая, и как бы невзначай залез в холодильник (о, человек, тебя уважать непросто — ну посудите: мысли там всякие, а в холодильник все равно лезет. . .) Но вот открыл-таки Амадеев холодильник и увидел стоящую там (не поверите) бутылку пива. Причем хорошего такого, Рижского. И вот

(продолжая думать *те же самые* мысли) Амаде-ев открывает пиво и эдак как бы даже и невзначай, пиво это самое, значит, пьет. . . Пьет, пьет. . . Допивает. . . Выпил, значит. . . Походил по комнате. . . Что-то там такое поделал. . . Посидел. . . Покурил. . . Поискал пепельницу. . . Вспомнил гочину пепельницу-черепушку и еще походил по комнате, размахивая руками и декламируя:

*To be, or not to be, that is the question:
Whether 'tis nobler in the mind to suffer. . .
как там дальше-то. . .
. . .or it is just ok to suffer not??!*

И так вот исподволь, постепенно, с немалым для себя удивлением обнаружил, что *тех самых* мыслей-то уже и нет. Не то, чтоб «щастье» там, или что-то наподобие, но *мыслей тех* — уже нет. Пиво в животе — есть. Мыслей (тех самых) — нет.

Из этого пустячного, казалось бы, эпизода Амадеев извлек сразу несколько уроков:

1. Все действительно безнадежно плохо, если вам так угодно, только непонятно, зачем вам именно так угодно.

2. То, что происходит у вас в голове, не обязательно будет доступно, понятно и подвластно носителю головы. Поэтому не стоит особо обращать внимания.

3. В сомнении — воздерживайся. А если все сомнения рассеялись — все равно воздержись.

4. It is ok to suffer not. Даже если из твоего самолета вывалилась королева.

5. Пиво в холодильнике хранится долго, запаситесь на всякий случай.

Амадеев вспомнил про свое неожиданное избавление, и ему стало немного легче (не очень много: пива в холодильнике не было точно, — а ведь нужна-то — всего одна бутылка!).

Тут надо сделать отступление. Некоторых читателей в этом месте могли посетить примерно такие мысли: «Ну разумеется, изменение сознания при помощи химических веществ. . . В субъективно положительную сторону. . . Изменяли, знаем. . . Уже через несколько часов после “просветления” наступит помрачение, причем такое, что лучше б и не светлело. . . И мысли *те самые* вернутся — с утроенной силой. Или, может, предложите уйти в перманентный запой?»

Ни в коем случае. Амадееву полегчало не от этого. Размышление его было следующим.

Да, химические. Кстати, не важно какие — рыбий жир. Немного повоздействовали на какие-то другие химические — в амадеевской башке (или бошке, не важно). В результате состояние Амадеева «улучшилось». Что это означает? А то, что отношение Амадеева и к ситуации, и к самому себе, до воздействия химических — было взято с потолка, было глупым, необоснованным, малодушным, — каким угодно, но только не адекватным. Ведь если бы оно было

верным, адекватным, — «рыбий жир» *не смог бы его «улучшить»!*

Ну посудите сами — если отношение Амадеева и к миру вообще, и к вопросам жизни и смерти, могут изменить, извините, пол-литра перебродившего кваса — чего стоит такая позиция, да и сам ее обладатель? И тут мы подходим к самому интересному: а раз так, то *нужен ли вообще квас?*

Хорошо, хорошо, квас нужен (не пугайтесь, любители спиртосодержащих), но отнюдь не для «облегчения» или «просветления», а чтобы именно напомнить о своей, по большому счету, ненужности. (Не очень запутанно? Нет?) Потому что, только осознав его необязательность, можно им по-настоящему и насладиться-то, впитать вкус и аромат — и пива, и свободы — как от самого пива, так и от надуманных проблем, якобы им решаемых. Пивом можно насладиться только тогда, когда его пьют *ради самого пива*, а не *чтобы* стало «легче». Про это не скажешь лучше, чем сказал малокомуизвестный австралийский писатель Генри Лоусон: «После пива чувствуешь себя так, как всегда и должен себя чувствовать — без пива». Поэтому:

выход не в том, чтобы «найти решение», а чтобы понять, что проблемы — не было.

Именно в этом и заключается здоровье, несомое цинизмом. Не какой угодно цинизм годится, заметьте, но только здоровый — тот, который позволит увидеть «проблему» со стороны, сверху, сбоку — и не воспринять ее всерьез.

Амадееву стало немного стыдно от этого воспоминания, потому что причиной навалившейся черноты, на самом деле, был (всего-навсего) пресловутый ГЗ.

Сокращение ГЗ никогда в лексиконе Амадеева и Жиби́на не расшифровывалось. Произносилось оно всегда как «Гэ-Зэ», и со временем из сокращения превратилось в самостоятельный термин — намного более емкий, чем породившее его неуклюжее словосочетание.

ГЗ стал постепенно обозначать любую экзистенциальную угрозу или проблему, атакующую человека извне — сокращение стало применяться ко всему, что мешало расти (а, может, даже и цвести) тому, что находилось внутри у Амадеева и Жиби́на. Любая форма несвободы, «нужности», «важности», «необходимости» или «срочности», заставляющая Амадеева или Жиби́на быть кем-то иным, нежели просто Амадеевым и Жиби́ным, получила ярлык «ГЗ».

Причем ГЗ всегда должен был тянуться. Неприятное, но быстровыполнимое дело ГЗ не являлось. ГЗ всегда мешал жить долго. Все эти отчеты о научно-исследовательской, все эти огромные стенды к чьим-то непонятным «праздникам», все эти ненаписанные, ненарисованные, несданные, «забытые» (но о которых обязательно напомнят) обязанности и задолженности не могли не отравлять жизни Амадеева, Жиби́на и большинства других, столь же и в связи с этим же несчастных людей.

Амадеев и Жибин обсуждали ГЗ часто и подробно, ища, и не находя ему ни противодействия, ни противоядия.

Амадеев задумался. Вот же важное дело, вот над чем надо поработать. . . вот, может быть, ключ к счастью всех людей планеты? Или хотя бы отмычка. . .

Амадеев представил себе ГЗ в виде некоего поршня, пытающегося заполнить душу человека сверху, а душу человека — в виде цилиндра, куда этот поршень пытается влезть. Разумеется, если внутри пусто, то вжик — и у вас внутри нет ровным счетом ничего, кроме ГЗ. Как тут с ума не сойти. . .

Но что эдакое такое может оказаться внутри, что может помешать войти «нужному», «важному», «необходимому» и «срочному»? Амадеев вспомнил бесконечные и бесчисленные разговоры с Жибиным о ГЗ и вдруг ясно увидел *структуру* этих разговоров.

Жибин всегда начинал такой разговор с констатации крайней бессмысленности и неприемлемости ГЗ (с различной степенью детализации и выражением разного количества отрицательных эмоций), но всегда заканчивал его рассказом о каком-нибудь деле, которое он, Жибин, внезапно (и — с радостью!) обнаруживал (усматривал, вспоминал, придумывал), и которое настолько не терпело отлагательств, что легко и полностью вытесняло ГЗ. Таким делом могли быть как грандиозные предприятия (напр. поимка и дрессировка мышей для

мышинного цирка), так и относительно несложные действия, напр. срочное дописывание и отправление письма Амадееву.

Вот же оно, решение животрепещущей проблемы современности (а может и всей истории всего человечества?! Не высыпающиеся из глаз Амадеева искры вспыхнули фейерверком откровения.

Пальма авторства, разумеется, ни Амадееву, ни Жибинову тут принадлежать не могла. И Жибин, и Амадеев, и еще очень многие люди на самом деле давно и эффективно научились решать животрепещущую (интуитивно). Просто это еще никто не сформулировал (и не зарегистрировал). И не издал «Практических Рекомендаций по Устранению ГЗ (с Приложением)». (Ладно уж, просто с одним приложением, подумал Амадеев, без дополнений. Но приложение быть должно: в нем будут описаны частные случаи практического применения способов устранения ГЗ наиболее успешными устранителями).

Мммм, подумает читатель, какие это такие «многие люди», которые «давно и эффективно научились»? Где они, позвольте узнать? Зайдите, к примеру, в любое учреждение — там один ГЗ на 100%, ни противодействия тебе, ни противоядия. Верно, потому что противоядие ГЗ хорошо известно категории людей, которые в учреждениях не работают. Кто же эти замечательные люди? Правильно — это *дети*.

Тут надо сделать одну важную оговорку. «Делай *свои* дела, иначе будешь делать дела других», сказал как-то один не всем известный китайский философ. Он, видимо, тоже про ГЗ размышлял, но не доразмыслил до конца. Не так-то все и просто. («Практические Рекомендации» явно должны будут начинаться с теоретической части, с удовольствием подумал Амадеев.)

Допустим, возьмем зам. начальника отдела. Ну, к примеру, собирает он марки. Хобби, типа, у него. Ну, хорошо, замечательно. Но что вы думаете — он сможет взять, и, к примеру, вместо квартального отчета заняться марками? Типа поперекладывать их в более «правильном» порядке? Наивные. Точнее, не достаточно наивные. Зам. начальника пропал, это без вопросов. Он никогда не сможет поперекладывать *вместо* ГЗ, потому что он Взрослый и Умный и знает, что ГЗ — Важней и Страшней. Намного. Намного много. Он не сможет избавиться от ГЗ, потому что *внутри у него нет ничего, обладающего плотностью* ГЗ. Поршень вжик — и там.

А у любого нормального ребенка — ЕСТЬ! За исключением детей, изувеченных папами-зам. начальниками отделов и мамами-училками. К примеру, училка в школе на нормального ребенка а-ну ГЗ наваливать, а он, как ни в чем ни бывало, придет домой и весь вечер — марочки поперекладывать. И даже не поперекладывать, а просто так рассматривать, и даже может быть не сами марки, а, скажем, их перфорацию изучать-

мерить (а она, оказывается, вся разная, да это же интересно-то как, тут нельзя не составить перечень имеющихся в коллекции типов перфорации с примерами и измерениями!), а потом просто у раскрытого шкафа на полу сидеть, читать, к примеру, Словарь иностранных слов на букву «П»: все слова подряд после слова «перфорация» с этимологией и определениями. . .

Важно: ребенок этот забыл про ГЗ не тогда, когда добрался до интересного, а еще до того, как альбом с марками в руки взял! Как только училка стала наваливать, у ребенка уже в голове марки возникли. И заулыбались ему.

Вы скажете, это просто безответственный, невоспитанный ребенок, который не хочет делать домашние задания. Вы — глупы, если вы так думаете. Или больны (трудно сказать, что хуже). У ребенка просто есть *здоровое противоядие* ГЗ, *по плотности равное* ГЗ. Поршень вж. . . — а не тут-то было, место занято! Ребенок — *не пухляк* типа зам. начальника; у отрока внутри есть здоровый наполнитель, без которого отрок не был бы свободным человеком, обладающим собственными интересами и человеческим достоинством, да и просто не смог бы выжить. Ему это наполнение-противоядие дано, если угодно, свыше, *чтобы он еще в детстве не загнулся!*

С точки зрения зам. начальника или училки ребенок делает **НЕНУЖНОЕ ДЕЛО**, а с точки зрения ребенка это *единственное* и дело-то, а

все остальное — вообще не дела. Они просто *не существуют*.

О, Ненужное Дело! О, единственное, что делает человека человеком, спасая от тупого животного выживания и размножения! О, великий общий знаменатель родственных душ! О, дверь к свободе! О, сама свобода, без дверей и границ! Тебе поем, стихослагаем и пишем прозой, ради тебя держим фиг в кармане. Сам понял — другим не говори. И главное — не бойся. Вот тогда (и только когда!) «станете как дети».

Амадеев встал и потянулся. Ночь отступала. Черный Человек давно и незаметно ушел.

Да, тут письмом к Жибиному не обойдешься. Тут надо будет обсудить при встрече, тем более, что Жибин собирался скоро приехать. Такую тему нужно «заначить», чтобы не испортить необдуманными проектами «Практических Рекомендаций». Противоядие ГЗ требовало предварительного обсуждения, причем серьезного, научного, тщательного.

Амадеев стал вспоминать Ненужные Дела, которыми он и Жибин страдали на протяжении своей жизни.

Ненужные Дела Жибины были многочисленны, интересны и разнообразны. Чего стоит одно обертывание всех (!) книг домашней библиотеки или Мышиный Цирк!

Ненужных дел Амадеева также было немало, хотя они были, как бы, менее заметны, чем великие свершения Жибины. Амадеев стал

вспоминать. Действительно, их было настолько немало, что Амадеев немедленно захотел составить их полный и точный перечень.

Полный и точный включал бы, например:

— изучение устройства и принципов функционирования механического петуха путем его разборки и анализа (в возрасте трех лет или около того);

— изготовление свистков и маленьких дудочек из ветлы в профессиональном качестве и промышленных количествах (в возрасте ок. восьми лет);

— изготовление подробной карты местности проживания Амадеева с указанием названий улиц, магазинов и понятных Амадееву учреждений (школ, домов культуры и т.п.) (в возрасте ок. девяти лет);

— поиск слова на определенную букву при отгадывании кроссворда путем прочтения всех слов (и их определений) на такую букву в словаре (в возрасте ок. десяти лет);

— изготовление пугачей и стреляющего обрезками гвоздей огнестрельного оружия, начинаемого головками спичек (в возрасте ок. одиннадцати лет);

— изготовление транзисторного радиоприемника путем компенсации недостаточных познаний в электронике повышенным упорством в паянии (в неизвестном возрасте);

— побуквенное копирование полного текста либретто рок-оперы «Иисус Христос — супер-

звезда» на английском языке без какого-либо понятия о таком языке (в пятнадцать лет);

— составление указателя рифм рубаев Омара Хайяма (чтобы можно было отыскать четверостишие не по первому слову, а по рифме первой строки);

— изучение чешского языка в целях последующего изучения языка монгольского (учебник монгольского был раздобыт, но, увы, на чешском. Да, такие бывают.);

— написание автореферата диссертации «Научные основы оптимизации приобретения и употребления спиртных и спиртосодержащих напитков». . .

Перечень можно было бы продолжать долго и легко превратить в фактическую биографию Амадеева, содержащую разделы, относящиеся к любой сфере жизнедеятельности Амадеева и описывающие любой ее период. (При мысли о «диссертации» Амадеев вынужден был почесать в затылке).

Легкий стыд — непредосудительное дело, подумалось Амадееву. Стыд-то только с одной стороны, со стороны зам. начальника и училки. А со стороны Амадеева, Жибина и (большинства) детей — радость и легкость! О да, Амадеев, Жибин и дети (увы, не все), «многого в жизни не достигнут». Да и ладно. Не больно-то и хотелось! Потому что мы также не достигнем ни страха, ни злобы, ни раздражительности зам. начальника или училки. (Амадеев, который «училкой» уже был, немного себя посоотносил — но, нет,

вроде бы нет пока. . . Но надо следить, расслабляться нельзя. . . Жибин, кстати, тоже училка, хоть и рисования, во попали. . .)

Амадеев прикинул соотношение адептов Ненужных Дел среди детей и среди взрослых. Точнее, так наз. «взрослых». Картина складывалась неутешительная. Необъяснимым образом, где-то в подростковом возрасте, усы и менструации начинают вытеснять Ненужные Дела; человек становится членом все большего количества ДОСААФов, его принимают на работу или на службу в «учреждения» и «организации», и-и-и. . . понеслись исключительно «нужные» дела, причем по полной программе. А уж если человек женился или вышел замуж, то тут ненужное дело уже становится преступлением и против человечества, и против человечности. За это я даже не знаю что надо делать!!

Амадеев явно разошелся. «Развал — схождение, — сказал себе Амадеев. — Разошелся? Сходись».

Амадеев сошелся и подумал, что и простым обсуждением данного вопроса с Жибиным уже (почему «уже»?), именно: *уже* не обойтись. Когда приедет Жибин, будет организована, проведена, созвана. . .

*Учредительная Конвенция
Ордена
Магистров Ненужных Дел*

Амадеев представил себе эти слова высеченными на бронзовой доске (курсивом) при входе в Центр проведения Учредительной Конвенции и длинные очереди к расположенным в фойе столам регистрации. . .

Нда, похоже в длинной очереди будут пока что два человека. Но Рекомендации, Устав и Программу-то Ордена надо уже готовить! Амадеев воодушевился, и ринулся было к машинке, но тут же сдержал себя.

Новое Ненужное Дело обещало стать блестящим, грандиозным проектом, это нельзя было скомкать или смазать. Амадеев представил себе, с каким воодушевлением художник Жибин будет создавать дизайн ордена Ордена. Нет, спешкой тут только все испортишь. Это дело нужно выносить, не выстрадав.

Вот уже и первое положение Устава Ордена!

1. *МНД* (Магистр Ненужных Дел, как вы догадались) *обязан Ненужное Дело выносить, не выстрадав.*

Амадеев уверенно заходил по комнате. Какие бы еще положения включить. . . О, их будет много, не меньше пяти! Вот:

2. *Важнейшая отличительная черта Магистра Ненужных Дел — комплекс полноценности.*

Без него ГЗ задавит в момент. Помнить: *уверенность в себе — это просто пониженный интерес к тому, что́ думают про тебя другие.*

Ладно, уверенность в себе — это хорошо, но как быть, если НД — реально сложное? А если практически невыполнимое?? Тут одной уверенности не хватит. . .

3. Невыполнимость задачи остановить Магистра Ненужных Дел не может.

МНД берет пример с лягушки, которая выкарабкивалась из крынки со сливками до тех пор, пока не взбила сливки в дефицитный продукт питания, а взбив, вылезла и пошла по своим делам, даже не попробовав своего продукта.

Молодец, ляга. А, главное, как она потом шла. . . Спокойно так. . . С ней ничего уже не случится. И не надо ей никакого масла. . . А на душе легко так, приятно. . . Вот:

4. Деятельность Магистра Ненужных Дел ему приятна.

Только не надо презрительных ухмылок! Это отнюдь не означает, что Магистр ставит свое удовольствие выше Ненужного Дела. Но удовольствие — индикатор, что Дело — именно Ненужное. Неприятное дело может быть откровенно ненужным, но Ненужное Дело не может не быть приятным. Поэтому:

5. Из нескольких Ненужных Дел Магистр Ненужных Дел делает самое Ненужное.

Так приятней. Но:

6. Не все Ненужные Дела не нужно не делать.

Ночь совершенно рассеялась. От блеска бронзовой доски Учредительной Конвенции стало светло, как днем.

Амадеев неожиданно почувствовал усталость и желание прилечь. Хм, подумал Амадеев. Хм. Это хороший знак. Мы — на правильном пути, а если нет, то следуем верным курсом. И, главное (занести в Устав):

7. Не превращать НД в ГЗ!

19. Яд и противоядия

Проснувшись, Амадеев первым делом с апломбом вклеил Подсознанию — «А вот куда я и не должен идти, куда, якобы, был должен, но не пошел, и ничего такого я и не должен делать, что, якобы, был должен, но не сделал!! Ура!!!» — и тут же решил написать ответное письмо Жибиному. Вот важное Ненужное Дело! О нет, не про ОМНД (расшифровали? ну, молодцы). Отнюдь. Просто. Ответное письмо. Ну как вы не понимаете. . . В ответ на письмо про войну ручки и карандаша Амадеев просто обязан создать что-нибудь равноценно высокохудожественное, превзойти образчики отечественной монументальной лит-ры, потрясть и сотрясть.

Амадеев сел за стол. «Что чистописать прикажете?» — машинка приветливо помахала вылеченной буквой «ч». Первые слова получились такие:

"Еще не войдя на территорию завода, Иванов заметил что-то неладное". Нет, это недостаточно монументально. И не по-рабочему. Какая-то территория какого-то завода. Это должно быть что-нибудь родное, рабоче-трудо-вое. **"Еще подходя к проходной, Иванов заметил что-то неладное".** Да, это лучше, сразу видно вертушку, деревянный ящик с пропусками и тетку со свалывшейся грязной красной повязкой на руке. Только не Иванов, что за пошлость (Иванов — это у нас передовой строи-

тель, это уже занято. . .) Нет, это кто-нибудь производственно-сермяжный, какой-нибудь. . . Кожевников. Точно, "Кожевников заметил что-то неладное. И не заметил даже, а скорее почувствовал всем своим естеством (психологизм пошел) — какух-то пока еще не давшую о себе явственно знать неладность, неустроенность, неправильность (синонимия — прямое доказательство богатства вокабуляра писателя. Муки выбора слова приятно сближают с асом Пушкиным). Пахомыча еще не было". Плохо. Где не было-то? "Пахомыча еще не было в будке. . ." ага, в будке-то в будке, да вот кого? Представителя какой-нибудь узкой (не всем нерабочим растяпам сразу и понятной-то) специальности. Вперед к конкретности, определительности образа! "Пахомыча еще не было в будке инструментальщика". (Можно и непонятней было бы подобрать. . . лекальщика, автоварщика, вулканизаторщика, сепараторщика, шлифовальщика — вот сепараторщика вроде бы ничего. . . ладно, потом выберу).

Амадеев устал. Начало романа из жизни монументальных людей Кожевникова и Пахомыча, строящих, наверное, чрез (4 буквы) тернии, новую жизнь к звездам, далось нелегко. Как все монументальное. Но, как (возможно) говорят в Англии, «Хорошо начать — наполовину сделать». А раз так, то осталось дописать совсем немного.

Амадеев встал, походил по комнате. Не сильно, но хотелось какой-нибудь недуховной пищи. В принципе, и сухарем можно до утра обойтись. А ведь когда-то я писал сочинения с гораздо большей легкостью.

Амадеев залез под шкаф и махом выгреб оттуда кучу старых школьных тетрадок. В куче также находились два номера журнала «Наука и жизнь» за 1968 год, дневник ученика 3-го «В» класса Амадеева Викентия на 1969/70 учебный год (от неделикатности Амадеева дневник раскрылся сразу несколькими «двойками», и Амадеев поскорее прихлопнул его), а также масса разрозненных листочков и открыток, относящихся к неизвестным периодам филогенеза.

Амадеев выбрал из кучи самую пыльную тетрадку. Тетрадка раскрылась наружу полуразогнутыми ржавыми скрепками (вырывались сдвоенные листы), и из нее выпало письмо. Амадеев поднял его. Адресованное его матери, письмо относилось к гораздо более позднему этапу развития живых существ, нежели тетрадь. Как это оно попало в тетрадь? Читать чужие письма нехорошо (как правило), но интересно (изредка) и поучительно (еще реже). Начнем, однако, с опасной тетрадки.

Дневник
по внеклассному чтению
ученика 5-го «В» класса
средней школы № 44. . .

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Шотландец Гарри Грант на корабле «Британия» отправился в плавание с целью на каком-нибудь острове образовать независимую шотландскую колонию. (Период — незаконно-рожденное дитя желаний писать короче (мама) и необходимости втиснуть всю ценнейшую информацию в этот обрубок (папа)). На родине он оставил двух своих детей — Роберта и Мэри. Матери у них не было, она очень рано умерла, и старшая сестра Роберта Гранта — Мери Грант — стала его второй матерью.

В то время яхта «Дункан» плыла из Америки в Шотландию. Яхта эта была собственностью состоятельного шотландца Эдуарда Греналвана. Матросы, увидев за бортом рыбумолот, — разновидность акулы — поймали и убили ее. Один из них посоветовал вспороть ей брюхо. Акулы глотают все без разбора.

(Амадеев прервался и поглядел в окно на небо к Богу. Бог сидел на своем обычном месте — на белом облачке. Над головой у Бога был нимб. «Спасибо», — сказал Богу Амадеев. “No problem”, — ответил Бог на чистом шотландском языке).

Акулы глотают все без разбора. Там обнаружили бутылку с воззваниями о помощи на

трех языках. Вода смыла некоторые слова, но смысл удалось расшифровать.

Греналван заехал в Шотландию. Там он разыскал детей капитана Гранта. Со своей верной командной он двинулся на поиски.

Путешественники объехали весь земной шар. Три раза они по-разному толковали найденные документы, и три раза они ошибались. Мужественные дети капитана Гранта совсем отчаялись. «Дункан» плыл в Европу. Ночью Роберт и Мери, стоя на корме, услышали крик. Дети узнали в нем крик отца. Мери упала в обморок. Были спущены шлюпки. Гарри Гранта и трех матросов с «Британии» спасли.

Краткое содержание изящно завершалось бело-красным спасательным кругом с надписью «Дункан». Вокруг спасательного круга бушевали карандашные волны мирового океана.

ОТЗЫВ

Греналван, вся команда «Дункана» были очень мужественные люди. На «Дункане» плыла жена Греналвана и Мери Грант. Две женщины стойко переносили все невзгоды путешествия. В начале розысков, когда путешественники высадились на американский материк (буква «а» пропущена, разумеется, не по ошибке — под нее оставлено место, — а в благом намерении посмотреть где-нибудь, какой ей положено быть: большой или маленькой), Роберт спас трех человек: Греналвана, матроса с

«Дункана» и индейца, коренного жителя Америки (на случай если кто не знает), проводника. (Это, значит, «отзыв» у нас идет полным ходом.) Эти три человека и Роберт отправились далеко в сторону от пути к реке, за водой. Около реки их застигла ночь. На берегу стоял старый заброшенный форт. Около полуночи форт окружили волки («отзыв» набирает силу и драматизм). Волки были со всех сторон. Проводник уже хотел спасти разведчиков, сесть на лошадь и отвлечь волков, но Роберт опередил его. К счастью, он сел на лошадь индейца, и своей быстротой она спасла его от голодных волков.

Много раз путешественники спасали друг друга, и только поэтому розыски закончились успешно.

Книга мне очень понравилась.

«Пиши чище» — все, что пришло в голову училке написать Амадееву в ответ. «Мериканский» материк проскочил незамеченным, несмотря на свой размер и увеличенный междусловный пробел. Под «отзывом» стояла зачеркнутая красная «тройка», а рядом с ней — «четверка». От тройки, видимо, спас развеселый спасательный круг с веревочкой по периметру.

Амадеев понюхал, как пахнут жучки-точильщики, и кинул тетрадку назад в кучу. Дневник по внеклассному чтению улегся рядом с дневником обычным. Амадеев вздохнул, и раскрыл его: «два», «два», «кол», «вел себя как разгильдяй», «безобразничал», «был пересажен»,

«был поставлен», «корчил рожицы». . . Амадеев невольно скорчил рожицу. Это даже интересно, подумал он. Надо перечитать на досуге. Он поставил дневник в шкаф, к книгам, на почетное место, запихнул архив ногой под шкаф и развернул письмо, прятавшееся в дневнике по внеклассному чтению.

Положить его в литературную тетрадку никто не мог. Значит, запрыгнуло само, это сколько хочешь, с письмами держи ухо пистолетом — письма Жибина, по его рассказам, просто жуть какие прыгучие, просто как блохи: хлоп! и ищи его.

«Связь», — подумал Амадеев, — это «Связь». Какие у нас могут быть связи, кроме порочных? Прочные? Обширные? Многосторонние? Многочисленные? Дружеские? Аааа, вот — родственные, ну конечно же (у Амадеева стало кисло на душе, но не читать он уже не мог, так легли звезды и встали карты). . .

«Здравствуй, Вероника!

Очень давно тебе не писала. Но не дольше, чем ты мне. Знаешь, твое молчание меня напугало. Ты же всегда замолкаешь, если что-нибудь случается. Но теперь, слава Богу, письмо твое получила, зря только волновалась.

Не писала я тебе совсем не «просто так». Я собиралась в Болгарию. Поехала я туда 17 апреля. Поехала в Ловеч. Мне хотелось купить себе меховое полупальто. Там они недорогие. В Варне их нет, а в Ловече они бывают главным

образом зимой и весной. Моя приятельница Цонка помогла мне купить мой размер, а то там даже пятьдесят второй — редкость. И очень недорого — 145 левов, т.е. 145 рублей. У нас такое стоит рублей триста. Так что был прямой расчет платить сто рублей за дорогу, а особенно если учесть, что я купила хорошее летнее платье за 30 левов (30 руб.) и модную кофту за 25 л. (25 р.). У нас соответственно такое платье стоит рублей 60-70, а кофта — рублей 45. Кроме того, купила обуви: босоножки немецкие за 10 л. (у нас — рублей 20-25), туфли на белом пластике с тряпочным верхом и такие же ботинки. Сколько у нас стоят — не знаю. У нас таких вообще никогда не бывает. В магазинах я, по крайней мере, не видела. Иногда вижу на ногах, но туфли точно такие же на толкучке — 35 рублей. С ума сойти! Я за свои заплатила соответственно 9 и 10 рублей.

У Цонки муж — полковник, а она сама — зав. хозяйственным магазином. В общем, отдохнула хорошо. Пробыла в поездке 19 дней. Приехала, а через шесть дней ко мне приехали знакомые из Софии. Они приехали хлопотать за сына. Ему нужно делать трансплантацию почки. Так как у Стояна был инсульт и ему надо жить с комфортом, я отдала им свою квартиру и 15 дней жила у Нади. У Нади — это, сама понимаешь, не дома. Потом порядок наводила недели две. Где-нибудь числа 27-29 снова поеду в Болгарию, на этот раз в Варну; теперь уж отдыхать. Но, знаешь, я почти пол-

ностью окупаю свою поездку вместе с покупками. Если продам все, что привезла, то у меня все мои затраты будут 100-150 рублей (включая сюда покупку пылесоса в Москве за 46 рублей). И это еще, можно сказать, неудачно, потому что я купила в Болгарии две дорогие вещи, которые в Москве продала очень дешево (почти за ту же цену, которую заплатила. Может, рублей 50 только и выиграла). А одну довольно дорогую вещь (60 руб.) подарила знакомой за то, что она сшила мне платье, будет шить и юбку. А вещь эта — покрывало из искусственного меха с двусторонним ворсом (очень симпатичное) стоила мне фактически много дешевле. . .»

Что это, тяга к отвратительному? — спросил себя Амадеев. — Или я как кролик перед удавом? Почему я это читаю?

«. . .Обычно мне поездки вообще ничего не стоят, но зато я привожу себе гораздо меньше. А уж ребятам и внукам подарков привезла в этот раз — рублей на 60.

Ну, до свидания. Жду от тебя письма. Привет Паше и Вике.

Римма

Да, я тебе забыла написать, что 14 ноября умерла Зина во Львове. Она упала и сломала себе шейку бедра. Ее увезли в больницу и там

она медленно умирала. Было ей 83 года. Ее соседка прислала мне письмо, и я поехала во Львов. Все было ужасно. Каждый день я через весь город ездила в больницу — полтора часа туда и столько же обратно. Зина постоянно несла какую-то околесицу — это просто ужас, что мне пришлось вынести! Самые ужасные были последние дни, когда она уже ни на что не реагировала, а только почти все время спала и храпела. (Храпа я вообще не выношу.) Последний день она вообще не открывала глаз, а храпела так, что я не выдержала и ушла. Потом мне сказали, что она умерла в полночь. Дни во Львове — как кошмар. Хорошая новая квартира — а полна тараканов и каких-то черных жуков. Сняла целую бахрому паутины. Зина никому не позволяла ее снимать — совсем из ума выжила. И представь только — я все время одна: в больнице с умирающей и в квартире, полной тараканов! За год до смерти Зина вызывала меня во Львов и написала завещание на мое имя. Денег у нее было дай бог 1000 рублей. Одним словом — на похороны. А потом написала завещание на все имущество. А приятельницам своим говорила, что она меня не любит, и все раздаст, чтобы мне ничего не досталось. (В квартире были одни страшные, никому не нужные дрова.) Из ее вещей я взяла только серебряные ложки и 5 чашек фирмы Гарднер. Еще взяла маленький телевизор и для Игоря холодильник. Он вполне приличный, я его отправила в адрес Игоря еще до его приезда.

Швейную машинку (старая ножная «Зингер», в очень хорошем состоянии) отдала ее знакомой. И вообще все отдала тем, кто ей когда-либо помогал. А помогали ей немногие. Она всех оскорбляла, обвиняла в кражах. . . (так соседка сказала). С нею все боялись иметь дело. Вот так и кончила свою жизнь моя последняя тетка. Какой была, такой и умерла — злой, эгоистичной, очень глупой. Ну да бог с ней. Если не Игорь, я бы не знала, что делать. Я же совсем одна. Конечно, поездку Игорю я всю оплатила из Зининых денег.»

Вот когда нужен сухарь-ампула.

Амадеев поднялся с пола. Эх, жаль, Ясперс помер. Вот тебе (ему) шестая пограничная ситуация — жизнь в блевотине.

Амадеев смутно осознал, что уж если и захлебываться в мерзости, то в своей собственной (не потому что менее мерзка, но потому что. . . более справедлива что ли), однако. . .

Амадеев постоял в оцепенении. Из оцепенения его вывел ставший неожиданно громким ход часиков. Время шло по своим делам.

Единственный выход. Яд надо нейтрализовать противоядием. Клин клином, блин блином, рука руку моет, а грязи только прибавляется. Амадеева кольнуло спасением утопающих.

Святая обязанность: найти, наконец, потерянное «Поле зрения» — единственный выход из шестой пограничной. Амадеев ринулся на поиски, как дрессированный лев по команде кида-

ется в огненное кольцо, но нечеловеческий заряд энергии остался невостребованным — кольца не оказалось, и лев непонимающе оглядывается на публику и дрессировщика. Бурные аплодисменты, все смеются. «Поле зрения» (еще недавно угрожавшее потеряться насовсем), нашлось неожиданно легко, вопреки законам Мерфи, Паркинсона и обычной подлости.

«Надо же, — Амадеев оглянулся на беспорядок в комнате, который даже для Амадеева уже не был порядком, — как удачно. Давно надо было подредактировать этот текст. Очень важное, и, главное, своевременное дело. Нет, не читать — ни в коем случае! Это было бы пустой тратой времени (!) и оскорблением автору. Смаковать, и сразу заносить в века, вырубать машинноклинописью!» Амадеев аккуратно разогнул рукописные листочки, подвинул машинку, вставил чистый лист потребительских форматов и залихватски отбарабанил:

Ростислав Сафронов
ПОЛЕ ЗРЕНИЯ
(Сон)

(Страница оставлена пустой
преднамеренно —
а слова здесь — чтоб не подумали,
что мы Enter локтем нажали)

20. Поле зрения

Жила-была женщина, довольно неплохая во всех отношениях. Только имя ее было несколько необычным: Несмеяна. И когда она знакомилась с мужчинами, то они ей всегда сообщали о том, что у нее очень редкое имя, что они никогда не видели женщин с такими именами и прочее в том же духе. Однако ей от этого не становилось ни тепло, ни холодно. Хотя, будучи еще маленькой девочкой, она глубоко переживала, что у нее такое имя, и терпела всяческие обиды от противных мальчишек, которые как только ни обзывали ее: и Сметаной, и Царевной-лягушкой, и Плаксой-ваксой-гуталином. Дело дошло до того, что Несмеяна стала называть себя разными другими именами, когда ее спрашивали: «Как тебя звать?» И хотя она почти не помнила своих родителей, в глубине души презирала их за то, что они наградили ее таким отвратительным именем. Бабушка же, с которой жила Несмеяна, всегда утешала ее, глядя по головке и приговаривая: «У тебя, внученька, очень редкое и изумительно красивое имя. У тебя будет большое и красивое счастье». Но внученька, естественно, не очень-то верила в бабушкины сказки.

Шло время. Бабушка умерла, Несмеяна стала взрослой и самостоятельной. В свои двадцать пять лет она умела шить, вязать, прекрасно готовила, была начитана, разбиралась в искусстве, занималась подводным плаванием и даже

участвовала в межрайонных соревнованиях. В общем, водолаз — не водолаз, а была она симпатичная, жизнерадостная девушка, которая никак не оправдывала своего имени: любила и поохотать и поозорничать. Она брала свое там, где видела свое.

Работала Несмеяна гинекологом на птицефабрике, любила свою работу. Но так как работы у нее было немного, то времени свободного была уйма.

Жили у Несмеяны дома четыре бедные курочки, которых она вылечила от венерических заболеваний и которых очень любила. Звала их по именам: Клара, Катя, Сеня и Архип, и самое удивительное, что курочки охотно отзывались на свои клички.

А в соседнем совхозе жил и поживал неплохой парень. Звали его Петром, он отслужил на флоте и был награжден медалью «За отвагу», а после службы вернулся в родной поселок. Работал он в восьмилетней школе трактористом-наставником, а так как работа занимала не слишком много времени, то Петр с удовольствием отдавал себя своему увлечению — работал по совместительству диск-жокеем в Доме культуры «Авангард», и подготовленная им программа с названием «Миру — мир!» завоевала первое место на республиканском смотре дискотек. В общем, Петр был нормальным молодым человеком, правда вином не увлекался.

И вот, на одном из дискотеков его внимание привлекла одна симпатичная девушка. Они познакомились. Ее звали Несмеяна.

Прошел год. Несмеяна и Петр сыграли свадьбу, а правление совхоза выделило молодым новый дом.

Прошел еще год. Молодые супруги жили-поживали и добра наживали, были очень счастливы, любили друг друга, а в поселке говорили: «Какая счастливая семья».

И все бы было хорошо, если бы не одно из ряда вон выходящее происшествие.

Несмеяна родила. Родила мальчика, прямо богатыря, весом в четыре с половиной килограмма. Когда он появился на свет, медперсонал пришел в ужас: у мальчика было три глаза. Причем два глаза были голубыми и расположенными, как у всех, а вот третий глаз был черным и находился сзади. Не буду описывать состояние родителей; нетрудно представить себе, что они испытали. Но делать нечего: родители есть родители.

В жизни молодой семьи пошел какой-то разлад. Петр ударился в пьянство, а напившись, обзывал жену скверными словами и гневно обвинял ее в том, что она родила такого сына. В общем, Петр не мог полюбить Никодима (так называли мальчика). А Несмеяна, как мать, не могла не любить свое дитя. Так они и жили, почти не разговаривая друг с другом.

Но шло время. Никодим начал ходить, и вот тут-то и обнаружилось одно его странное свой-

ство. Стоило ему взглянуть куда-нибудь своим черным глазом, как начинали твориться необъяснимые явления. Началось все с того, что Никодим зашел как-то в курятник, а потом оказалось, что подошли Клара, Катя, Сеня и Архип. А после того, как мальчик пообщался с собакой, она с диким ревом оборвала цепь и убежала в лес. Но самое страшное произошло с соседской девочкой Мариной.

Никодим и Марина играли как-то раз на улице почти целый день. Ну, играли и играли, ничего, вроде, особенного не наблюдалось. Однако ночью из дома, где жила Марина, раздались душераздирающие крики и истерический смех, а утром машина скорой помощи увезла папу Марины с поседевшей шевелюрой, маму с застывшей гримасой ужаса на лице и плачущую Марину с огромными ветвистыми рогами на голове. После этого происшествия начали поговаривать разное, но Никодима стали панически бояться.

А мальчик рос. Только вот научить его разговаривать никак не могли. Кроме того, отец спьяну стал часто выгонять сына из дому, и Никодим был предоставлен самому себе. Он или гулял в поле, часами любясь всходящими ростками, или стоял возле церкви, — в церковь его не пускали набожные старушки, — либо сидел на берегу старого заросшего прудика, время от времени болтая руками в мутной водице. Но самым любимым его местом была библиотека. Библиотекарша, после первого посещения библиотеки

четырёхлетним карапузом, быстро уволилась и уехала куда-то на Север, к родственникам. А Никодим стал ежедневно посещать библиотеку; ее решили оставить открытой, потому что никто даже и не пытался туда зайти — до такой степени народ был запуган леденящими душу рассказами о сверхъестественных свойствах ребенка.

Никодим же читал все подряд, причем по две книги одновременно. К шести годам он прочитал весь фонд сельской библиотеки, начиная с Большой Советской Энциклопедии и кончая «Справочником по дуговой электросварке».

В поселке дали Никодиму прозвище: Шива. Очевидно потому, что у мальчика тоже был третий глаз, только сзади. И хотя, наверное, не каждый знал, что такое Шива, или кто такой Шива, одни со страхом, а другие со злобой называли Никодима этим именем.

Пришла пора Никодиму-Шиве идти в школу. Так как он не умел, а может, не хотел разговаривать, то было решено, что ребенок будет учиться в специализированной школе для глухонемых детей.

Никодим проучился три недели. Учиться писать он не захотел, считать — тоже. Он не мог понять для чего людям нужны «дважды два — четыре» и «Мама мыла раму». Единственной вещью, привлекавшей его в школе, была пишущая машинка, стоявшая в классе на подоконнике. После каждого урока он подходил к подоконнику, ласково поглядывая на машинку, внима-

тельно изучал каждую деталь, гладил пальцами блестящие клавиши. А однажды он даже осмелился заправить в машинку листок и напечатать несколько букв. Когда учительница подошла посмотреть, что же такое он напечатал, Никодим-Шива резко вырвал листок и спрятал его в карман.

А на одном из уроков произошел такой случай.

Никодим-Шива долго разглядывал своим черным глазом девочку, сидящую за ним. Неожиданно девочка выскочила из-за парты и, закричав вдруг нормальным человеческим голосом: «Я так больше не могу!», бросилась к окну и выпрыгнула наружу. Все это было бы не очень страшно — первый этаж все-таки, — если бы в тот самый момент, когда заговорившая девочка прыгнула, под окном не проходил учитель химии с большой бутылкой серной кислоты. Девочка угодила прямо на него, он, не удержавшись на ногах, уронил бутылку; серная кислота выплеснулась на девочку и ожгла ей левую ногу.

Происшествие вызвало в поселке такую бурю, что Несмеяна и Петр не на шутку встревожились. А Никодим, как всегда после уроков, пошел гулять. Он брел по колоссящему полю, вытянув прямо перед собой листок бумаги с напечатанными на нем двумя словами: «ПОЛЕ ЗРЕНИЯ». Что означало столь странное выражение в мозгу мальчика? То ли он имел в виду свое собственное поле зрения в триста шестьде-

сят градусов, от черного сглаза которого ничто не могло укрыться, то ли думал о поле, по которому шел, и на котором зрел хлеб. В общем, остается только догадываться, что имел в виду Никодим-Шива. А может, ничего не имел; ведь истина глаголит устами обычного ребенка, а что говорит устами такого ребенка, никто не знает.

Петр в этот вечер вернулся домой, как всегда, очень пьяным. В его помутненном сознании крутилась одна мысль: «Все. Я выколю этот чертов глаз». Он взял шило и прошел в комнату сына.

Утром Несмеяна, как обычно, подошла к кровати сына, чтобы разбудить его, но не смогла этого сделать. Никодим был мертв. На подушке чернели пятна какой-то жидкости. Голубые глаза мальчика были широко открыты и смотрели прямо перед собой. Страшный крик материнского горя сорвался с губ Несмеяны и заметался по комнате. . .

Похоронить Никодима на кладбище не решились. Похоронили за оградой. Когда готовили трупик, никак не могли разжать правую руку, удалось лишь вырвать из нее кусочек бумаги, на котором был напечатан обрывок какого-то слова: «. . .ения».

Петра арестовали, Несмеяна осталась одна. Через несколько дней она сильно заболела и слегла, а через месяц после смерти сына скончалась. В этот же день пришло известие о том, что в тюрьме наложил на себя руки Петр.

А еще старик-конюх рассказывал, что в лесу появилось какое-то чудовище, похожее на собаку, — даже с ошейником и с обрывком цепи, — которое дико ревет, нападает на лошадей и коров и пожирает их целиком.

Теперь часто можно видеть, как маленькая девочка, на костылях, приводит разных людей, в основном приезжих, к кладбищенской ограде, к небольшой могилке, на надгробной плите которой написано «Никодим», даты рождения и смерти. А сбоку детской рукой приписано: «Шывочка».

(Страница оставлена пустой
преднамеренно — а не по ошибке)

Количество опозданий на уроки — *10* **стирал**
и пришил безразличный
 Количество опозданий на уроки — *11* **стирала**
Делитесь погони.
записали циркулем на уроке
 Количество опозданий на уроки — *11* **был**
культуры **Плюше победы**
 Количество опозданий на уроки — *11* **был**
не убирает свое место
всему классу поставил
6 забирался на окна в туалете.

Количество опозданий на уроки — *14* **14/1**
Чисе второй день не приносит альбом по рисованию
всего
на фоне русского ат. рисовал

Рисовал	71	Плюше победы
---------	----	--------------

27/1 Не принёс альбом по рисованию.
28/1 Из под рубашки торчит чёрная майка.

Не забывает, берёт это краешек, нарисованный палочкой

Плюше	71	Плюше победы
-------	----	--------------

Спорил на занятии, не был дисциплинителен
 40 уроки

15 курганцы на уроке ритмики
 порвал товарищу рубашку
 44, нр. 95 9(1)

Повторить все циркули.
 Нарисовать порядок на уроке.

Грибы	2	2	2
-------	---	---	---

Пропуск ур. **2** **3**
 Количество опозданий на уроки — **2** **3**

19/11 — Был удалён с урока арифметики за бесконечные разговоры.

21. Дневник

ДНЕВНИК

Ученика 3-го «В» класса
школы № 44
(города, села) Рязани
(района, края, обл., АССР)
Амадеева Викентия
(фамилия и имя)
на 1969/70 учебный год
для III–VIII классов

6 сентября, суббота

Забирался на окна в туалете.

Амадеев попытался вспомнить, зачем ему это понадобилось. Он представил себя обезьяной, буквально лазающей по оконным переплетам.

8 сентября, понедельник

Поведение в буфете — 2 (Зенкина)

Кручусь.

«Кручусь». Я. Воспитание. Сам, своей рукой запишешь себе замечание в дневник, негодяй. Оно и училке легче, возни с вами меньше. Амадеев вспомнил, какое это было унижение: своей рукой подписывать себе приговор. . . А в буфете чего учинил? В буфете масса возможностей учинить, на самом деле. . .

11 сентября, четверг

Чтение. Косарь — 5 (Зенкина)

Был некультурный.

«Косаря» прочитал хорошо, а культурки-таки недостает. «Был некультурный» — это эвфемизм. Явно сделал что-то такое, что ханжеским школьным языком описать нельзя (даже если хочется). Самое вероятное — ковырял в носу, но не факт, вариантов много.

12 сентября, пятница

Русский. Упр. 28, 31 — 2 (Зенкина)

Фр. яз. Опоздал.

Т. Амадеевы! Почему Ваш сын опаздывает на уроки?

Что же, ни по русскому, ни по французскому не заладилось, будущий филолог? . . . А опоздал, ну что, учиться никогда не поздно.

13 сентября, суббота

За внекл. чтение — 2 (Зенкина)

Почему родители не расписались в дневнике?

За дневник — 3

Поведение — 4

Прилежание — 3

Поведение 4 — ясное дело. На одной только неделе забирался на окна, крутился, безобразничал в буфете, опаздывал, всюю проявлял некультурность — как тут «пять» поставишь. . .

16 сентября, вторник

Арифм. Задача 79, пр. 93 (123) — 3 (Зенкина)

Труд. Кружки, закладки — 5 (Зенкина)

Хулиганил на уроке ритмики. Порвал товарищу рубашку.

Читается, как криминальная хроника. Да, что-то такое припоминается. Но, кажется, Чирков полез первый, а получив от маленького Вики хорошей сдачи, заплакал и побежал жаловаться, демонстрировать ущерб, нанесенный собственной личности и личной собственности. . . В нищей стране собственность — святое. За рубашку Амадеева поставили перед классом, и до конца урока называли разными словами, из которых «фашист» не было самым сильным. Одноклассники сидели тихо. Развлечение тухлое, лучше уж арифметика. . .

9 октября, четверг

Контрольная работа — 2 (Зенкина)

Без комментариев.

11 октября, суббота

За дн. во внекл. чт. — 4 (Заполняй аккумулятивнее)

Не забывать: буквы — это прямые, наклонные палочки.

Так прямые или наклонные, Зенкина? Да и палочки ли они, буквы-то? Это что тебе — шумерская клинопись? Там еще крючочки и кружочки всякие к палочкам приделаны. . .

14 октября, вторник

Уже второй день не приносит альбом по рисованию.

15 октября, среда

Русский. Упр. 153 — 4 (Зенкина)

На уроке русского яз. рисовал.

Вчера уже второй день не приносил альбом по рисованию, а сегодня на уроке русского языка — рисовал. Именно в этом и криминал: от вас не рисовать требуется, а повиноваться! Однако ж «четыре». Странно. У Зенкиной если поведение «два», то и знания «два». Наверное «четверка» вдохновила на художества.

27 октября, понедельник

Не принес альбом по рисованию.

Опять??? Ну Вика, ты хам, в третий раз?! Как же тут не рассвирепеть!

В восьмом классе такая же напасть повторится с логарифмической линейкой. Когда Амадеев (не нарочно!) забудет принести ее в третий раз, математичка рассвирепеет до такой степени, что пойдет к директору «выгонять Амадеева из школы».

28 октября, вторник

Из-под рубашки торчит черная майка.

Надо было белую надеть, чтобы под цвет торчала.

13 ноября, четверг

В перемены безобразничал.

Не в переменУ, заметьте, а в переменЫ.
День такой, так звезды встали.

15 ноября, суббота

Не умеет себя вести в перемены. Очень много разговаривает на уроках.

Опять в перемены?! Звезды явно разошлись. . .

17 ноября, понедельник

Все уроки разговаривал, поэтому пересажен на последнюю парту.

Честь и счастье — сидеть на последней парте! Маленький Вика всю жизнь сидел если не на первой, то на первых трех. Обычно балбесов с последней пересаживают на первую, а куда пересадить балбеса с первой? Задача. . .

19 ноября, среда

Арифм. Задачи 388, 391, пр. 384 — 3 (Зенкина)

Прилежание плохое.

Загадочное «прилежание». . . Что это было на самом деле — грязнописание? плохосчитание? кривосидение?

20 ноября, четверг

***[Рукой учительницы французского:]
Нарушал порядок на уроке.***

Редкое замечание: записала не Зенкина и не сам Амадеев. И стилистика другая. Но... «порядок»? на «уроке»? «французского»? Вы меня извините. . .

21 ноября, пятница

Русский. Упр. 204, 208 — 2 (Зенкина)

Контрольная работа — 4 (Зенкина)

За дневник — 3

Прилежание — 3

Поведение — 5

Поведение — «пять»?!! Ну, браво, Вика, ничего не скажешь. . . Так и дальше себя веди! «Так и буду, не волнуйтесь, читайте дальше!»

26 ноября, среда

Длинные ногти.

Опять же молодец, Вика, — ногти не грызешь!

27 ноября, четверг

Поведение — 2

28 ноября, пятница

Занимался циркулем на уроке фр. языка.

Ну ладно, поведение — 2, не оспаривается. Но чем вам циркуль не угодил? Может, будущий Евклид растет? Может быть, на стыке наук? Может, Вика решил измерить французский глагол

циркулем?? На этот раз записано Зенкиной, значит Вика реально французенку довел, ей же надо было еще пойти, пожаловаться. . .

2 декабря, вторник

Не убирает свое рабочее место. Из-за него всему классу поставили 4.

«Подвел коллектив»?! Это отъявленный негодяй! «Коллектив» не может иметь «четыре», он не вынесет такого позора! Он вообще неизвестно что за это с негодяем сделает. . .

3 декабря, среда

Контрольная работа — 4 (Зенкина)

8 декабря, понедельник

Изложение — 4 (Зенкина)

Что, дело на лад пошло? Или приболел может?

11 декабря, четверг

Плохое поведение в буфете. На уроках крутился. Корчил рожицы, был наказан.

Нет, это было временное затишье. Или просто не попался. Зато вот теперь и в буфете, и на уроках — все в порядке, не волнуйтесь, ничего с Викой не случилось.

12 декабря, пятница

Опять плохое поведение в буфете.

«Был наказан» не помогло. Ничто не исправляет так плохо, как система исправительно-трудовых лагерей и школ.

22 декабря, понедельник

Почему нет расписания на неделю?

Вопрос риторический, гражданка Зенкина. Есть, между прочим, страны и школы, где нет не только расписаний на неделю, но даже и дневников на год! (Зенкина в припадке ненависти к таковым странам и школам бьется головой о политическую карту мира).

26 декабря, пятница

Опоздал на занятия. Не был допущен до урока.

Вика вспомнил, сколько прекрасных часов он провел у старого, высокого и щуплого трудовика по кличке Антенна — среди тисков, напильников и разного интересного хлама. «Что, опять выставили?» — по-доброму мрачно спрашивал Антенна, молча совал Амадееву какую-нибудь железяку и отмашкой показывал на свободные тиски. После этого Амадеев был полностью предоставлен самому себе, мог ходить и рыться где угодно, брать и использовать любой инструмент и материал, залезать в шкафы и ящики, или просто сидеть и листать журнал «За рулем», который выписывал Антенна. Огромные же и авторитетные шестиклассники поглядывали на шмакодявку с завистью и уважением: они-то были на уроке, а Амадеев во время (может

быть) ма-те-ма-ти-ки (!) в свое удовольствие шлепался по школе и тупил напильники!

Правда, в другие кабинеты Амадеев не заглядывал, а слоняться по коридорам было небезопасно, можно было нарваться на директрису.

14 января, среда

Контрольная работа — 3 (Зенкина)

Опять много получил замечаний за разговоры на уроках.

Ну хорошо, косноязычная Зенкина не читала никакой приличной литературы — но хоть свои собственные замечания могла бы разок прочесть! И ужаснуться. . .

15 января, четверг

Плохое поведение на уроке пения.

Ай-яй-яй, Вика. Отцу-музыканту, на день рождения, такой подарочек!

19 января, понедельник

Арифм. Самостоятельная работа — 3 (Зенкина)

Безобразное поведение.

Т. Амадеевы! Почему нет расписания?

Почему, почему. . . См. политическую карту выше. Интересно, однако, что т. Амадеевых восклицательным знаком вопрошают об отсутствующем расписании, а не о безобразном поведении. . .

20 января, вторник

Контрольный диктант — 4 (Зенкина)

Опоздал на занятия.

Ну не мог Амадеев не опаздывать! — школа была в двух минутах ходьбы от дома, только дорогу перейти! Ну сами посудите, как можно (даже если ты уже одет и обут) за две минуты: (1) спуститься с четвертого этажа, (2) пройти весь двор, (3) перейти дорогу, (4) пройти к дальнему входу в школу, (5) протолкаться через проверяющих сменную обувь полицаев, (6) раздеться, (7) переобуться, (8) дойти до своего класса. . . Вам что, на все это хватит двух минут?? Вот и оно-то. . .

21 января, среда

Контрольная работа — 3 (Зенкина)

Весь урок чтения разговаривал. Был поставлен.

Урок чтения, а не говорения, Амадеев! Говорение вместо чтения наказуется стоянием вместо сидения.

22 января, четверг

Грязные уши.

Какое красивое замечание. Записано рукой и не Амадеева, и не Зенкиной. К власти примазался дежурно-проверяющий мальчик — приятно позаписывать замечаний в дневники товарищей! Картинка: стоит Амадеев, его большие уши покрыты со всех сторон грязью, Амадеев улыбается. Подпись: «Грязные уши».

23 января, пятница

Удален за дверь за плохое поведение в классе.

Опять бери напильник, Амадеев (а может и лобзик). . . Спасибо Антенне, а то куда бы пошел в крещенские морозы?

24 января, суббота

Вн. чт. Кожа — 2 (Зенкина)

Что может быть более унылого, чем читать в конце января, в субботу, на третьем уроке, на внеклассном чтении. . . про кожу! О да, каждый третьеклассник должен знать и уметь про кожу. Как ее не делать грязной, и не проделывать в ней отверстий. . .

Поведение — 4

Это за неделю. Ну, неплохо, хорошо даже, учитывая безобразное поведение в понедельник, опоздание во вторник, разговорчики в среду, грязные уши в четверг, плохое поведение в пятницу и «два» за кожу в субботу. Можно только представить себе, как вели себя мальчики, получившие за поведение «три». . .

29 января, четверг

Получает очень много замечаний.

Хоть одно замечание Зенкина записала без ошибок. Явный прогресс, docendo discimus.

31 января, суббота

Русский. Упр. 332 — 2 (Не готов к письму по памяти)

Память, что ли, отшибло, Амадеев? И как к такому письму готовятся, интересно. . . Это что, изложение?

7 февраля, суббота

Чтение — 2 [Рукой Зенкиной, огромными буквами:] СТИРАЛ ОТМЕТКУ

У-у-у, Зенкина постаралась. . . «Двойка» развернулась на три строки, выведена чернилами, жирно, красиво, с загогулиной, «стирал отметку» также выведено крупными буквами, с продавливанием (и без того тонкой) дневниковой бумаги. Типа: «Попробуй-ка ВОТ ЭТО сотри!»

Как не стыдно, Амадеев, — подлог, обман, фальсификация. . . так недалеко и до подделки казначейских!

За дневник — 4

Поведение — 5

Прилежание — 3

«Чем вы недовольны? — говорит Вика. — Я — примерный мальчик, поведение — “пять”, какие претензии??» Видимо, стирать отметки — это не плохое поведение, а посредственное прилежание. Прилежнее надо было отметку стирать, Вика, чтобы училка не заметила!

10 февраля, вторник

Русский. Сочинение «Как я гот. ур.» — 2 (Зенкина)

Заставлять человека долго и детально описывать, как он «гот. ур.» — чистой воды издевательство (это даже несокращенно записать-то рука не поворачивается). Сочинение на тему «Как я отбываю наказание». Или: «Как я ходил к зубному». Или: «Как меня тошнило в автобусе».

11 февраля, среда

Русский. Упр. 343, придумать 3-4 пр. — 2 (Ленится, плохо работает в тетради)

«Придумать предложения» — это еще одно издевательство. Даже уже выучив языки, Амалдеев всегда бывал ошарашен, когда ему говорили: «Ух ты, можешь по-англицки? Ну-ка, скажи чего-нибудь!» Тут кто хочешь растеряется.

12 февраля, четверг

Получает ежедневно сотню замечаний на уроке.

Если «получает ежедневно», то «по сотне». А если «сотню», то «получил сегодня» или что-то в этом роде. «Два», Зенкина! Зря мы тебя похвалили. Но родителей можешь не приводить, ты неисправима.

25 февраля, среда

Арифм. Задача 833, пр. 835 — 2 (Прилежание)

Загадочные какие-то двойки за «прилежание» в арифметике. В арифметике может быть только точность. И прилежание должно заключаться в прилежном достижении точности же. Ответ — правильный или нет? Если правильный, какое еще к шутам «прилежание»? Пять, честно заработал, все правильно посчитал. А если ответ неправильный — его что — каким-то мистическим «прилежанием» можно спасти? Типа, красиво вывести: « $3 + 3 = 7$ »?

Разгадка проста: учительница Зенкина была «повернута» на чистописании и использовала его (а) для укрепления своей и без того абсолютной власти (это для дела) и (б) для издевательства над учениками (это для души). И не арифметикам было этот порядок отменять.

26 февраля, четверг

Пение. Тетради — 2

Что-то опять Вика не принес, что-то опять к существу вопроса не относящееся. Какие-то тетради нужны, чтобы петь. . . Наверное, нотные: обидно вдвойне — у отца дома добра-то этого. . .

27 февраля, пятница

Не убрал свое рабочее место, снизили классу отметку за чистоту.

Опять «подвел коллектив»?! Тогда так: всех детей заводят в класс, рассаживают после уроков (делают плохо всем — чтобы сильнее ненавидели виновного) и накручивают: вот он стоит перед вами, негодяй, который всех вас, при-

мерных зайчиков, обидел и подвел. Так, наверно, и побивают камнями: «*Всему классу* снизили отметку! Бей его!! За дело!!!»

Русский. Упр. 391 — 2 (Не знаю падежи)

Написано, разумеется, рукой Амадеева, но под диктовку! А раз под диктовку, то диктовавший с русским языком явно знаком поверхностно: в русском языке глагол в отрицательной форме требует после себя родительного падежа: «знаю падежи» — «не знаю падежей». Зенкина — «кол»!

13 марта, пятница

Контрольный диктант — 4 (Зенкина)

И тринадцатое, и пятница, но обошлось. И на том спасибо. Бывали, конечно, и не угрюмые школьные дни. На уроке Амадеев нередко ползал глазами по политической карте мира, воображая свою жизнь в разноцветных ее кусочках, и это спасало его от учинения безобразий.

14 марта, суббота

Русский. Сочинение — 5 (Зенкина)

Чтение. Рассказы о летчиках — 2 (За отзыв)

Краток путь от Букингемского дворца до Пентонвильской каталажки. Ну что это за жизнь! Получишь эдак вот «пять» за самое противное — за сочинение, и тут же, на следующем уроке, на тебе — «два» за какие-то рассказы о

каких-то летчиках, тем более, что о Летчике там явно ни слова. . .

Самостоятельная работа — 3 (Зенкина)

Ин. яз. Наклеить времена года.

Не сдает тетради на проверку.

О-о-о! «Наклеить времена года»! Не наклеил времена, потому и не сдал! Кто из читателей понял, что это означает: времена года. . . наклеить?! А это означает, что Вику в 44 школе г. Рязани, в 1-4 классах, в 1967-1970 уч. гг. обучали французскому языку экспериментально и за деньги («80 коп. за ритмику и французский» ежемесячно требовал дневник), поскольку иностранный язык по программе начинался только в пятом классе. Занятия по иностранному языку, однако, были не факультативом, а обычными уроками по расписанию, и наказывались дети по-обычному и за те же провинности.

В силу интересного методического поветрия (читай: «безумия») практически все домашние работы по иностранному языку сводились к одному и тому же: ученик был обязан наклеить в тетрадку-словарь (или нарисовать там же) серию картинок и подписать каждую по-французски. Словарь представлял собой обычную тетрадку за две копейки, где каждая страница была накрест поделена на четыре части. Кровь из носа — для каждого нового слова картинку давай, не то — «два». Плохо нарисовал — «два» по французскому, криво наклеил — «два» по

французскому же. Ну, французский язык, а вы чего хотели? Родители Амадеева художниками не были, поэтому Вика не мог успевать по иностранному, как его одноклассник Миша Ерёмин. Мишина мама была профессиональным художником, и Мишу ежеурочно ставили в пример, как выдающегося француза. У Вики был только один вариант: найти и наклеить. Родители Амадеева сначала повозмущались немного, а потом даже вошли во вкус, помогая отроку: на протяжении четырех лет несколько раз в неделю, иногда часами напролет, вся семья ползала по полу по разбросанным старым журналам, ища в «Музыкальной жизни» или «Здоровье» «корову» или «автобус» — исключительно по-французски.

Перейдя в пятый класс, Амадеев был потрясен, когда вдруг для очередного урока французского языка никаких картинок не понадобилось. Не понадобилось их и впредь — никогда больше и ни для одного из многочисленных иностранных языков, которые Амадеев изучал. А учебники по-французскому в пятом классе выдали обычные — как и всем нормальным детям, которые не ползали четыре года до этого по растерзанным «Работницам» и «Крестьянкам».

16 марта, понедельник

Русский — 1 (Плохое прилежание и внимание в классе)

О! «Один» — браво, Вика. Это особая оценка (отметка). Это вам не рядовая «двойка». Тут

надо отличиться. Учительница сэкономила на замечании, добавив веса числом.

18 марта, среда

Русский. Упр. 439 — 2 (Чистописание, за ошибки, за плохое внимание)

Слишком много за чего: поэтому не до грамматик и стилей. За все — «два»! (Ха-ха, а «кол»-то уже и не поставишь! Колы так часто не ставят, они девальвируются, если ими злоупотреблять!)

19 марта, четверг

Был удален с урока арифметики за бесконечные разговоры.

Чтоб лучше арифметику знал. Вика не стал математиком, зато всегда был с прямыми руками: что-нибудь выточить, выстрогать или спаять — без проблем. Спасибо Зенкиной и Антенне!

2 апреля, четверг

Чтение. Весна — 2 (Зенкина)

Весна — поэзия — чтение — «два»! Сердце так и трепещет!

3 апреля, пятница

Арифм. Задача 987, пр. 983 — 2 (Зенкина)

Рис. Краски — 5 (Зенкина)

Строга, но справедлива Зенкина. И «два» поставит, и «пять» — уже на следующем уроке. И доказывай маме, что «зато по рисованию — «пять»!» Идешь домой и знаешь: «пять» по

рис. — утешение слабое, если у тебя «два» по арифм.

4 апреля, суббота

Чтение. Дед Мазай и зайцы — 5 (Зенкина)

Получал сотню замечаний о неправильной посадке.

Опять «получал сотню». Да что же это такое, Зенкина?! Учись, школьника, изучай рускава языка, нэ палучай сотню, да?! . . «И эти люди запрещают мне ковырять в носу!»

7 апреля, вторник

Чтение. Гадкий утенок — 5 (Зенкина)

Плохо делал зарядку.

Что же ты, гадкий утенок, так плохо делал зарядку?! А?! Не можешь просто «пять» получить и всё, и просто порадовать родителей? Надо обязательно какую-нибудь утячью гадость сделать? . .

8 апреля, среда

Русский. Упр. 467, 468 — 3 (Зенкина)

Серые будни серой средней школы из серого кирпича. Упр. 467, 468, 469. . . Среда, посредственно. . .

14 апреля, среда

Все уроки вел себя как разгильдяй.

Амадеев вспомнил, как он раздумывал о смысле слова «разгильдяй». Когда его начали

называть «разгильдяем», он еще не знал про гильдии, и ему представлялся эдакий ловкий механический человечек, у которого руки и ноги болтались во все стороны. Человечек ни секунды не сидел на месте, и все разгильдяйничал, вихляя руками и ногами. Слово было совсем не обидное.

Русский. Сочинение о Родине — 3 (Зенкина)

О РРРÓдине, и «три»?! А что будет завтра? До чего так можно докатиться?? Знаешь, в кого ты можешь превратиться?? (И, главное, где очутиться. . .)

В институте с Амадеевым училась девочка по фамилии Родина. Папа у нее, натурально, был Родин. Однако преподавательница по Истории КПСС, — чудовище с лицом пытающего эсэсовца, — любила, трясясь, говорить: «Какая у вас фамилия прррекрррасссная — РРРÓдина!!» Девочка Родина в этот момент тоже тряслась — от ужаса. . .

Чтение. Стр. 129-130 — 2 (за пословицы)

Двойка и пояснение к ней выведены Амадеевым и совершенно микроскопическими, дай бог в четверть дневниковой клеточки. Острой перьевой ручкой сделать такое не сложно, сложно только маме не заметить очередной двойки. Амадеев вдруг впервые за чтение дневника пожалел себя. Какая безнадежность, какое бессилие! . .

15 апреля, четверг

Контрольная работа — 5

И больше, заметьте, — никаких записей
15-го апреля, в четверг!

16 апреля, пятница

Арифм. 1206, 1170, 1172 — 2

Ин. яз. — 2 (Весь урок разговаривал!)

Ну да, вчера получил пятерку, чего вам еще
надо? Не могу же я каждый день вам пятерки
приносить! А жить когда?!

13 мая, среда

Контрольный диктант — 4

Нет носового платка.

Хороший такой день. И четверочку получил,
и замечание — пустячное. . . Носового платка
нет — да его ни разу не было! Замечание надо
было бы записать, если бы таковой предмет был-
таки обнаружен. Вика, поди, просто опять в носу
ковырял, и это — еще один эвфемизм, типа «был
некультурный». Но — уже более специфично.
Училка совершенствуется.

15 мая, пятница

Русский. 537 — 2

Ни подписи, ничего. «Два», и так все ясно.
Дело к концу года, уже вам никаких «Упр.» в за-
дании. «537» — и хватит с вас. А мы вам —
«два»! А нам — все равно!

20 мая, среда

Русский. 528 — 2 (За правила)

Выучить все правила по учебнику.

Последняя запись в дневнике — понятный, ожидаемый, предсказуемый, нормальный, приятный конец учебного года. Все ясно, все правильно, за правила. «Два» и не единицей больше. Двадцатое мая, это уже, считай лето. Даже лучше, чем лето — уже ничего делать не надо, а лето-то еще и даже не наступало! Разумеется, — сейчас Вика сядет и выучит «все правила» и «по учебнику». Нет, он все лето будет учить все правила без остановки, не выпуская из рук учебника. Ведь «ВСЕ», не как-нибудь вам! Сама училка-то все правила знает? «Получал сотню», «не знает падежи». . . Не только Вика не выучит никаких правил, но и БОЛЬШЕ УЧИЛКУ ЗЕНКИНУ В КЛАССЕ НЕ УВИДИТ! НИ-КО-ГДА!! Урррааа!!!

**СВЕДЕНИЯ ОБ УСПЕВАЕМОСТИ
И ПОВЕДЕНИИ УЧЕНИКА
за 1969 / 1970 учебный год**

Название предметов	Оценки (отметки) успеваемости по четвертям				Годовая оценка (отметка)
	I	II	III	IV	
Русский язык	4	4	4	4	4
Родной язык					
Литература	4	5	5	5	5
Родная литература					
Арифметика	4	4	4	4	4
Иностранный язык (фр.)	5		5	4	5
Изобразительное искусство	4	4	4	4	4
Пение	5	5	4	5	5
Физическое воспитание	—			4	4
Трудовое обучение	5	4	4	3	4
<i>Чистописание</i>			3	3	
Поведение	5	5	4	5	5
Число уроков					
Из них пропущено	4		2		
Количество опозданий на уроки	1	1	1	0	
Подпись классного руководителя					

Подпись родителей	
ИТОГИ ГОДА: переведен в следующий класс, оставлен на второй год, исключен, выпущен и т.д.	
	<i>Переведен в 4 класс</i>

Предмет «Чистописание» приписан от руки. Почему? Потому что НЕТ В СССР ТАКОГО ПРЕДМЕТА! Каких только экзотических предметов нет — «Родной язык», «Родная литература», а вот «чистописания» — нет в принципе, это — изобретение злой училки Зенкиной. Которая, кстати, и сама-то осилила вывести оценки (отметки) по несуществующему предмету только за третью и четвертую четверти. . .

Амадеев, перейдя в следующий, 4-й класс, был приятно удивлен многими вещами, но более всего — добрым отношением Марь Андревны — учительницы столь же умной, сколь и сердечной. На самом деле, это был шок — учительница была. . . доброй (!), ее нельзя было не. . . любить (!!).

Зенкиной надо было отдать должное, однако. Каким-то необъяснимым образом она вполне довольствовалась сиюминутной властью и трепетом учащихся на уроке и не связывала двойки, которые она ежедневно вклеивала направо и налево для души, с реальной успеваемостью учащегося. Судя по табелю успеваемости и поведения Вики Амадеева (если не читать дневника), Вика был ученик неплохой, учился на твердую четверку с нетвердой пятеркой, вел себя не

просто хорошо, а отлично, и опасности для общества не представлял.

Табель заканчивался двумя прекрасными пустыми вертикальными графами: «Оценка (отметка), полученная на испытании (экзамене)» и «Итоговая оценка (отметка)».

Где уж понять училке Зенкиной, хороший Вика Амадеев, или плохой, если сам Дневник (!) не знает, что́ в нем стоит — оценки или отметки? — и где эти непонятные штуковины выставляются — на испытании? . . на экзамене? . .

Цена 14 коп.

Фабрика «Восход», Москва

Цех № 3

Изготовлено бригадой коммунистического труда

тов. Назаровой

Артикул 1450   1 кв. 1969 г.

А. В. ПАРАХИНА
А. Е. ЧЕРНУХИН

◆
УЧЕБНИК
АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА
◆◆◆

22. Парахина и Чернухин

Амадеев закрыл дневник и рассмеялся. Но не потому что дневник был смешной, он был смешной лишь местами (его жанр был скорее некоей траги-драмо-комедией), а потому что перипетии «изучения» иностранного языка в начальных классах усредненной школы напомнили ему про Чепилевского.

Чепилевский был добродушным малым с большим, постоянно улыбающимся (независимо от настроения самого Чепилевского) ртом. Знаменит Чепилевский был следующим.

На одном из уроков французского языка в третьем классе нужно было назвать любой цвет по-французски и потом назвать любой предмет соответствующего цвета по-русски. «Бланш» — мел! «Нуар» — доска! «Вэр» — стена! — бодро выдавали дети, описывая цвета классной комнаты.

Амадеев выстрадал из-за своей фамилии немало — любая училка, едва распахнув журнал, прежде всех натыкалась на Амадеева. Но иметь фамилию в конце алфавита выгодно не всегда. Когда очередь дошла до Чепилевского, все предметы в классной комнате были уже названы.

— Чепилевский!

Чепилевский встал, отчаянно оглянувшись, и, не найдя ничего подходящего, выпалил:

— «Жон» — деревяшка от толчка!

Здесь взгляд Амадеева, трясущегося от смеха, упал, как назло, на стоящий на полке ядовито-малиновый учебник английского языка для лесотехнических ПТУ, и Амадеев затрясся еще сильнее. Ну, попробуйте сдержатъ смех: учебник английского языка написали. . . Парихина и Чернухин. Как видите, изучение иностранных языков — исключительно веселое занятие.

Тут читатель, естественно, мог усомниться и заподозрить: «Разумеется, в вашей выдуманной книжке могут быть любые выдуманные вами фамилии, а мы, что — должны смеяться вашей надуманной глупости?» Читатель, безусловно, имеет полное право так думать, но нашей обязанностью будет напомнить ему, что все лица и события, описанные в данной книге, являются вымышленными — кроме лиц и событий настоящих.

Пятнадцатилетнему Амадееву, наткнувшемуся в книжном магазине на этот учебник, было, на самом деле, не до смеха. Представьте себе: он, вконец измученный своим упорным и унижительным незнанием столь нужного и важного языка, на котором говорят и поют самые любимые и уважаемые артисты зарубежной эстрады, наконец-то наталкивается на учебник, в котором на первой странице напечатан не какой-то бред без объяснений, а английский АЛФАВИТ! Более того — после него объясняется как эти самые коварно записанные английские слова — ЧИТАТЬ! Это же страшный

дефицит! Во всей стране не сыскать учебника английского языка, в котором хоть что-то и хоть как-то объясняется!

Представили? И вот, стоит Амадеев, крутит в руках учебник, не верит своему счастью, и . . . не верит буквам, из которых сложены фамилии авторов. Ну нет, не могут, не должны люди с такими фамилиями писать учебники английских языков! Даже если эти люди — очень умные и очень хорошие.

Несколько лет спустя Амадееву пришлось в голову посмотреть выходные данные малинового учебника (наверное, когда он сам рекомендовал своим студентам ознакомиться в выходных данных с полем Бонка). Парахина оказалась Азалией Васильевной, а Чернухин — Адольфом Ефимовичем. Но нет, это не спасло бы репутации учебника, купленного пятнадцатилетним битломаном. Учебники английского полагалось писать только Джонам, Полам и Джорджам, и больше никому.

Но — не до жиру! Вика принес малиновый учебник домой, и в семье Амадеевых началась новая жизнь.

Почему? А потому, что мама Амадеева считала, что Амадеев в свои пятнадцать лет должен заниматься делом и готовиться к поступлению в радиоинститут. А не изучать никому не нужную дрянь.

О нет, вы неправильно подумали, Вероника Владимировна не просто имела высшее образование, она много лет проработала в школе учи-

телем немецкого языка! А потому — говорила со знанием дела!

«Ну Вика, ну подумай, — увещевала она Амадеева, — хуже иностранного языка — только пение и рисование! Все остальные предметы более серьезные!»

Увы, по-своему Вероника Владимировна была права. Из-за того, что после переезда в Рязань устроиться учительницей немецкого она не смогла, она была вынуждена совершить интеллектуальный подвиг и переквалифицироваться в инженера. И теперь она меньше всего хотела, чтобы любимый сын попал в ту же самую западню. «Иностранный язык, Вика, — ну кому он нужен?! Как ты будешь жить? На что??»

Вика про это не думал. Учебник для лесотехнических ПТУ объяснял английский *с нуля* (в диких лесных ПТУ учились дикие лесные пэтэушники, каким-то образом не изучавшие иностранного языка в диких лесных школах), — и Вика был дико рад этому обстоятельству. Он перестал интересоваться чем-либо, кроме малиновых Парахиных и Чернухиных и увещёвываться не собирался.

Амадеев учился во вторую смену и, приятно поздно проснувшись в пустой квартире, мог часами листать Парнухина (как он вкратце называл соавторов учебника), чуть ли не рискуя опоздать в школу ко второй смене.

Мог-то мог, — какое-то время, — да вдруг однажды утром бац! — а Парнухина-то и нет!

Тут надо сделать отступление. Ну, скажем, пропало у вас что-то. Ну, забыли, куда положили, бывает ведь, что в этом такого?

Ничего особенного. Для вас. Но не для Амадеева.

Дело в том, что с маленьким Амадеевым произошло несколько странных событий, которые буквально вывернули его мир наизнанку. В связи с чем он был особенно уязвим и чувствителен ко всему странному и непонятному.

Когда Амадееву было года четыре — у него буквально в руках преобразился, изменился до неузнаваемости фантик от ириски. Фантик исчез, и вместо него. . . Нет, об этом надо будет рассказать отдельно.

Когда Амадееву было лет восемь, с его стола странным образом пропали сразу три книги. Об этом нужно рассказать сейчас.

Книги были библиотечные, что важно. Амадеев был, в свои восемь лет, уважаемым завсегдаем детского отдела районной библиотеки и вызывал неизменное восхищение библиотекарей скоростью поглощения печатной продукции и качеством ремонта потрепанных книжек. Библиотека была истинным домом маленького Амадеева, а потому пропажа библиотечных книг была бедой.

А пропали они так. Перед тем, как летом поехать с родителями на юг, Амадеев счел своим долгом сдать книжки в библиотеку. В библиотеку он сходил, но там был санитарный день. Амадеев расстроился, поскольку просрочить

день сдачи было для него делом немислимым, и, придя домой, положил библиотечные книги стопочкой на стол на самое видное место, чтобы, вернувшись, первым делом отнести их в библиотеку.

Разумеется, он помнил об этих книжках на юге, и, разумеется, он думал о них в самолете и прочем транспорте, приближаясь к дому. Каково же было его потрясение, когда ни на столе, ни где-либо еще этих книг не оказалось! Вероника Владимировна тут же сходила к соседке, которой она оставляла ключи поливать цветы, но соседка ничего про книги не знала.

«Вика, ты, наверно, их сдал, ты ведь ходил в библиотеку», — твердила мама, пытаясь успокоить вконец расстроенного отрока, но Амадеев-то *знал*, что он их не сдал, а положил на стол!

Последовало постыдное и унижительное разбирательство в библиотеке, куда Вика один идти отказался, поскольку твердил, что книг не сдавал. Тогда Вероника Владимировна пошла в библиотеку с ним вместе, пытаясь объяснить, что ребенок «ходил сдавать». Но нет, библиотекарь сказала, что знает Вику, как хорошего читателя, но книг этих у них нет, и записи о том, что он их сдавал, тоже.

Далее последовало еще более постыдное покупание книг в магазине взамен пропавшим и их регистрация обычно радушной, а теперь сухой и подчеркнуто вежливой библиотекаремшей.

Для кого-то такое событие покажется пустяком, но для Амадеева это была катастрофа, на-

стоящее горе, потому что по совершенно непонятной причине ему отравили самое радостное занятие в его жизни — ходить в библиотеку. Еще более тяжелой была нереальность, невозможность происходящего. Подобные события подрывают веру человека в самого себя и в постижимость мира, и надо быть личностью незаурядной, чтобы от них не пошатнуться. . .

. . .Куда это я Парнухина положил, интересно. . . странно это, очень странно, думал Амадеев, твердо помня, что положил на стол, но также твердо помня о магической и поныне нераскрытой загадке положенных на стол и без вести пропавших библиотечных книг. . .

Разумеется, Амадеев в пятнадцать лет обладал молодыми, пронизательными, цепкими и отнюдь не забывчивыми мозгами. Точнее, он знал, что так оно должно было быть. Но как тогда объяснить, что он три (три!) раза подряд забывал принести на урок математики (реально имеющуюся у него!) логарифмическую линейку? Вот тебе и молодые мозги. . .

Действовать, однако, было надо. Какие действия надо предпринять, если что-то пропало? Искать, друзья, надо поискать.

Первый раз Амадеев нашел Парнухина легко — под подушкой родительницы. Типа, сама невинность — взяла почитать, положила себе под подушку и забыла. Амадеев ничего не сказал, а вечером сидел за своим столом и читал

Парнухина как ни в чем не бывало. Родительница также никак не отреагировала.

Пара дней прошла без боевых действий. На третий день Парнухин пропал опять. На этот раз найти оказалось сложнее, и Амадеев потратил ощутимое время, прежде чем додумался посмотреть «у себя» на шкафу. Тут он мысленно поставил родительнице «пятерку» — это был сильный ход — закинуть Парнухина на шкаф — к Амадееву же, типа: «ты сам туда положил». Амадеев там давно уже не обитал, в связи с несколько увеличившимся в размерах организмом, но хранил там немало полезного, в особенности такого, чего не стоило особо выставлять напоказ, например сигареты.

Найдя книгу, спрятанную во второй раз, Амадеев задумался — он мог бы просто-напросто прятать Парнухина сам — или всегда носить его с собой, а на ночь класть под матрас, но подобные партизанские действия в ответ на не объявленную, но ведущуюся войну, были для Амадеева неприемлемы по причине их унижительность. Это был *его* Парнухин, Амадеев *имел право* изучать Парнухина — беспрепятственно, независимо от чьего бы то ни было мнения, — и вечером Амадеев с достоинством оставил книгу на столе — без охраны.

На утро Парнухин пропал. Причем пропал хорошо, Амадеев найти его не смог.

Амадеев посерел, но вида не подал. Родительница также никаких признаков отклонения от нормального поведения не показывала. Про-

шел вечер без Парнухина, потом прошла ночь, наступило утро.

Амадеев проснулся с тяжелым сердцем. Дело принимало серьезный оборот. Унести Парнухина в недоступное для Амадеева место, или, тем более, выкинуть его, было бы низостью, на которую, как Амадееву казалось, родительница была неспособна. Такой поворот событий стал бы предательством, причем первым за последние пятнадцать лет. Никто и никогда не мог любить Амадеева больше мамы, это было фактом. Но Парнухина не было, — и это также было фактом.

И Амадеев стал снова, с нестигаемой волей и решимостью, с остервенением искать — найти Парнухина было нужно уже не за тем, чтобы учить английский, а чтобы спасти мать, чтобы доказать себе, что мама не предала его, что она просто играет со своим пятнадцатилетним балбесом, пытаясь понять, насколько все это ему нужно, что она неспособна на подлость.

Амадеев перевернул все — он не оторвал обоев лишь потому, что обоев не было, на стенках квартиры Амадеевых был «накат».

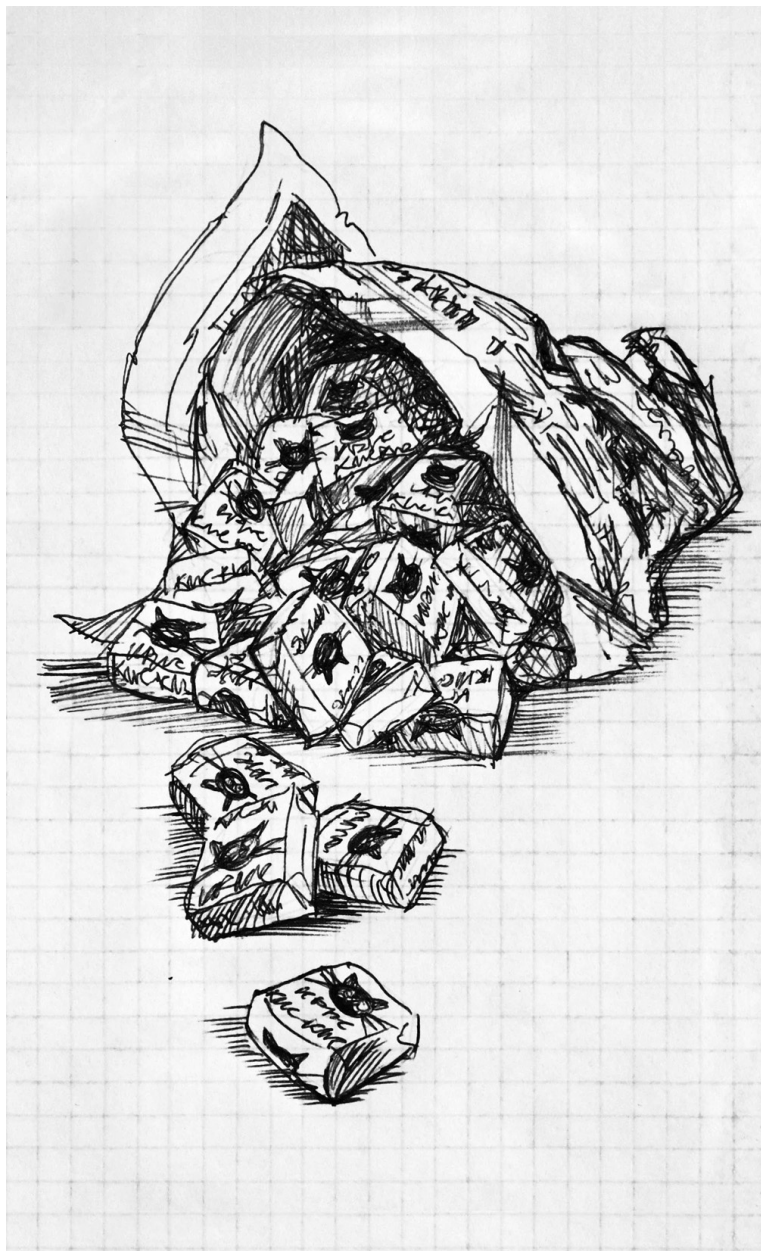
Часа через два Парнухин был найден — внутри стиральной машины. В раннем детстве Амадеев опрокинул ее, полную кипятка, на себя, едва оставшись жив. Наверное, Парнухина искал. . .

Вечером Амадеев, с учебником в руках, подошел к матери и сказал: «Мам, не прячь его больше, я все равно английский выучу». «Хоро-

шо, сынок, ты прости меня», — сказала Вероника Владимировна и всплакнула.

Больше Парнухин не пропадал.

(Страница оставлена пустой
преднамеренно — опять)

23. Ирис кис-кис

— Тетя Рая, так, значит, вы все-таки взяли эти книжки?! — Амадеев вертел в руках «Отзовитесь, марсиане» и «“Тобаго” меняет курс» со штампами детской библиотеки и не верил своим глазам.

— Какие книжки, Вика?

— Ну вот: «Отзовитесь, марсиане», «“Тобаго” меняет курс». . . Еще там были «Денискины рассказы», но я их тут не вижу. . .

— Это твои книжки, Вика? Ну возьми их.

— Нет, тетя Рай, эти книжки — не мои, они — библиотечные.

— Не знаю я, Вика, все эти книжки Володины. Ты же знаешь, не читаю я их, это у вас вон от них не пройдешь. . . Ээх, милый-ты-мой-милый, уж девять лет, как нет тебя, вот времечко-то летит. . .

«У каждого свой залет, у каждой тети Раи свой “Потерянный Рай”. . .», — подумал Амадеев.

Вот так, зайдешь к соседке починить ей антенну для телевизора (скажи спасибо Антенне, тетя Рая!) и вернешься на двадцать лет назад, в детское горе. Но как Амадеев мог винить дядю Володю! Амадеев очень любил мужа тети Раи. Это был добродушный великан, огромный, как медведь, и даже лицом похожий на медведя, обожавший Амадеева (может потому, что у них с тетей Раей своих детей не было) и любивший

подкидывать его до потолка. Потолок был в нескольких сантиметрах от дядиволодиной головы, и в километрах от пола для маленького Амадеева. Амадеев визжал от восторга, в дядиволодиных руках было совсем не страшно.

Увы, дядя Володя зашибал так, как и подбает великану, а потому отправился на покой в сорок с чем-то лет. Винить его было невозможно. Дядя Володя жил в другом измерении, был существом другого порядка, вида-рода-класса, он читал книжки так же, как пил вино, и так же, как делал все остальное — спонтанно. Он жил, как подкидывал Амадеева к потолку, это была чистая аэродинамика. Дядя Володя амадеевские библиотечные книжки не крал! Ему принадлежал весь мир — нельзя, невозможно украсть то, что и так тебе принадлежит!

Амадеев представил себе, как они с тетей Раей зашли полить цветы, и как — пока тетья Рая поливала — дядя Володя походя сунул подмышку три книжки, которые лежали на столе на самом видном месте и просто упрашивали взять их почитать. Под огромной подмышкой дяди Володи их и видно-то не было, ну откуда тетья Рая могла знать о каких-то книжках! Она в своей жизни читала только одну книжку — это был численник, висевший на стене. Каждый день, отрывая листочек, тетья Рая его прочитывала и нередко делилась прочитанным с Вероникой Владимировной, зайдя за солью или скалкой. Тетья Рая читала — ежедневно! Знала все, что было нужно, и в толк не могла взять, зачем

Амадеевы завалили всю свою квартиру макулатурой.

Важные амадеевские библиотечные книжки для тети Раи и дяди Володи были как, скажем, газеты. Ну вот вы пришли к кому-то в дом, а у них где-то там лежит пожелтевший лист газеты, вы почему-то обратили на него внимание, взяли его, стали читать, сами того не замечая, потом вас отвлекли, вы сунули газетный лист в карман — это что, вы его украли, что ли? Нет, конечно! Обвинять дядю Володю в том, что он «украл» амадеевские книжки, можно не больше, чем винить медведя за то, что он нагадил в лесу. Извините, медведь в лесу — не гадил! Он все сделал правильно! Это просто вы применили к медведю неприменимую к нему шкалу. Просто «Тобаго» сменило курс, и переплыло из кв. № 45 в кв. № 46. . .

В спонтанности — счастье медведя, и в ней же — его смерть. Дяди Володи, огромного и добродушного медведя, давно уже не было, и как раз по причине спонтанности. Спонтанность заставляет медведя думать, что все, что он видит — так и есть. Мир, ограниченный полем зрения без третьего глаза, блаженное незнание ни того, что ты есть, ни того, что не знаешь того, чего не знаешь. Так медведь может легко проковылять по жизни, если его не встряхнет.

А встряхнуть может. Причем так, что медведь превратится в иное существо, не обязательно лучшее, но совсем другое. И правило «что видишь, то и есть» отомрет вместе с медведем.

Амадеев был медведем совсем недолго, потому что его встряхнуло, когда ему было года четыре. Об этом и рассказ.

В чем суть любой встряски? — в смысле. Скажем, если произошли «катаклизмы», а смысл всего вокруг не изменился, то, считай, катаклизмов и не было. Настоящий катаклизм — в измененном, новом смысле: не просто таком, о котором медведь не подозревал, а таком, который медведя отменяет.

Само по себе наличие смысла — уже переворот. Нормальный медведь «понимает» лишь условно. Он — не знает, что он понимает, не осознает, что он — медведь, и что он есть, и что смысл — тоже есть. Медведь просто живет. Пока не случится то, что не скажет ему: «Ты — не медведь». Или: «Быть медведем — не обязательно, можешь быть кем хочешь».

Смысл может перевернуть все, в любой момент. Сартр перестал курить, когда понял, что курение — это «вдыхание дыма сжигаемой травы». Именно смысл определяет: вор дядя Володя или нет, а не факт выноса им книжек из квартиры Амадеевых. Смысл — вот что вызывает трепет.

Нередко сами по себе символы, материализующие смысл, становились предметом трепетного почитания. В древнем Китае иероглифы считались священными, и, чтобы обрывки бумаги со священными знаками не валялись кощунственно где попало, существовали специальные сжигальни, куда всякий добропорядочный кита-

еще должен был снести подобранный на дороге смысл (или обрывок такового) для надлежащего (если не торжественного) сожжения.

За неимением средств на масло для лампы, Сунь Кан впитывал смысл в заснеженном поле при отражении от снега лунного света, а Че Инь — набрав в мешок светлячков. . . Кто в детстве читал под одеялом с фонариком, тому этот трепет известен. Моэм говорил, что скорее будет читать меню или расписание поездов, чем вообще ничего.

Действительно, читать что попало было естественнее, чем не читать вовсе. Может быть потому, что чтение никогда не было для Амадеева простым извлечением смысла. Смысл был толчком, но потом интересным становился процесс, сама расшифровка текста.

Амадеев мог часами рассматривать буквы, беседовать с ними — каждая имела свой характер, лицо, причуды. «Ж» жестикулировала, причем руками и ногами одновременно, «О» орала, «С» скрючивалась, «Г» гнулась, «Ц» цеплялась, «З» завивалась, «Д» была домиком, «Е» — ежом с иголками, «П» — перекладинкой, «Ф» — фонариком, «Ш» — одежной щеткой, причем щеткой вполне конкретной, с хвостиком, из прихожей — отец Амадеева приделал к ней из кожи ушко, чтобы вешать щетку на гвоздик. . .

Буквы остались живыми навсегда. Уже став взрослым дядей, Амадеев как-то в магазине нарочито серьезно поучал чьего-то ребенка: «Вот апельсин: в нем витамин “А”, а вот — банан:

в нем витамин “Бэ”. . .» Стоявшая рядом мамаша возмутилась от вопиющей наглости и неграмотности Амадеева: «Да уж прям! А вот лимон — в нем какой витамин?» «Цитрусовые — витамин “Цэ”!» — с апломбом парировал знаток букв и витаминов, эффектно оставив ошарашенную покупательницу на стыке лингвистики и биохимии.

Года в три или в четыре Амадеев успешно выучил почти весь алфавит, изучая его самым пошлым образом — подряд по азбуке. Практически весь алфавит вел себя разумно, предсказуемо. И лишь с некоторыми неосознательными символами, окопавшимися в конце азбуки, возникли непредвиденные проблемы. В мозгу Амадеева стоит картина более отчетливая, чем вчерашний день: «Какая буква!?» — вопит Амадеев, таща моющую на кухне посуду родительницу за халат к лежащей на столе книге. «Это не буква! — злится Вероника Владимировна, вырывая мокрой рукой халат. — Тебе это еще рано!» «Это буква! — орет Амадеев. — Какая буууквааа??!»

Увы, Амадееву приходилось отвоевывать буквы с боем, в отличие от его учительницы по сравнительной типологии Беллы Марковны Плискиной. Маленькой девочкой отец усаживал ее напротив и читал ей (не подумайте, что сказки Пушкина) — советскую газету. Точнее, папенька, наверное, просто читал газету, а чтобы дочке не было скучно, читал газету вслух. Ну

и что в этом такого? — поинтересуется читатель. А вот что.

Однажды собрались у них гости. Зашел разговор о литературе, книгах. «А Беллочка у вас буквы знает?» — поинтересовался кто-то из гостей. «Нет, она у нас еще маленькая», — снисходительно сказал папа. «Почему, я читать умею», — невозмутимо сказала Беллочка, взяла газету (внимание) перевернула ее вверх ногами (!) и начала читать с беглостью, которой позавидовал бы диктор центрального радио. День за днем, сидя напротив папы и заглядывая в его газету с противоположной стороны, юная Белла Марковна не тратила времени зря. . .

Амадеев с гордостью подумал, что этот необычный эпизод — пустяк в сравнении с Невероятным Событием, навсегда изменившим его детскую, да и всю прочую жизнь. . .

Разумеется, событие это было важным лишь субъективно, и читатель имеет полное право над Амадеевым посмеяться. Но Амадееву от этого обидно не станет; человек, навсегда разуверившийся в материальности реального и объективности очевидного, не умеет обижаться. Он, еще малым ребенком, заглянул куда-то «туда», по ту сторону мира, — и мир вдруг рассыпался на куски, земля ушла из-под ног, а явь стала сном. Когда мир вновь собрался из кусков воедино, это был уже совсем другой мир, и так называемая «объективная реальность» к Амадееву уже не вернулась.

А произошло вот что.

В шестидесятые (и, наверно, семидесятые) годы каждому ребенку был хорошо известен фантик от конфеты «Ирис кис-кис», — обертка довольно-таки убогого вида, — где на серой провощенной бумаге расплывчатыми коричневыми буквами было выведено «ИРИС», потом шла такого же сомнительного цвета контурная голова условного кота анфас, а под ней стояло «КИС-КИС». Разумеется, этот фантик попадался под ногами чаще других фантиков не из-за своего аскетичного дизайна, а благодаря неугасимой любви всякого нормального ребенка к ирискам. Амадеев отнюдь не был исключением из этого правила; ириски он, как и все нормальные дети, пожирал (иногда предварительно скатывая во рту в шарик или в сосиску), а фантики, как и все нормальные дети же, оставлял на месте пиршества без внимания.

Но вот однажды, . . . нет, в один прекрасный (?) день, . . . то есть как-то раз. . . Одним словом, ничто не предвещало, как интригуют в романах. И тем не менее, сожрав однажды свою очередную ириску, трех-с-чем-то-летний или четырех-летний Амадеев, приблизительно ознакомившись с большинством из букв алфавита, отнюдь не разжал бездумно пальчики, позволив фантику спланировать в мусорное ведро, а взял, и . . . расправил обертку.

Если бы из этого события сделали театральное или цирковое представление (а оно могло бы иметь успех), то в этот момент прозвучала бы ба-рабанная дробь.

Дробрь. Долгая такая. . . Дрррррр. . .

Итак, расправил мальчик обертку и. . . и. . .
и. . . (дробрь), не веря своим глазам, прочитал:

«СЕРИ, СИК-СИК»

Амадеев помнит этот миг. Не испуг, не радость, не удивление, не разочарование. Как бы это. . . Абсолютная реальность совершенно нереального. Анти-Жизнь. Потому что жизнь — вся небольшая его жизнь до этого — была только и исключительно возможным (увы) и даже ожидаемым (что уж совсем неинтересно).

Амадеев перечитал фантик еще раз. И еще. И еще. Смысл был прежний, все буквы были на своих местах, наваждение не исчезало. Оно было совершенно реально, материально, осязаемо. Нереальным стало все остальное. Можно было перечитать обертку сколько угодно раз — все тот же злой кот глядел с нее на Амадеева в упор и приказывал: «СЕРИ, СИК-СИК!»

Здесь читатель должен остановиться и вдуматься, вжиться в роль немного.

Во-первых, Амадеев знал буквы все до единой (включая «не-буквы»), но, как уже было сказано, приблизительно. Он точно знал, например, что «С» — это откушенный с одной стороны бублик, ну а с какой стороны от него отъели было уже не важно. Смыслоразличительную функцию выполнял сам разрез в бублике, а с какой стороны бублик был проеден — какая разница! В алфавите больше не было надку-

шенных бубликов, поэтому заморачиваться подобными мелочами явно не стоило. То же самое касалось и всех остальных букв: «И», например, — это такой зигзаг, загогулина, а уж вниз палочка сначала идет или вверх — никакой разницы; буквы «N» в русском языке нет, а потому «N» = «И» (как это и доказывают произведения маленьких писателей самых разных континентов); «P» — это такой кругленький флажок на палочке, а развиваться флажок может в любую сторону, это уж куда ветер подует. . .

Во-вторых, Амадеев, конечно же, не имел представления о правописании и о так наз. «редукции гласных в неударной позиции» в русском языке, поэтому набор букв «С-И-Р-И» был прочитан им фонетически, и бессмыслицей отнюдь не являлся. Это сочетание букв было понято им непосредственно, прямо и именно как «сери», без какой-либо поправки задним числом на орфографию, как это сделал читатель. Не имея об орфографии представления, Амадеев сразу понял это слово так, как если бы оно было написано без ошибки — как вполне понятный глагол в повелительном наклонении.

В-третьих, сама форма этого глагола, которая могла показаться взрослому и образованному читателю несколько необычной, на самом деле случайным, но чудесным образом укладывалась в стилистику остального текста, прекрасно сочеталась с детским «сик-сик» и никаких подозрений не вызывала.

В-четвертых, у Амадеева не было никакого понятия не только об орфографии, но и о пунктуации, поэтому его, опять же, нисколько не смутило, что во фразе «СЕРИ СИК-СИК» отсутствуют знаки препинания. (Точно также этим нисколько не смущались и древние, прекрасно обходясь без пунктуации на протяжении тысячелетий.) Фраза эта была прочитана и понята Амадеевым без какого-либо препинания так, как если бы все знаки пунктуации уже стояли в ней на своих местах. Амадеев, собственно, перечитал фантик много раз, с разной интонацией и знаками препинания, например, заодно: «Сери! Сик-сик!!» Или уравновешенно, вдумчиво: «Сери, . . сик-сик. . ».

В-пятых, необходимо принять во внимание материал, из которого фантик был изготовлен. Это была восковая бумажка, и все на ней напечатанное просвечивало с обратной стороны. Разумеется, с изнанки буквы были несколько бледней, но и с лицевой стороны они отнюдь не были яркими и отчетливыми. К тому же, маленькому любителю ирисок было в тот момент явно не до градаций грязно-коричневого.

В-шестых, ситуация обострялась тем, что условный (но реально злой) кот был нарисован анфас и был абсолютно симметричен по вертикальной оси. Кот-то, кот — был тот же самый! И кот этот наглым и недобрым прищуренным взглядом по-старому, — по-ирис-кис-кисному! — в упор глядел на Амадеева, и вполне по-русски, четко и вразумительно призывал отнюдь не

поглотить конфет, а, напротив, совершить действия, относящиеся к выводу отработанных конфет из организма!

О, если бы хоть одно из этих слов оказалось бессмыслицей, к примеру, «абракадабра сик-сик» или «сери, быр-быр». Тогда все было бы иначе! Но, увы, никакой абракадабры не было, все шло — кот безошибочно, внятно и осмысленно требовал: «СЕРИ! СИК-СИК!!», вполне соблюдая не только общий смысл фразы, но и ее стилистику, форму, целостно и последовательно выражающуюся хорошо понятной детской лексикой.

Эффект от прочтения якобы фантика был настолько силен, что Амадеев, совершенно ошалев, какое-то время ходил по комнате и ощупывал предметы, проверяя их на реальность и постижимость. Все было на своих местах, включая волшебный фантик, который, не смотря на обыденность обстановки, свой немислимый призыв не отменял, и вновь превращаться в обертку от конфетки не собирался.

Было бы преувеличением сказать, что после этого Амадеев стал другим человеком, но уже немногим позже, периодически проезжая в общественном транспорте мимо одного кафе с косями неоновыми буквами, Амадеев несколько не удивлялся тому, что это учреждение общепита всегда называлось по-разному — то «Снежинка», то «Неженка», то «Жинка» (кто же не любил Тарапуньку и Штепсея!), а то и «Ежинка». . . Не знаю, как читателю, а Амадееву по-

следний вариант вовсе не казался вывеской с перегоревшими неоновыми буквами (см. «жинка» выше), и означал просто: «супруга ежа».

Амадеев был обречен стать филологом.

Сейчас Амадеев уже не скажет, чем закончилось это Невероятное Событие и как долго оно продолжалось, однако выводы, пусть не выраженные в слове, но сделанные в тот удивительный день, оставили в нем след на всю жизнь:

1. Доверять собственным представлениям и ощущениям — нельзя.

2. Ничто не «реально», — все может быть поставлено под вопрос.

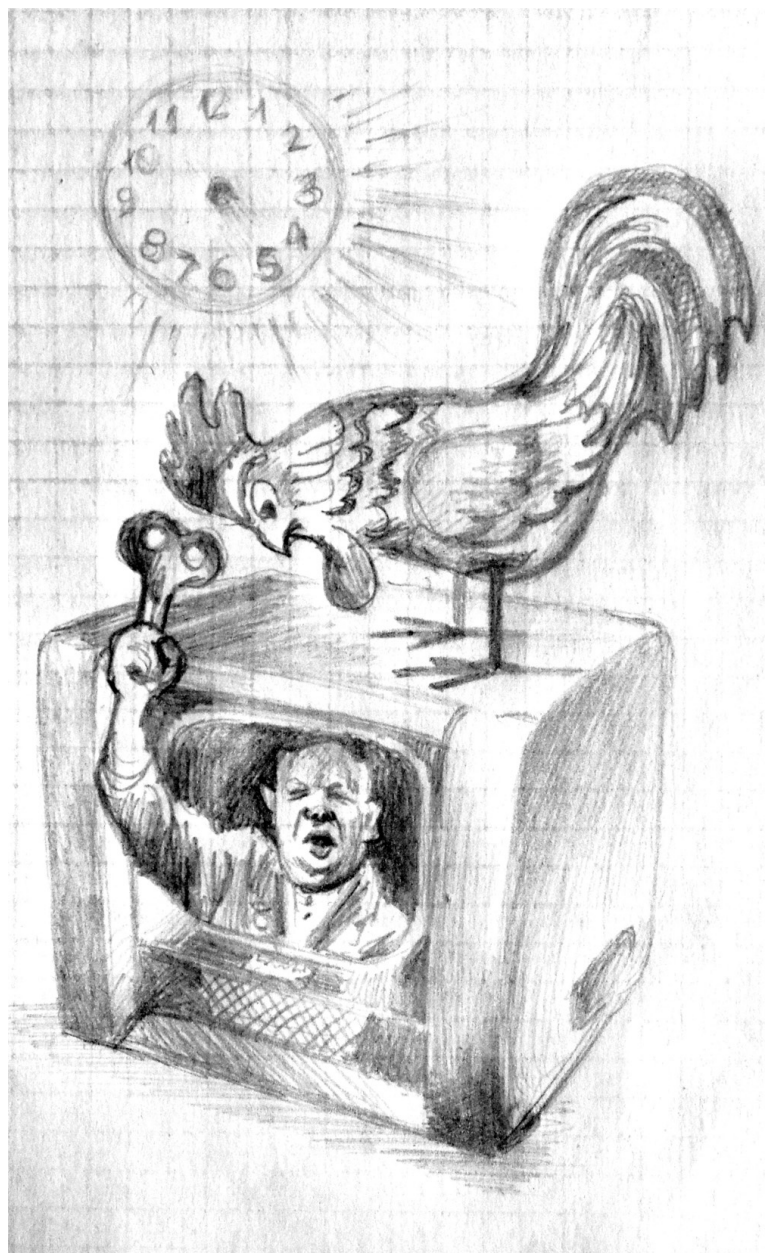
3. «Невозможное» — возможно.

4. Если с тобой случилось что-то необычное, не избегай этого. Это — твое.

5. Ириски вкусные, — несмотря ни на что.

6. Читать — интересно.

7. Даже если ты в чем-то совершенно уверен, не мешает взглянуть на это с другой стороны.

24. Механический петух

Амадеев задумался и попытался взглянуть с другой стороны. С другой стороны, однако, получалось, что Ирис Кис-Кис не был самым первым значительным событием в жизни Амадеева. Первым был безусловно Механический Петух.

Петуха принес отец, навестив Амадеева в больнице. Амадеев был в больнице первый раз, и петух оказался очень кстати. Петух замечательно клевал и напоминал, что отец где-то рядом. Петуха можно было сжимать под одеялом, он был на ощупь приятно-гладкий, с интересными пружинистыми лапами, которыми можно было играть, петуха не заводя.

Про петуха — отдельно, а сначала — про телевизор. Телевизор марки «Рекорд» был поистине спортсменом-рекордсменом, ибо кадр в нем постоянно бежал (за что, видимо, эта модель советского телевизора и удостоилась какой-то медали на какой-то выставке в пятьдесят каком-то году). Телевизор Амадеевых исключением не был, изображение в нем бегало с разной скоростью и в разные стороны, но на месте не стояло никогда.

На протяжении многих лет дядя Коля, инженер-электронщик, регулярно приходил к Амадеевым с небольшим чемоданчиком и, разложив восхитительное содержимое чемоданчика по столу, до ночи копался в кишках коричневого ящика, приятно воняя канифолью и подкручи-

вая узенькой отверточкой шляпки разноцветных присок и карамелек. Изображение, однако, упорно прыгало вплоть до начала семидесятых, когда, наконец, было куплено чудо техники — черно-белый телевизор с огромным экраном и непрывающим изображением. Сам факт, что диктор просто сидит на стуле и не подпрыгивает с частотой в три герца, был настолько поразителен, что поначалу, приходя из школы, Амадеев смотрел все подряд — «Наш сад», «Человек и закон», «Здоровье», и выключал телевизор только когда начинался «Ленинский университет миллионов». Это нельзя было смотреть ни в каком качестве.

Одно из важных воспоминаний о петухе было связано как раз с телевизором. В телевизоре нередко прыгала лысина какого-то дядьки, и мама, вынимая петуха у Амадеева из рук, показывала на лысака пальцем и выразительно говорила: «Смотри, это наш царь».

Титул «царь» был Амадееву в те годы так же понятен, как, скажем, «Гениальный Секретарь» или «Потомственный Магараджа Гвалиора, Траванкора и Визьянаграма», однако по перемене шемуся, какому-то чужому голосу родительницы Амадеев понимал, что дело это тухлое, и как-то сразу невзлюбил этого плешивого и свиномордого «царя», из-за которого почему-то надо было расстаться с петухом. Для мамы Амадеева слово «царь» означало «кто-то важный» (еще бы — на огромной площади лысака приветствовали неслетные полчища муравьев), — но как может

быть важным лысое существо, похожее на свинью? Для Амадеева «царь» и означало примерно: «лысая свинья, отнимающая петуха».

Петух же был чудом техники, нимало не уступавшим телевизору. Во всяком случае, работал он лучше. Петух приятно щелкал, когда его заводили, издавал замечательный звук, когда клевал, а жестяной расписной корпус петуха был красиво расписан «правильными» цветами («настоящим» красным, «настоящим» желтым, и такими же синим и зеленым) — не каждый ребенок сможет объяснить, что такое «настоящий» или «правильный» цвет, но любой ребенок легко отличит настоящую вещь от недоделки.

Жестяной корпус петуха был прекрасен, но вскоре лопнул, не в силах сдержать амадеевского стремления к познанию первопричин вещей. Амадеев, на самом деле, довольно долго себя сдерживал, но момент, когда выясняется, что «истина дороже», не наступить не мог.

Внутри петуха оказался жалкий на вид механизм, несоразмерно малый в сравнении с грандиозным жестяным оперением. Тяжелый труд по разборке (перешедшей в разламывание) петуха не принес Амадееву ожидаемых удовлетворения и просветления, ибо само по себе вскрытие корпуса никоим образом не помогло малолетнему луддиту постичь загадку петушиной анимации. Вскрыв петуха, Амадеев почувствовал себя обманутым, он был огорошен, и в отчаянном непонимании являл собой разительный контраст с одной прекрасной девчушкой, кото-

рая, будучи немногим старше, чем Амадеев в те годы, неожиданно вызвалась объяснить, как делают часы:

— А я знаю, как делают часы!

— И как же?

— Берут механичество, суют в банку такую круглую. . . Потом берут круглую штуку такую дырявую, надевают на палку, рисуют на ней цифры. . .

Амадеев не мог не испытать восхищения от легкости, с которой ребенок «взял механичество». В его детстве «механичества» тоже было немало, но он помнит, что оно было окутано покровом тайны и напоминало чудо. Чудес и причуд техники было немало — радиола «Чайка» затмила предыдущее по чудесности чудо — патефон. Патефон в свое время затмил музыкальную шкатулку, музыкальная — еще что-то, но у истоков плеяды чудес научно-технического прогресса стоял все-таки Механический Петух — первосимвол хотя и непродолжительного, но волшебного самодвижения.

В двух- или трехлетнем возрасте Амадеев, безусловно, уже увязывал вращательные движения ключа в петушином брюхе с бодрим петушиным поклевом, но попытка с наскака уяснить, почему петух скачет, когда ключ уже вынут, успехом не увенчалась. Недетские усилия, потраченные на отгибание (с эпизодическим отламыванием) железных ушек петушиных лат,

обернулись немалым разочарованием. «Механичество», обнаруженное внутри, никоим образом не проливало света на загадку самоклевания, а невозможность восстановления радужно-залихватского фабричного облика домашней (хотя и далеко не ручной) птицы донесла до Амадеева (пожалуй, преждевременно) библейскую истину о том, что во многой мудрости много печали.

Железные бутафорские латы-полупетухи очень скоро затерялись, но похожие на работа скромные петушинные кишки на мощных курьих ножках дожили до седых пружин (Амадеев с интересом подумал, что они легко переживут и его самого, Амадеева). За неимением ключа Амадеев иногда заводил кишки пассатижами, и всегда радовался безотказной работе робота, который как будто и не пролежал не одно десятилетие в каком-то хламе вместе со сломанными перьевыми ручками, облезшими значками и монетками так наз. «братских» стран.

О том, чтобы «механичество» выкинуть, не было и речи — в эпоху правления лысого царя Амадеев многие часы пытался механизм разобрать, ожидая, что он поддастся напору так же, как и жестяной корпус. Но это было невозможно — петух был склепан на заводе тяжелого кузнечно-прессового (или аналогичного, не менее тяжелого) оборудования. Потерпев неудачу, Амадеев невзвесть сколько времени изо дня в день заводил и упорно разглядывал железку на лапах — по счастью весь механизм был (как) на ладони — до тех пор, пока количество усилий не

перешло-таки в качество разумения, и Амадеев не понял, наконец, что именно пружина вытворяет с шестеренками и каким образом вращательное движение превращается в возвратно-поступательное.

Таких слов, конечно, Амадеев не знал, но почему петух клюет — *понял*. Озарение было такой силы, что Амадеев сначала не мог в него поверить и относился к нему, как и к любому чуду, с недоверием и осторожностью. Он вновь и вновь заводил петушиные кишки, и вновь ему казалось, что он не понимает, но он смотрел на то, как пружина разжимается, как шестеренки начинают двигаться, и — понимал! — потому что, к сожалению, однажды поняв, нельзя понимать перестать. Экклезиаста можно было бы пожалеть, подумал Амадеев, но только если бы тот не был царем. . . (Здесь, правда, есть надежда: любое понимание может оказаться заблуждением или самообманом, так что безысходности, на самом деле, нет. . .)

Важным для Амадеева оказалось иное — однажды начав понимать, войти во вкус, и остановиться уже невозможно. Петух сделал понимание сначала приятным времяпрепровождением, потом — осмысленным занятием, потом — насущной потребностью, потом — категорическим императивом.

Интересно, что в (относительно длительный) период борьбы с петухом (и с собственной недалекостью) Амадееву почему-то не пришло в голову спросить старших, каким же это образом

петух клюет. Амадеев не скажет, было ли причиной этому стремление к самостоятельности, или он не обращался ко взрослым, просто не считая их компетентными в вопросах петуха, однако Амадеев был сполна вознагражден за независимость и упорство: самостоятельное проникновение в тайну петуха стало первым настоящим достижением — первым отчетливым кадром в прыгающей картинке дошкольной жизни Амадеева.

Амадеев подумал, что именно с тех пор и действуют в его жизни три равновеликих императива — стремление к полной независимости, склонность к тайной умственной активности и неприятие любого безмозглого коллективного действия, будь то спортивное состязание, субботник, свадьба или демонстрация — в телевизоре или наяву. . . Незначай отнимая у Амадеева заводного петуха и почтительно отзываясь о плешивом свиномордом мужике, окруженном тучей поклонников, мама Амадеева, сама того не подозревая, одним махом, раз и навсегда выстроила для Амадеева шкалу истинных ценностей с двумя экстремумами: с одной стороны — лысым царем-долдоном, олысотворяющим все ложные ценности и всю бессмыслицу, которая только возможна в жизни, а с другой — восхитительным петухом — идеалом совершенства, триумфом разума, символом всего интересного, заслуживающего внимания, самоотверженности и любви. С тех пор нравственность и безнравственность стали оцениваться для Ама-

деева не по одномерной шкале «добра» и «зла», а по особой трехмерной этической системе, заставляющей постоянно двигаться в трех измерениях: от стадного к индивидуальному, от зависимости к свободе и от бездумия к пониманию.

Увы, вздохнул Амадеев, далеко не всегда он придерживался этих правильных направлений в жизни, и железный петух справедливо и немилосердно клевал его за каждое соучастие в затеях плешивого царя. . .

(Страница оставлена пустой
преднамеренно —
хочем и оставляем!)

25. В юр. консультации

— Что за странный вопрос! — возмутился юрист. — Так определил законодатель!

— Где, где он, этот загадочный и никому не известный Законо-даватель, это определил? — воскликнул Амадеев.

— Что значит «никому не известный» и что значит «где»? В части восьмой Комментария к статье четыреста семьдесят девятой Гражданского кодекса Эр, Эс, Эф, Эс, Эр!

Покрытые белым пухом пухлые пальчики юриста одним махом — смотри, неуч, как надо знать законодательство! — открыли толстую синюю книгу с желтыми страницами на нужном месте. «Юркий какой юрист», — подумал Амадеев. Сосисечные пальчики: «Хорошо, мы найдем, мы процитируем тебе, болван, неверующий в нашу абсолютную компетентность, мы сделаем это исключение для тебя, идиота, но с одним условием: ты замолкнешь раз и навсегда и растворись в небытии — если не хочешь, чтобы мы тебя, как муху, прихлопнули тяжелым дамкловым кирпичом! Берегись же!»

«Воспроизведение и распространение произведения, — голосом багдадского зазывалы возгласил юрист, — могут по договору с автором производить **ТОЛЬКО СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ОРГАНИЗАЦИИ**. [!! Пауза. Длиннее, чем оправдано текстом.] Воспроизведение и распространение печатной продукции (изданий)

[здесь-то зачем пауза?] осуществляют, как правило, издательства, демонстрацию произведений, существующих в единственном экземпляре в материальной форме, — музеи, выставки, доведение до неограниченного круга лиц в форме публичного исполнения осуществляют театры, концертные организации, радио, телевидение и тэ пэ П О Э Т О М У [!!!] ПРАВОМОЧИЕ АВТОРА НА ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ СВОДИТСЯ К ДАЧЕ РАЗРЕШЕНИЯ навоспроизведениеираспространениеисоответствующиморганизациям».

— А если эти организации не хотят воспроизводить и распространять то произведение, которое автор правомочно разрешил им воспроизвести и распространить?

— Зна-а-ачит, — радостно проблеял консультант, — оно не представляет ценности для наро-о-ода.

— Как же не представляет! Это — величайшее открытие, которое перевернет отечественную философскую науку! И потом, — я же, я же и есть народ! — воскликнул Амадеев.

— Не слишком ли много на себя берете? — зло оборвал Амадеева юрист, со всех сил захлопнув его кирпичом.

— А как называется статья номер. . . как вы сказали? . .

— 479-я? Очень просто называется: «Права автора».

— Главное из которых — писать и класть в стол?

— Что?! Выбирайте выражения, молодой человек! Я прожил большую жизнь! Я всю войну прошел! Знаете, что раньше с вами сделали бы за такие высказывания?

Маленький строгий полупрозрачный человек с небольшим полунимбом (наполовину скрывающийся, как известно, внутри каждого человека) больно ткнул юриста изнутри специальным маленьким ножичком: «Сам выбирай слова, мерзавец! Всю войну ты не прошел, а просидел — в подвале “соответствующей организации”, за что и получил свои побрякушки. . .»

— То есть никаких других способов. . .

— Со-вер-шен-но вер-но, молодой человек, — оборвал его юрист. — Следующий! Извините, вы же видите, сколько таких же как вы граждан нуждаются в консультации. Надо граждан уважать.

— Дура *lex, sed lex*, — сказал Амадеев.

— Совершенно верно, — сказал юрист уже другому посетителю, приняв слова Амадеева за чистую латынь. — Слушаю вас.

«Воспроизведе^Ние и распростра^Нение произведе^Ния, . . — бурчал себе под нос Амадеев, выходя на улицу, — просто Корней Чуковский какой-то. . . Разрешить тут, понимаешь, основной вопрос философии, а оно окажется, что разрешить — мало, нужна еще “дача разреше-

ния”. . . Кто бы мне адрес этой дачи дал, вот где отдохнуть бы, на Даче Разрешения. . .»

Амадеев увидел себя во внутреннем зеркале (служащем, как известно, «даче отражения») и поукорял себя немного. Ну вот, подумал он, только что я чувствовал себя наверху блаженства от очередного гениального научного открытия (уж которого по счету!), а вот поговорил с канцелярской крысой и хорошего настроения как ни бывало. . . Да, о просветленности можно только мечтать. Но человечество все равно узнает об этом, возможно, главным в его истории открытии, оно не может не узнать!

Амадеев еще долго мог бы на эту тему сам с собой рассуждать, но, к счастью, свернул в этот момент на улицу Некрасова у полуразвалившегося, но всюю обитаемого дома постройки неизвестного и отнюдь не текущего века.

(Страница оставлена пустой
преднамеренно —
или пустой *не* оставлена?)

26. На Некрасова

«На Некрасова» было как всегда шумно, душно, грязно и приятно. С первой же волной привычной пивной вони с души сваливался (маленькими буквами) гз любой тяжести, и вся относительность жизни со всеми ее «невзгодами» и «трудностями» оставалась за кривым забором, отделявшим «Некрасова» от противостоящего ему антимира.

Фаина мастерски меняла кружки под бурлящим краном, к нему не прикасаясь и не позволяя упасть ни капле. Бабка Зина помогала со сдачей. Аврал, народу полно, ничего не поделаешь! Мужики в такие дни сами сознательно подносили и сваливали на прилавок пустые кружки, облегчая участь бабки Зины: фаинино стахановское обслуживание вызывало всеобщее уважение, и если бы какому заезжему любителю пива по недоумию пришлось бы в голову просить «отстоя и долива», то ему, пожалуй, не поздоровилось бы.

Фаину ценили и еще за одну важную услугу, оказываемую пьющему люду: «*Мальчики, я пиво не разбавляю*, — спокойно поясняла она очередному заезжему правильному гражданину, указующему перстом на обглоданный кусок оргалита, призывающий требовать отстоя и долива, — *я пиво — недоливаю*». Заезжий правильный гражданин тут же понимал всю нелепость своих притязаний и немедленно начинал испы-

тывать к Фаине то же глубокое уважение, каким ее удостаивали и завсегдатаи «Некрасова».

Работа шла споро. Кран закрывался лишь изредка, когда какой-нибудь убогий кидал вместо денежки пуговицу или смятую водочную пробку. Его с шутками и подзатыльниками выталкивали из очереди, и он возвращался к своему обычному занятию: допиванию остатков в еще не прихваченных бабкой Зиной кружках.

О бабке Зине надо сказать отдельно. Неказистая, маленькая, прихрамывающая, всегда с одинаково злым лицом, бабка Зина показывала в своем деле чудеса высшего пилотажа. Лево́й рукой она захватывала больше кружек, чем было на руке пальцев, после чего докладывала, казалось, еще два раза по стольку же — наверх, до третьего этажа. Затем, захватив право́й рукой кружек, сколько могла, она выкрикивала что-то нечленораздельное стоящим рядом бездельникам, и они, побросав свои недоглоданные воблы, хватали какие есть пустые кружки, и наваливали их вёрхом на правую бабкизинину руку. Цирковое представление в виде бабки Зи́ны, доставляющей на мойку две пирамиды пустых кружек, было захватывающим, и Амадеев всегда жалел, что у него нет портативной кинокамеры.

Понятно, что подобная акробатика иногда завершалась плачевно — для очередной кружки, но отнюдь не для духа и быта «Некрасова»: произвольно кружек здесь никто не бил, такое поведение было здесь редкостью. Незадачливые молодые или заезжие посетители «Некрасова»,

соблазненные укромным местоположением пивной и внешне расслабленной атмосферой, могли позволить себе швырнуть обглоданную ставриду на пол или достать сигарету и в открытую закурить. Подобное поведение, однако, «На Некрасова» не поощрялось. В последнем случае происходило примерно следующее.

К курящему подходила бабка Зина и, вытирая стол, вопрошала как бы невзначай, но твердо: «Ты что, курец, что ли?» Не обращая внимания на «какую-то бабку», любитель пива и курения смачно затягивался. «Курец, что ли, говорю?» — переспрашивала бабка Зина несколько тверже. Курильщик, наконец, понимал, что обращаются к нему, но понимал, увы, поздно. «Курить — на улице!» — неожиданно грозно и гортанно возвещала бабка Зина, одним махом тряпкой выбивая сигарету и умывая незадачливого курильщика уникальной по составу жидкостью, собранной со столов «Некрасова». «Некрасов» был домом, а дома гадить не приставало.

«Сань, дай на кружку!» — на плечо Амадеева легла костлявая рука Гарри — нештатного сотрудника «Некрасова», который ко всем лицам мужского пола обращался «Сань» — и нередко бывал прав. Если же индивидуум, к которому обратился Гарри, имел причуду называться другим именем, то это нисколько не вредило беседе, скорее наоборот: дружеское обращение — залог успеха в межличностных отношениях.

Амадеев дал Гарри десять копеек. «Мне на Приокскую!» — с большой серьезностью, доверительно, почти заговорщически поведал Гарри, дыша в ухо Амадеева перегаром. Загадочная фраза была ключом к добыванию десюнчиков. Человек, услышавший такое от Гарри, во-первых, не чувствовал себя идиотом, который ни с того, ни с сего расстался с десятью копейками, а во-вторых, представлял себя почти благотворителем и воображал чуть ли не бедную семью Гарри, проживающую, по-видимому, в Приокском поселке, и нуждающуюся в хлебе и хозяйственном мыле. Амадеев и сам долго не понимал смысла этой фразы, покуда как-то не увидел Гарри в буфете гостиницы «Приокской», неподалеку от «Некрасова», где Гарри дрожащей рукой принимал от буфетчицы полу-стакан воющего вермута розового. Гарри был честным человеком.

Понятие честности, разумеется, в пивных и пивных очередях преобразалось, приобретая специфичную, пивную форму. Наступить на уроненные товарищем по счастью три копейки, чтобы потом их подобрать и попользоваться ими, не считалось предосудительным, а уличенный в подобном деянии наказывался не строго и вины не чувствовал. Его могли толкнуть больно, но незлобно: на его месте «всякий поступил бы так же». Всеохватывающий дефицит экзистенциально ограниченных материальных средств при всеобъемлющей потребности в спиртных и спиртосодержащих примирял все звенья пивной

цепочки, независимо от их возраста, профессии и образования, уравнивал все капельки ручейка, струящегося в океан умиротворения и покоя.

Пивная очередь жила по своему неписанному кодексу, нарушать который могли лишь немногие и нечасто. Никакой наглости не хватило бы для получения пива вне очереди, поскольку наглецу грозило бы наказание в виде физической расправы, причем приговор был бы приведен (и нередко приводился) в исполнение незамедлительно. Но бывали интересные исключения.

Однажды зимой, в более или менее лютый мороз, причем в воскресенье (когда, из-за отсутствия иных спиртосодержащих, пивные очереди особенно злы), Амадеев и Поляк оказались в самом конце очереди длинной в полтора пусть небольших, но квартала, и выстроившейся к убогому, но стратегически важному ларечку неподалеку от дома Амадеева. Драматичность придавал ситуации не столько мороз, сколько ползущий по очереди слух, что «пиво кончается», и что «она сказала больше не занимать». Налицо были все шансы отбарабанить на морозе полчаса-час и пива не попить. В подобной ситуации наглость не прошла бы ни под каким соусом, поскольку у ларька образовалось нечто вроде добровольной дружины: от безделья и беспиявья наиболее активные и физически подготовленные очередники образовали у заветного окошечка нечто вроде кордона, пропуская толь-

ко честно ждущих и со всей строгостью пресекая вылазки наглецов и обманщиков.

Ситуация была непростой, но Амадеев был с Поляком. А Поляк был личностью незаурядной, потому что при своем крайнем, абсолютном разгильдяйстве, он мог, — именно когда ситуация осложнялась, — сощуриться, подумать и сделать нечто такое, что не пришло бы в голову никому из его окружения, никогда.

Мороз крепчал. Поляк сощурился и при-
молк.

«Стой тут, — внезапно сказал он Амадееву, — я щас приду. У меня тут недалеко бабка живет». Еще не закончив фразу, Поляк канул в темноту скудно освещенных улочек с домами деревенского типа, оставив Амадеева вычислять, какое отношение полякова бабка может иметь к попыткам приобрести и выпить пива.

Отношение бабки к пиву оказалось самым прямым. Минут через десять Поляк материализовался из черноты с . . . выдавшим виды пожелтевшим и помятым оцинкованным ведром в руках. «Пошли», — сказал он Амадееву и решительно двинулся к заветному окошечку. Не обращая внимания на представителей «пивной дружины», Поляк вежливо извинился перед очередью («У меня вопрос»), согнулся в окошко и спросил, потрясая около своего уха оцинкованным ведром: «Скажите пожалуйста, а как вот нам быть с ведром, — в окошко-то оно не пройдет?»

«Ну ваще, — послышался из окошка раздраженный женский голос, — ты б еще бочку прикатил. Иди сюда, я те из шланга налью».

Через пару минут Поляк и Амадеев отходили от очереди с десятью литрами пива, а из очереди доносилось что-то вроде «Не фига се, смари, мужики с ведром пришли. . .» Ни у рядовых очередников, ни у передовых «дружинников» операция «Ведро» нареканий не вызвала. Поляк очередной раз доказал, что был личностью поистине неординарной.

«На Некрасова» — по сравнению с пивным ларьком — был комфорт. Не Главпивзал на Кал. проспекте, конечно, но здесь не было холодно в морозы, здесь не было мокро в дожди, здесь легко можно было провести весь день (напр. перед экзаменом), обстоятельно обсудив важнейшие вопросы политики, экономики, нравственности, безнравственности, — да чего угодно! — даже если придти сюда одному, как это сейчас сделал Амадеев. Здесь было то, что в переводах с английского называлось словом «клуб» (не путать с покосившимися строениями с грязной шваброй в красном уголке). «На Некрасова» шла настоящая жизнь: знакомые и друзья приходили, уходили, приходили снова (с поллитрами и колганами), снова уходили, уже в просветленном состоянии; тут можно было занять денег, выпить (а то и напиться) бесплатно, встретить человека, про которого почти забыл, и провести с ним день, как с закадычным

другом; здесь можно было просто безмятежно сидеть себе, попивать пиво, ни о чем не думая, а если было желание — декламировать, проповедовать, провозглашать, низвергать, обличать, превозносить, учить или учиться жить, нужное подчеркнуть. Ну где еще мог филолог Амадеев (преподаватель вуза) назначить художнику Жибину (учителю средней школы) встречу? Другого такого места в городе с полумиллионным населением просто не было!

Тут к Амадееву подошла Очередь и любезно поинтересовалась, сколько пива он будет брать. Амадеев поблагодарил за любезность, взял четыре кружки, сел на батарею и стал дожидаться Жибина.

(Страница оставлена пустой
преднамеренно —
еще раз)

27. Основной вопрос

Амадеев отхлебнул пива и расправил свои листочки, приклепнутые на первой странице синим штемпелем. «Исходящий», «на входящий», «отказать на основании». . .

Амадеев любил читать свои тексты, но только с одним условием: в руке у него должен, обязан был находиться пишущий инструмент. Без него Амадеев отказывался. Нет, без него было просто невозможно, невыносимо это видеть! А с ним — не только возможно и выносимо, но даже и интересно. Амадеев порылся в карманах. «Учись на отлично» куда-то задевалась — наверно, отчаялась убеждать Амадеева, который, как закончил институт, так ни одной «отлично» и не принес. Тут и зеленый стержень из ларька с еще не сдатой в макулатуру макулатурой подошел бы, да и спички «На Некрасова» нашлись бы. . . Амадеев на секунду задумался, оценивая возможность одолжения ручки (явно имевшейся) у Фаины и бабки Зины. . . «Нет, ну ты уже совсем дошел до ручки!» — с возмущением сказал себе Амадеев, — «Осталось только производственный процесс нарушить из-за твоей писанины!»

Амадеев решительно взялся за рукопись, которая, побывав в редакции, требовала, чтобы ее перечитали, хотя было ясно, что редакционные умы отнюдь не корпели над каждой ее строчкой.

А вот почему бы именно мне, Амадееву В.П., не взять и не разрешить прямо здесь и сейчас так называемый (!) "основной" вопрос философии?

Какой-то ненаучный слог, однако. . . конечно, как же такое напечатают. . . Вот взять, к примеру, «Научные основы оптимизации приобретения и употребления спиртных и спиртосодержащих напитков». . . Но то — другое дело. То — автографарет, то бишь автореферат диссертации, а это — постулат. Аксиома, в доказательствах не нуждающаяся! Да и как можно в двух словах выразить то, что выражается одним? Старина Кляйнер был по-своему прав, когда вернул Эйнштейну его «Новое определение размеров молекул», — диссертация была слишком короткой, — но что мог поделаться Эйнштейн? Я, разумеется, человек неглупый, подумал он, пригрюбившись, но что добавить — ума не приложу. . . Поднатужился он, бедный, поднапрягся (наверное, всю ночь сидел — эх, всегда они слишком коротки, эти отчеты о научно-исследовательской!), да и добавил — одно предложение. . .

Но я отвлекся, — Амадеев возобновил чтение своей работы, открывающей новую эру в философии в частности и в истории человечества в целом.

Глупцы!

Вот это хорошо, это от души, этим словом должен начинаться любой философский трактат.

"Основной" у них, видите ли, "вопрос" ихней "философии"...

Какая терминология пошла. . .

Истинный философ — Винни-Пух! Он не задавался идиотским вопросом "или-или". На вопрос дурака-Кролика "Вам меда или сгущенного молока?" Винни-Пух ответил так, как того требовала истина, не подвергшаяся вивисекции в примитивном мозгу философа-недоумка, ответил, как просветленный, как ясновидец, как тот, кто знает главное, и отбрасывает шлак: "Того и другого — и можно без хлеба".

Слепцы из индийской сказки, ощупывающие слона, и спорящие о том, о чем у вас нет и не может быть представления! Оставьте животное в покое! Вы слепы — я открою вам глаза.

Амадеев прочитал про слона и улыбнулся. Он был уверен, что произошел от слона и даже немного завидовал Летчику из-за его фамилии. Над Амадеевым (по габаритам скорее напоминающим зайца) из-за этого посмеивались, но он неизменно уточнял: «У меня *душа* слона».

Почему, скажите мне, так (вами) называемый (якобы) "основной" вопрос должен быть альтернативным? Кто и в связи с чем его таковым соделал? Вы не заметили случайно, что наиболее важные и сложные вопросы жизни, увы, не содержат в себе готовых ответов и выглядят совершенно иначе, например, "Где?", "Когда?", "Зачем?" и, главное, "Почему??"

Перечитайте собственную глупость: "Что является первичным — материя или сознание?" Вам самим-то не стыдно? Ну, разумеется, если "мы и они", "два мира — две философии", тогда не стыдно. Но это, заметьте, уже не наука, это — политика или того хуже: карьера, квартира, машина... Мир — один, уверяю вас.

Итак, что же там у нас "первично", и что "вторично"? (И достаточно ли иметь "первичное" и "вторичное"? А вдруг есть еще что-нибудь, "промежуточное"? Шучу, шучу, не волнуйтесь. Но от слона отойдите!) Итак.

I. Бытие первично как минимальное условие существования сознания. Чтобы что-либо сознавать, сознание должно БЫТЬ. Человек родился, и, разумеется, у него первично бытие. Тут ничего не поделаешь. Родилось, собственно, живот-

ное, и оно должно поесть, попить и еще кое-что. Однако...

2. В процессе своего развития человек обязан, именно ОБЯЗАН выйти за рамки животного (иначе называть его "человеком" нельзя) и добиться того, чтобы его сознание СТАЛО первично, чтобы оно НАЧАЛО определять его бытие.

Вся мораль и нравственность основана, собственно, лишь на одном правиле: умри, но гадости не делай. Другими словами: сознание должно стать НАСТОЛЬКО ПЕРВИЧНО, чтобы человек мог легко (именно легко!) ОТКАЗАТЬСЯ ОТ СВОЕГО (вонючего) имманентного БЫТИЯ во имя отнюдь не материальных, а прямо-таки эфемерных каких-то (а потому вонять никак не могущих) — трансцендентных ценностей и идеалов.

Таким образом, только идеализм может быть нравственен; материализм же, при всей своей "практичности" и "целесообразности", порочен по сути, как методология спасения животным собственной шкуры.

Интересно, что многие люди, весьма искренне поддерживающие материализм на словах, на деле со всей убедительностью доказали, что они (сами того не подозревая!) являются истинными и законченными идеалистами — когда они отдали

свои жизни за родину, за спасение людей, за правду и т.п. Интересно также, что подобное торжество идеализма расценивается декларативными материалистами, как поступок в высшей степени положительный, героический.

К счастью для человечества, таких поступков в его истории было немало. Подобным поступком человек убедительно доказывает: "Есть вещи поважнее моей драгоценной жизни". ПЕРВИЧНО — мое СОЗНАНИЕ, которое и определяет: быть моему бытию или не быть. А бытие — не более, чем балласт, препятствующий индивидууму стать и оставаться человеком, мешающий осознанно жить и достойно умереть.

Вот и получается, что ни бытие, ни сознание не могут быть "первичны" или "вторичны" сами по себе — точно так же, как мед сам по себе не исключает сгущенного молока. Бытие и сознание могут быть первичны или вторичны лишь в применении к конкретным обстоятельствам и в зависимости от этапа физического и нравственного развития индивидуума. Поэтому наибольший интерес представляет вопрос, а что У ВАС первично, причем в каждой отдельной жизненной ситуации — вот это и есть основной вопрос — и

философии вообще, и вашей жизни в частности.

Esto bonus miles,
tutor bonus, arbiter idem
Integer; ambiguae si quando
citabere testis
Incertaeque rei, Phalaris
licet imperet ut sis
Falsus et admoto
dictet perjuriam tauro,
Summum crede nefas
animam praeferre pudori
Et propter vitam
vivendi perdere causas.*

На этом текст трактата заканчивался. «Ну и где же перевод с “уродского”, по терминологии Голова, на “человеческий”? — подумал Амадеев. — Отпечатал последнюю страницу на кафедре, а вставить ее в русскую машинку поленился? Взял вот и напоследок все смазал. Всегда почему-то комом не первый, а последний блин. . .»

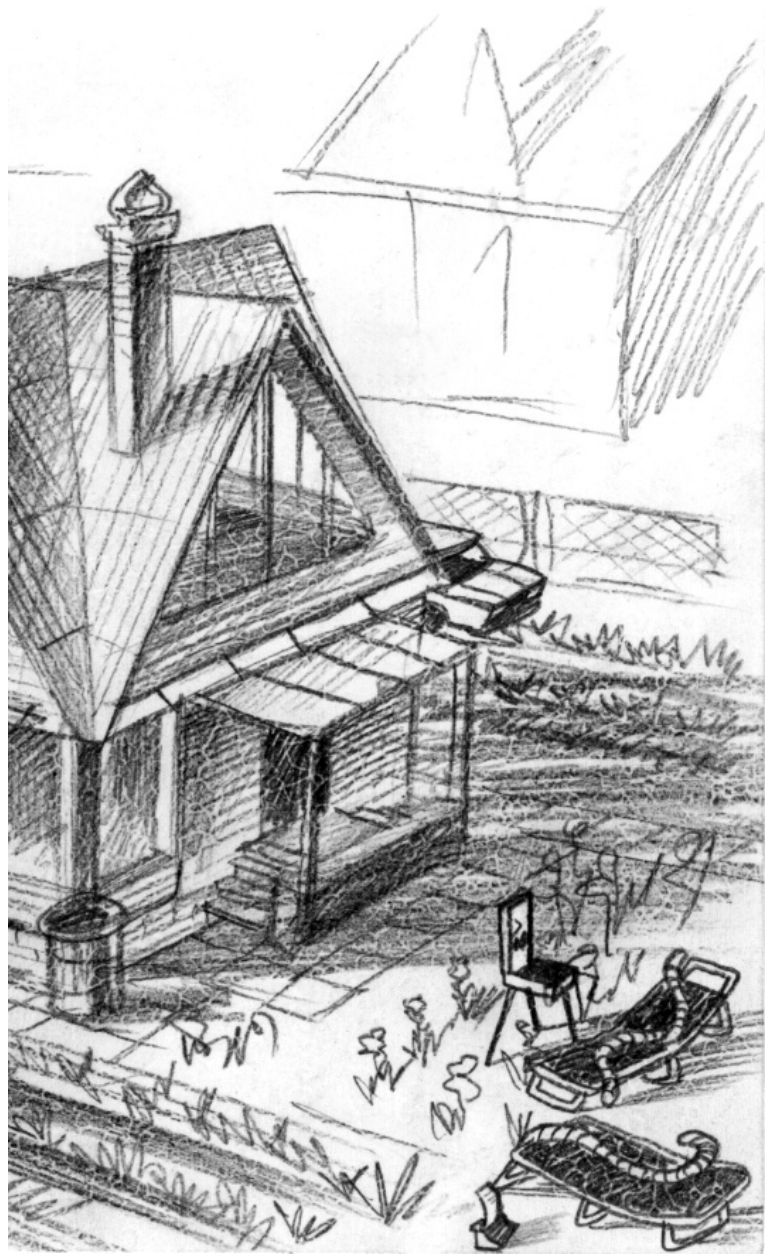
* Будь ты верный солдат, опекун, иль судья безупречный,
Если станешь свидетелем дел недостойных и темных, —
Хоть бы сам Фаларид повелел показать тебе ложно
И, быком угрожая, склонял бы тебя к преступленью, —
Помни: высший позор — поступиться из трусости честью,
Ибо жизнь ты спасешь, но *причину* для жизни утратишь.

Амадеев представил себе вечносерьезное лицо бабки Зины, читающей отрывок из восьмой сатиры Ювенала в конце трактата с изложением величайшего философского открытия, не затмевающего по своей значимости разве что Канта. «Намного короче, кстати, чем “Новое определение размеров молекул”, — промелькнуло в голове у Амадеева. — В “Новом определении” была, кажется, двадцать одна страница. . .»

Амадеев оборвал болтовню в своей голове, ибо из подобных «посылок» можно было сделать только неправильный вывод.

«Что так сердце бьется? — подумал Амадеев. — Ведь все же, вроде бы, нормально. . .»

(Страница оставлена пустой
преднамеренно —
в этой книжке главы
начинаются на нечетных страницах)

28. Вылет из залёта

(Примечание автора: в этой главе много-много, как правило, хотя и не всегда, соответствует отхлебыванию из кружки пива.)

Амадеев: Надо бы мне «О вреде мозгов» перечитать, а то что-то от мозгов все меньше и меньше пользы. . . Пока тебя тут дожидался, сначала Кантом, а потом Эйнштейном себя возомнил. . . Хорошо, бабка Зина не знает, а то б она мне тряпкой бы, да по морде. . . Или это от пива. . . как тебе, кстати?

Жибин: О-о-о, наконец-то — темное — это вам не столичный лимонад! — душистое. . . Грязанское пиво с большой буквы «П»!

А: Душком несет вон из галльюна. . . с большой буквы «Г». . .

Ж: Не на-а-адо, ты знаешь, как у нас в «Жигулях» несет, если не повезет со столом. . . Тебя просто выносит! Ну а в кантах и эйнштейнах я ничего плохого не вижу — себя надо уважать. . . В здоровую меру, разумеется. . .

А: Уважать себя я готов, но я не готов быть объектом чьей-то дешевой лести. Проблема в том, что я как бы и не замечаю, как такое со мной происходит, «человек, в общем-то, хороший, только вот с мозгами у него что-то». . .

Ж: Нет, а что дурного в сравнении с великими? На кого же еще равняться?

А: Представь себе: я только что перечитал вот эти несколько листочков, которые мне вернули из редакции — они, как всегда, не представляют ценности для мистического «народа», — и тут вдруг в голове у меня звучит: «Ты сделал величайшее философское открытие, не затмевающее разве что Иммануила Канта!» . . . Я говорю: «Да махонький трактатец-то получился», а голос мне: «Не важно, краткость — сестра таланта, ты — точь-в-точь Эйнштейн, у которого диссертация тоже малюсенькая была». . . Пойми, нет у меня никакой мании величия, это как будто в голове сидит кто-то еще!

Ж: Ну, во-первых, твой внутренний голос тебя выше Канта не ставил. . .

А: Да не мой это голос! Отрицаю! И заметь, что я, с его точки зрения, — хоть и не выше Канта, но сразу на втором после Канта месте. . . Остальные философы не годятся мне и в подметки. . . Декарты там разные, Спинозы. . . Что, это я *сам* так себя представляю? Ни коим образом! Это у меня в голове звучит чья-то, не моя болтовня! И триндит она всю дорогу. . . И, главное, начинает болтать не-за-мет-но! Я замечаю эту дурь, когда она уже всю прет! . .

Ж: Ты знаешь, со мной такое тоже бывает, и не редко. Только голос в моей башке меня по большей части ругает. . . Нет, он не сравнивает меня с Сальвадором Дали. . . Но болтовня прет, это факт! Я думал, это я сам. . .

А: Ну скажи мне, ну зачем бы ты стал это делать сам? Это «оно» прет — САМО. И если ты

это заметил, когда оно уже давно прет, — это сто процентов не ты! Это как будто у тебя в голове сидит какая-то говорящая жаба!

Ж: Или обезьяна. . .

А: Нет, обезьяны умные, они не будут нести такую чушь. . .

Ж: Ты знаешь, эта твоя идея «жабы» мне нравится. Потому что если это я сам всю дорогу себе говорю: «Зачем это сделал? Зачем вон то не сделал? Зачем сюда пришел? Почему туда не пошел?», то явно «с мозгами у него что-то», а если это «жаба», то ее. . . можно. . . просто. . .

А: Вот это не так уж и просто, как я обнаруживаю. Во-первых, ее нельзя убить. . . А поэтому, и во-вторых, ее нельзя заставить замолчать раз и навсегда. . . А в-третьих, я никак не могу уловить, когда она начинает. . .

Ж: Это точно, когда заметишь, тебя попреками уже вывернули наизнанку!

А: Важно, что заткнуть ее можно! Это, кстати, не так уж и трудно. Вот, к примеру, жаба говорит — как бы юристу, и как бы в юридической консультации, но, скажем, месяц спустя, после того, как я там был: «А вы-то кто такой, чтобы решать за весь народ? Кто дал вам такое право?» ну и так далее. . . Как только замечаешь такой базар, надо просто сказать жабе: «Его тут нет». Типа, юриста. Ну, скажем, в ванной, где это все происходит. И все. Жаба заткнулась. Причем сразу. . . «Его тут нет» действует безотказно. Но беда в том, что она может довольно долго болтать до того, как ты

заметишь, что тебя всего трясет — от спектакля, которого ты вовсе даже и не заказывал. . .

Ж: Тут тонкий момент: если жабу заметил ты, то ты — не жаба, это факт. Но если тебя всего трясет, — то это ведь ты с юристом споришь! . .

А: Нет, мне только кажется, что это я! Это жаба мной притворилась!

Ж: Но кто вспотел-то весь? Ты или жаба?

А: Да я, понятное дело. . .

Ж: Ну вот. . .

А: . . .

Ж: . . .

А: Да-а, дела-а. . . Ну хорошо, тогда так: плохая и чокнутая жаба меня, хорошего и спокойного, заставляет потеть. Причем без какой-либо необходимости и для меня незаметно! И мешает мне, скажем, спокойно и приятно принимать душ.

Ж: Без необходимости — может быть, но не без причины!

А: Кстати, если ничего интересного она не вспомнит, она будет болтать всякую ерунду. Скажем, если я вижу большую ворону, жаба мне скажет: «Какая ворона большая!» Зачем мне эти жабины откровения, если я ворону и без нее увидел? Или: «Чего у тебя душ такой ржавый? Ты чего, не можешь сетку заменить? А в субботу в хозяйственном, ты зачем серп на остроту проверял, и порезался, болван! Ну не идиот ли?». . .

Ж: Во-во, это чисто моя жаба! Это же, как его, «поток сознания».

А: Это не поток, это уток сознания. Мое сознание появляется, когда я говорю «Его тут нет!» А до этого — когда я всю спорю с юристом — я нахожусь как раз в бессознательном состоянии! Это жаба устроила цирк, в котором я, обезумевший, ношусь по арене под щелчки жабиного кнута! . .

Ж: Но причина, причина-то в чем?

А: Причина. . . Для жабы главное — цирк, а причину она найдет. . . Ужас в том, что если ты не очнешься, ты будешь всю дорогу выступать в цирке жабы, искренне и считая это своей жизнью!

Ж: Ну хорошо, а зачем жабе нужен этот цирк?

А: Не знаю. . . Может быть, она пытается заменить плохую реальность хорошим представлением — она переделывает прошлое, переигрывает ситуацию, в которой я, скажем, выглядел бледно. И вместо того, чтобы спокойно стоять под душем, «я» — я в кавычках, неменяемый артист цирка жабы — веду бои, побеждаю, оправдываюсь, обвиняю, становлюсь героем, гением, и всю машу после драки кулаками. . . Цирк да и только. . .

Ж: . . .

А: . . .

Ж: . . .

А: . . .

Ж: Вот поэтому и надо пить пиво. . . Потому что когда мы пьем пиво, . . мы не можем в беспамятстве носиться по арене. . . Мы, извините, заняты. . .

А: «Произвольное изменение сознания в субъективно положительную сторону». . .

Ж: . . . Ликвидирует аэродинамику.

А: ЧТО??!!

Ж: Ну, жизнь — залет, согласно Летчику. Так? Ну ведь ты залетел, — сам того не заметив, — к жабе в цирковые крысы. . .

А: Ну.

Ж: Ну вот за этим мы и применяем научное открытие и распитие. Важно, что это именно произвольное изменение сознания. Произвольный выход, нет, вылет из залета. . . В положительную сторону. А субъективно или объективно эта сторона положительная, нас уже не волнует. Главное — это прибывает жабу!

А: Да не прибывает это ее, душит на время. . . На утро она опять выползет. . .

Ж: Верно, и с новой силой, потому что у нее появится что сказать. . .

А: . . .

Ж: . . .

А: И дальше что? . .

Ж: Известно что, опять в торец, или в «Тухлый». . . Или на «Некрасова». . .

А: . . .

Ж: . . .

А: Это получается, мы тупее жабы. . . Я ей иногда говорю: «Молчи, жаба!», а она мне: «Сам

молчи, червь!» Может она и права, эта тварь. . . если мы с какой-то рептилией сладить не можем, то мы — тупее жаб, просто черви какие-то, беспозвоночные, нематоды. . .

Ж: О-о-о, а какой я стенд для кабинета зоологии сделал — Дали позавидовал бы проработке деталей.

А: А говоришь, твой голос не сравнивает тебя с Сальвадором Дали. . .

Ж: Это не голос, это я сам сравниваю! Там у меня и черви, и жабы, и Карл Линней, и мар-тышки, все, кто хочешь. . . Жалко отдавать было, хотел в подвале оставить. . . А насчет червей ты зря. . . Я теперь тебе точно могу сказать: черви появились у нас. . .

А: У вас?

Ж: И у вас тоже — около. . . ОКОЛО — Линней точно не помнит — пятисот миллионов лет чему-то тому назад, а рептилии — всего лишь около трехсот миллионов лет назад, тому же самому. . . У меня там очень славно одна жабочка вышла. . . Веселая такая получилась. . .

А: Вот я и говорю: нам до рептилий — еще двести миллионов лет! И зим. . . Ползти. . . На брюхе. . .

Ж: Ты ничего не понимаешь! Наоборот: мы, черви, — старожилы. . . мы жизнь знаем как никто, все-таки пятьсот миллионов зим пережить — это вам не каких-нибудь жалких триста миллионов. . .

А: Слушай, а это верно! Как я не подумал! А еще, заметь — рептилии-то, они пресмыкаются! А черви — не-е-ет! Они го-о-ордые!

Ж: Да, мы — гордые!

А: Смелые!

Ж: Умелые!!

А: Мы в любую дырку влезем!!!

Ж: Ммм. . . насчет этого не знаю, но пиво изумительное. . . . Ваше грязанское пиво — лучшее пиво в мире. . .

А: Пресмыкающихся. . .

Ж: . . . Не только! . . . И гордых тоже. . . Которые — пресмыкаться?? Ни-ни!! Не позволяет гордость. . .

А: И отсутствие позвоночника. . .

Ж: А-а-а, кстати, позвоночник! Вот мы и нашли! Вот причина жабьей подлости-то. . . Это позвоночные — а ну прогибаться и изгибаться. . . Все наизнанку вывернут! . .

А: Нет, совсем без позвоночника нельзя. Вот, к примеру, надо будет тебе позвонить, и как ты позвонишь — без позвоночника?

Ж: Можно не звонить — ты ведь провел исследование, из ста звонков сколько было полезных? Два?

А: Ровно два. . . Не два с половиной, заметь. . . Но это когда звонят тебе. . . А если, скажем, продолжения банкета жаждешь ты сам? Сразу пойдешь позвоночник искать, и две копейки. . .

Ж: . . .

А: . . .

Ж: . . . Нет, ну славное пиво, браво, Грязань. . .

А: . . . Это ладно, а вот как тогда черви. . .

Ж: . . . Какие черви? . .

А: Которые не крести. . . Сомнения у меня, понимаешь. . . Они хоть и безпозвоночно, но, однако ж тоже. . . прогибаются. . . изгибаются. . . Заметил?

Ж: Ммм. . . это другое, они — не пресмыкаются! Гибкость мышления, разумная адаптация, ситуативный подход, подполз, если угодно. . . Не надо тупо и прямо, надо с понятием. . .

А: Ну ладно, а с жабой, с жабой-то что делать?

Ж: С жабой? Как при любом залете — что нужно делать, если из твоего самолета вывалилась королева? . . . Нужно просто выровнять самолет. . . Больше ничего. . .

